

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

СУПОНИЦКАЯ Наталия Семеновна

**СКРЫТАЯ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТЬ НАУЧНОГО ТЕКСТА
(на материале немецкоязычных лингвистических
статей и монографий)**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор **С. Т. Нефёдов**

Санкт-Петербург
2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
ГЛАВА 1. Категория эгореферентности в лингвистике научной речи	15
1.1 Субъективность и эгореферентность: соотношение понятий	15
1.2 Антропоориентированные аспекты предложения и высказывания в работах отечественных и зарубежных лингвистов	17
1.3 Динамика исследовательских подходов в теории профессиональных языков и ее влияние на изучение средств эгореферентности	23
1.3.1 Системно-инвентарная модель рассмотрения профессиональных языков.....	31
1.3.2 Коммуникативно-функциональный анализ профессиональных языков.....	35
1.3.3 Лингвокогнитивный подход к анализу профессиональных языков.....	37
1.4 Аспекты рассмотрения авторизирующих средств в современной лингвистике научной речи.....	39
1.4.1 Анализ средств эгореферентности «от текста»	40
1.4.2 Прагмалингвистический анализ средств эгореферентности	43
1.4.3 Анализ средств эгореферентности в контекстах профессиональной коммуникации.....	49
1.4.4 Дискурсивно-текстовый анализ средств эгореферентности	54
Выводы по главе 1	58
ГЛАВА 2. Косвенно-эксплицитная эгореферентность научного текста ...	60
2.1 Механизмы косвенно-эксплицитной эгореферентности	60
2.2 Местоимения как средство косвенно-эксплицитной эгореферентности.....	66
2.2.1 Роль контекста для установления значения местоимения как средства косвенно-эксплицитной эгореферентности	70
2.2.2 Основные функции «wir» как средства обозначения опосредованной ступени эгореферентности в контекстах научного сообщения.....	73

2.2.2.1 Местоимение «wir» с функцией эго-идентичного обозначения автора.....	75
2.2.2.2 Местоимение «wir» с функцией совместного обозначения автора и читателя.....	78
2.2.2.3 Местоимение «wir» с функцией самообозначения автора как неотъемлемой части профессионального сообщества лингвистов.....	81
2.2.2.4 Местоимение «wir» с функцией самообозначения автора как части языкового и культурного сообщества.....	85
2.2.3 Основные функции «man» как средства обозначения опосредованной ступени эгореферентности в контекстах научного сообщения.....	88
2.2.3.1 Эго-идентичное «man»	91
2.2.3.2 Профессиональное «man»	94
2.2.3.3. Лингвокультурное «man»	96
2.3 Самообозначение от 3-его лица при помощи полнозначных номинаций «der Verfasser», «der Autor»	98
Выводы по главе 2	100
ГЛАВА 3. Имплицитные способы языкового маркирования авторского «присутствия» в научном тексте	102
3.1 Характеристика имплицитной эгореферентности.....	102
3.2 Механизмы имплицитной эгореферентности	107
3.3 Контекстная актуализация автора на основе семы антропонимичности эгоцентрических слов.....	113
3.3.1 Антропонимические предикаты речемыслительной деятельности.....	114
3.3.2 Абстрактные отглагольные существительные с семантикой мыслительных операций.....	120
3.3.3 Модально-эпистемические компоненты	126
3.3.4 Модальные глаголы в эпистемической функции	131
3.3.5 Рационально-оценочные лексемы.....	133
3.3.6 Реляционные коннекторно-связующие единицы текста	136

3.3.7 Авторская метафора	142
3.4 Контекстная актуализация автора в опоре на потенциальную диалогичность и модальность грамматических форм и конструкций.....	144
3.4.1 Интеррогативные формы высказываний.....	146
3.4.2 Императивные формы высказываний	148
3.4.3 Конструкции с конъюнктивом.....	152
3.5 Контекстная актуализация автора на основе намеренного нарушения семантического согласования между грамматическим субъектом и антропонимическим предикатом высказывания	153
Выводы по главе 3	157
Заключение	161
Список литературы	166
Список источников	185

Введение

Настоящее исследование посвящено комплексному коммуникативно-прагматическому изучению когнитивно-семантических механизмов формирования скрытой эгореферентности научного текста и системному представлению не прямых средств авторизации на материале немецкоязычных лингвистических научных статей и монографий.

Актуальность работы состоит том, что она выполнена в контексте современного антропоцентрического коммуникативно-прагматического подхода, рассматривающего язык и его категории в их сопряженности с пространством реальной коммуникации, оказывающим непосредственное воздействие на отбор языковых средств и построение текстов. Кроме того, проблематика, рассматриваемая в работе, актуальна в связи с обращением к непрямым способам авторизации, доминирующим в современных научных текстах и соответствующим общепринятым дискурсивным нормам надсубъектного представления научных результатов.

Научная новизна работы заключается в обращении к косвенно-эксплицитной и имплицитной автореференции и средствам её языкового воплощения, не получившим до сих пор в немецкой германистике всестороннего освещения. С семантико-прагматических и дискурсивных позиций сфера косвенно-эксплицитных и имплицитных авторизующих смыслов представляется в диссертации как неотъемлемый компонент содержания научного текста, через который актуализируется личная позиция автора-исследователя и его взаимоотношения с профессиональным сообществом. Кроме того, механизмы эгореферентности в процессе непрямого самообозначения автора рассматриваются с новых для лингвистики научной речи исследовательских ракурсов: когнитивно-семантического и дискурсивно-прагматического. Фокусирование внимания на речемыслительных и лингводискурсивных основаниях авторизации помогает вскрыть и описать, как автор воспринимает себя как участника

научно-познавательного процесса, какие роли он выбирает при самообозначении, как он моделирует intersubjectное взаимодействие с целевым адресатом и предвосхищает оценочные реакции профессионального сообщества.

Объектом исследования являются различные механизмы непрямо́й эгореферентности и языковые средства её маркирования в современных немецкоязычных научных статьях и монографиях.

Цель настоящей работы заключается в выявлении языковых маркеров косвенно-эксплицитной и имплицитной авторизации в научном тексте и создании их системной типологии на материале текстов научного лингвистического дискурса.

Цель работы предопределяет постановку следующих исследовательских **задач**:

- 1) Описать исследовательские подходы к авторизации в теории профессиональных языков и лингвистике научной речи;
- 2) Рассмотреть понятие «эгореферентность» как один из аспектов коммуникативно-прагматического содержания научного текста;
- 3) Проанализировать когнитивно-семантические механизмы эгореферентности при самообозначении автора в контекстах научного сообщения;
- 4) Выявить типы формирования авторизующих смыслов в контекстах научного сообщения с учетом способа языкового выражения;
- 5) Сравнить прямой способ выражения авторизующих смыслов с косвенно-эксплицитным и имплицитным механизмами их формирования;
- 6) Провести функциональную классификацию косвенно-эксплицитных и скрытых способов эгореферентности и маркирующих их языковых средств;

- 7) Выявить доленое соотношение языковых средств косвенно-эксплицитной и имплицитной авторизации в лингвистических научных статьях и монографиях;
- 8) Проанализировать употребление косвенно-эксплицитных и имплицитных авторизирующих средств в зависимости от коммуникативно-смысловой направленности составляющих частей научного текста;
- 9) На основе контекстуального анализа выявить коммуникативные роли автора, которые он выбирает в ориентации на дискурсивные нормы научной коммуникации и стандартные ожидания профессионального научного сообщества.

Материалом для исследования послужили 90 научных статей, отобранных из авторитетных лингвистических журналов «Zeitschrift für germanistische Linguistik», «Zeitschrift für deutsche Philologie», «Zeitschrift für angewandte Linguistik», «Zeitschrift für Sprachwissenschaft» (2005-2015 гг.) (общим объемом 2167 страниц / 43286 предикаций), а также 5 современных монографий по лингвистике немецкоязычных авторов (2009-2013 гг.) (общим объемом 1123 страниц / 23670 предикаций). Весь корпус изучаемых текстов, таким образом, включает два частных корпуса, соответствующих двум основным типам текста научного дискурса: корпус научных статей из ведущих периодических изданий и корпус монографий по лингвистике.

Немецкоязычная лингвистическая статья имеет обычно максимальный объем до 25 страниц, четко структурированную композицию, и в центре статьи есть одна общая проблема. Согласно исследованиям по прагматике и теории научного текста, статья обладает особой прототипической моделью построения (Swales 1990), в отдельных коммуникативно-прагматических блоках которой запечатлены основные этапы научно-познавательной деятельности.

Монография представляет собой научный труд, который отличается от статьи не только объемом, но и многоаспектным рассмотрением актуальных научных проблем, а также сложной композиционной структурой. Монографии обладают двумя типами композиции – моноцентрической или полицентрической [Котюрова, Баженова 2008: 255]. Если для моноцентрической композиции характерно последовательное изложение научно-познавательных этапов, касающихся обсуждения одной главной проблемы, то полицентрическая композиция приводит к разветвленности содержания научного произведения и отображению нескольких научных проблем, в отношении которых автор-исследователь должен прямо или косвенно выразить свою оценочную в широком смысле позицию. По этой причине автореферентные маркеры во всем спектре их языковых разновидностей представлены в научной монографии гораздо шире, чем в научной статье.

Жанрово-типологическое сопоставление, проведенное в настоящем исследовании, позволило более глубоко проанализировать и описать различные механизмы непрямой эгореферентности и на этой основе представить детализированную картину применения косвенно-эксплицитных и имплицитных самообозначений в различных контекстах научного сообщения.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных авторов в области изучения коммуникативно-прагматического потенциала языковых единиц разных уровней, а также работы по субъективности в языке (Э. Бенвенист, П. фон Поленц, Т. Бунгартен, Э. Бенеш, Р. Лангакер, В. Г. Адмони, С. Д. Кацнельсон, И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, Е. А. Гончарова, Е. Г. Хомякова, Т. Штайнхоф, Р. Креста, Г. Грэфен, В. Е. Чернявская, С. Т. Нефёдов), исследования понятийно-логической формы научного дискурса (М. Н. Кожина, Х. Шрёдер, Л. Гофманн, С. Хабшайд, К. Элих, М. П. Котюрова, Е. А. Баженова, Л. М. Лапп), работы в области лингвистики

текста (К. Бринкер, И. Р. Гальперин, К. А. Филиппов), теоретические разработки прагматических принципов общения в современной науке (Х. Вайнрих, Х-Л. Кретценбахер, М. Кляйн, К. Хайланд, Р. Экард).

В соответствии с поставленной целью и задачами работы в качестве основных **методов исследования** используются методы структурно-грамматического, контекстно-семантического, коммуникативно-прагматического и лингводискурсивного анализа, а также методы количественных подсчетов для установления общей употребительности маркеров косвенно-эксплицитной и имплицитной авторизации и их частотности относительно общего количества текстовых предикаций.

Теоретическая значимость. Работа вносит вклад в лингвистику научной речи, прагматику профессионального общения, в лингводискурсивное описание средств авторизации, а также расширяет существующие знания о механизмах формирования скрытой эгореферентности и её языковой актуализации в современном немецкоязычном научном тексте.

Практическая ценность. Материалы и полученные результаты могут быть использованы в лекционных курсах по лингвистической прагматике, теории профессиональных языков и научной коммуникации, а собранный и систематизированный лингвистический материал – на практических и семинарских занятиях по немецкому языку.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В научном немецкоязычном лингвистическом тексте эгореферентность имеет преимущественно скрытый – косвенно-опосредованный и имплицитный – характер. Этот характер обусловлен и скоординирован с сущностными характеристиками научно-исследовательской деятельности как процессом коллективного поиска нового знания. Скрытый характер эгореферентности отражает ориентацию автора на общепринятые дискурсивные нормы кооперативного профессионального взаимодействия. Личное мнение при этом выражается некатегоричным образом с учетом общеизвестного и общепринятого знания

и возможной ответной реакции представителей лингвистического сообщества.

2. Эгореферентность немецкоязычного научного лингвистического текста представлена в трех разновидностях: в виде прямой, косвенно-эксплицитной и имплицитной авторизации. Первые два типа являются эксплицитными по способу выражения, так как в этих случаях автор-исследователь прямо или косвенно обозначает себя при помощи отдельного знакового выражения. При имплицитном самообозначении отдельное знаковое выражение лица отсутствует.

3. В качестве прямых самообозначений исходно рассматриваются номинации автора через личное местоимение 1-ого лица ед. числа «*ich*», притяжательное местоимение *mein* и их падежные формы. Все остальные маркеры «авторского присутствия» считаются непрямыми.

4. Косвенно-эксплицитный способ авторизации реализуется в научной статье и монографии при помощи трех основных типов средств: личного местоимения 1-ого лица мн. числа *wir*, неопределенно-личного местоимения *man* и субстантивного самообозначения от 3-его лица *der Autor, der Verfasser, der Wissenschaftler*.

5. Различия в лексико-номинативном потенциале субстантивно-местоименных и субстантивных средств лежат в основе разных механизмов косвенно-эксплицитной авторизации.

Непрямые самообозначения через *wir* и *man* предполагают дополнительную опосредующую ступень референциальной соотнесенности с контекстуально ограниченным (*wir*) / открытым (*man*) множеством представителей профессионального / лингвокультурного сообщества, на фоне которого исследователь авторизуется выделенно (эксклюзивное *wir* и *man*) или интегрированно (инклюзивное *wir* и *man*). При использовании нарицательных существительных *der Autor, der Verfasser, der Wissenschaftler* реализуется дистанцированное самообозначение от 3-его лица.

6. Имплицированная эгоцентричность имеет два основных семантических источника. Первый из них связан с антропонимической и эгоцентрической семантикой определенных слов и выражений, таких как предикаты речемыслительной деятельности, модально-эпистемические компоненты, модальные глаголы, рационально-оценочные лексемы, коннекторы и метафорические выражения. Вторым источником сопряжен с потенциальной диалогичностью и модальностью некоторых типов грамматических форм высказываний.

7. Выделяются три основных когнитивно-семантических механизма имплицитной авторизации. Первый из них реализуется при употреблении в составе текстовых высказываний единиц с антропонимической и эгоцентрической семантикой. При этом запускается механизм контекстной актуализации семы лица или общей соотнесенности со сферой лица. В контексте научного сообщения актуализируемое лицо интерпретируется как автор-исследователь.

Второй механизм опирается на потенциальную диалогичность вопросительных и императивных высказываний и эпистемическую модальность высказываний с конъюнктивом в «ассертивной среде» научного текста. В первом случае актуализируется коммуникативное взаимодействие автора и адресата и, тем самым, имплицитно присутствует их присутствие, во втором – авторская позиция относительно степени достоверности содержания высказывания и присутствие автора.

Третий механизм основывается на намеренном нарушении семантического согласования между антропонимическим предикатом и неодушевленным грамматическим субъектом и представляет собой стилистически выразительный прием имплицитной авторизации. В результате метонимического переноса в качестве активно действующей инстанции представляется не сам субъект глагольного действия, а ментальный продукт его научно-исследовательской деятельности.

Апробация работы. Результаты настоящего исследования были представлены в форме докладов на XLIII, XLIV, XLV Международной филологической научной конференциях (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2014, 2015, 2016 гг.), 23-ем и 24-ом конгрессе Немецкого лингвистического общества («Gesellschaft für Sprache und Sprachen – GeSuS») «23. Linguistik- und Literaturtage. Die Sprachen Mitteleuropas und darüber hinaus» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2015 г.), «24. Jahrestagung der Gesellschaft für Sprache und Sprachen (GeSuS) e.V.» (Чехия, г. Брно, 2016). Ключевые концепции работы обсуждались в рамках аспирантского семинара и на заседаниях кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета, а также во время научной стажировки в университете г. Фрайбурга (Freiburg-im-Breisgau, 2014 г.)

Структура работы. Исследование состоит из введения, трех глав и заключения, списка источников, библиографического списка и приложения.

Основное содержание работы

Во **введении** определяется актуальность и научная новизна работы, формулируются цели и задачи, характеризуется материал анализа, излагаются положения, выносимые на защиту, раскрываются теоретическая значимость и практическая ценность работы.

В Главе I «**Категория эгореферентности в лингвистике научной речи**» рассматриваются теоретические положения, послужившие основой для исследования текстового материала, а также приводится аналитический обзор и критическое осмысление представленных в отечественной и зарубежной теории профессиональных языков точек зрения на авторизацию и языковые способы ее маркирования в научных текстах.

В Главе II «**Косвенно-эксплицитная эгореферентность научного текста**» рассматриваются механизмы формирования косвенно-эксплицитных автореферентных номинаций в контекстах научной коммуникации и наиболее частотные языковые средства косвенно-эксплицитной эгореферентности в научном лингвистическом тексте. В опоре на

лингводискурсивный подход языковые средства косвенно-эксплицитной авторизации анализируются в проекции на социально-коммуникативное пространство межличностного общения. Это позволяет вскрыть прагматические основания предпочтения не прямых самообозначений автора прямым и, тем самым, более глубоко описать место изучаемых средств в разветвленной функциональной системе обозначений авторского присутствия в научном тексте.

В Главе III **«Способы языкового маркирования имплицитного «присутствия» автора в научном тексте»** рассматриваются грамматические группировки лексики и типы грамматических структур, которые обладают «скрытой валентностью на говорящего» (Падучева 2011) или потенциальной диалогичностью. В результате применения имплицитных средств эгореферентности автор напрямую не называет себя, но индуцирует свое присутствие через антропонимические и эгоцентрические референции в контексте научного сообщения. Поскольку авторизация понимается в широком смысле как проявление любой субъективности, границы которой могут быть установлены дискурсивно и прагматически, то в научном тексте могут быть обнаружены предельно скрытые, дискурсивно-авторереферентные средства.

В **заключении** приводятся основные выводы и результаты исследования, а также намечаются дальнейшие перспективы анализа авторереферентных средств. Предложенное комплексное описание вносит вклад в типологию авторизующих средств по степени их эксплицитности в немецкоязычном научном тексте.

Список работ, опубликованных по теме исследования:

- 1) Супоницкая Н. С. Категория авторизации в лингвистике научной речи / Н. С. Супоницкая // Университетский научный журнал (филологические и исторические науки, искусствоведение). СПб., 2016. № 18. – С. 209–219.

- 2) Супоницкая Н. С. Способы языкового маркирования имплицитного «присутствия» автора в научном тексте / Н. С. Супоницкая // Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (61): в 3-х ч. Ч. 1. С. 133–138.
- 3) Супоницкая Н. С. Косвенные средства авторизации в научных текстах / Н. С. Супоницкая // Научное обозрение: гуманитарные исследования. М.: Наука Образования. № 4 – 2016. – С. 153–162.
- 4) Супоницкая Н. С. Отражение коммуникативных стратегий авторизации в разных блоках научного текста / Н. С. Супоницкая // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. V: Язык профессиональной коммуникации — немецкий: сб. ст. / под ред. д-ра филол. наук С. Т. Нефёдова, канд. филол. наук Е. А. Ковтуновой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. – С. 47–63.
- 5) Супоницкая Н. С. Виды авторизованной импликации в научной монографии / Н. С. Супоницкая // Грамматика, лексикология и фразеологии: (Романо-германистика): материалы XLIV Международной филологической конференции, 10–15 марта 2015 г. / под ред. Е. С. Петровой, Н. Г. Мед. СПб.: Изд-во «ВВМ», 2015. – С. 88–94.
- 6) Супоницкая Н. С. Коннекторы как маркеры присутствия автора в научном тексте / Н. С. Супоницкая // Материалы XLIII Международной филологической конференции. Вып. 18 : Секция грамматики (романо-германский цикл) / под ред. А. В. Зеленщикова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – С. 76–85.

ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ НАУЧНОЙ РЕЧИ

1.1 СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТЬ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

На современном этапе развития лингвистической науки анализу языка в проекции на мыслящего и говорящего субъекта отведена самая важная роль. Внутренний мир чувств, мыслей и волевых устремлений человека составляют неотъемлемые части индивидуальной психики говорящего и непосредственно отражаются в языке как «следы» его субъективности.

Изучение субъективности как лингвистической проблемы предполагает рассмотрение всего спектра языковых средств разных сторон языка, при помощи которых речевой и когнитивный субъект проявляет себя через язык, когда формулирует свою личную позицию, оценивает точку зрения других или общепринятые нормы и стандарты, фокусируется на взаимодействии с адресатом, организует и комментирует свой текст – в общем обнаруживает свое присутствие в процессе речевой (текстовой) деятельности.

Субъективность человеческого языка / речи – эта самая общая антропоцентрическая категория, охватывающая все аспекты креативной речетворческой деятельности субъекта в актах устной или письменной коммуникации. Изучение этой категории имеет длительную историю. На развитие лингвистических теорий о субъективной, иначе говоря, антропоориентированной природе языка оказали влияние очень многие языковеды, и среди них – выдающийся французский лингвист Э. Бенвенист. Он объясняет субъективность как результат «присвоения языка» субъектом и пишет об этом буквально следующее: «язык без выражения лица немислим,

способность говорящего присваивать себе язык в процессе его применения, отражающаяся в самом языке в виде особой черты его устройства, называется субъективностью в языке» [Бенвенист 2009: 13]. Субъективность определяется как проявление в человеке фундаментального свойства языка, как психическое единство, трансцендентное по отношению к совокупности полученного опыта и обеспечивающее постоянство сознания [Бенвенист 2009: 293].

За субъективностью вскрывается еще более общее свойство языка, состоящее в том, что язык является семиотической системой. Основные референциальные точки данной системы соотнесены с говорящим индивидом, поэтому именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект. Только язык способен создать реальность, которая может быть соотнесена с понятием «Ego» — «моё я».

В этой связи Е. Г. Хомякова пишет об эгоцентризме как речемыслительной деятельности в целом. Под эгоцентризмом она понимает «особую способность Homo sapiens отражать в своем сознании, преломляя сквозь призму мыслящего и говорящего Я, образ окружающего его мира, частью которого он себя сознает и языковую картину которого создает в процессе речемыслительной деятельности» [Хомякова 2002: 4].

Наряду с понятием «эгореферентность» в лингвистике для обозначения категории авторского «я» существует понятие «авторизация», при помощи которого можно также описывать особую роль субъективного / личностного фактора в тексте, в диссертации оба понятия будут использоваться как синонимичные.

Характерный для антропоцентрического подхода приоритет научных объяснений изучаемых языковых фактов и свойств с позиций человека и в соотнесенности с человеком / структурой личности человека обнаруживает себя при описании лингвистами самых разных сторон и феноменов языка, в том числе при изучении аспектов предложения и высказывания.

1.2 АНТРОПООРИЕНТИРОВАННЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИНГВИСТОВ

Антропоцентрический подход в лингвистике рассматривает язык как продукт речемыслительной деятельности человека, как уникальную сугубо человеческую способность. Эта мысль лейтмотивом проходит через работы многих известных отечественных лингвистов.

Е. А. Гончарова, например, указывает на то, что «развитие лингвистики отличается постоянно усиливающимся влиянием на все ее области антропоцентрического подхода, при котором языковые явления трактуются с позиций «присвоения» их человеком - носителем языка» [Гончарова 1999: 146].

Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что в языке и его формах и категориях находят отражение все основные составляющие личности человека: интеллект, воля и эмоционально-психическая сфера [Арутюнова 1999: 301].

Антропоцентрическая лингвистика изучает язык особым образом. Для неё язык – это не просто некая иерархическая система элементов, а язык в связи с человеком и для человека. Поэтому её абсолютными приоритетами является изучение «человека в языке» и «языка через человека». Отсюда, антропоцентризм в лингвистике - это объяснение языка с позиций человека, как он реально пользуется этой своей уникальной способностью, чтобы: 1) передавать информацию о мире и о себе; 2) устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми; 3) воздействовать на других людей, чтобы заставлять действовать в своих интересах.

В любом тексте, в том числе научном, как проявлении креативной деятельности индивидуального сознания в той или иной степени присутствует авторский план. Он является одним из аспектов коммуникативно-прагматического содержания текста. При интерпретации такого сложного и многогранного образования, как текст, многие

исследователи выделяют различные аспекты в его содержании. Одной из таких значимых работ последнего времени является докторская диссертация Н. А. Трофимовой, в которой проблеме аспектности языкового содержания уделяется большое внимание. В данной работе вводится понятие «многослойная модель смысла высказывания», и на материале экспрессивных речевых актов и реализующих их высказываний подробно анализируется их многоаспектная содержательная структура (Трофимова 2009).

Следует сказать, что идея аспектности предложения принадлежит в теории языкознания и в теории грамматики В. Г. Адмони. Ещё в 30-ые гг. им была выдвинута идея многоаспектности предложения, которая потом постоянно уточнялась и разрабатывалась в более поздних его работах. В работе «Синтаксис современного немецкого языка: система отношений и система построения» (1973) В. Г. Адмони выделяет семь основных аспектов предложения [Адмони 1973: 43-45]: 1) Логико-грамматический аспект; 2) Модально-аффирмативный аспект; 3) Аспект степени полноты предложения; 4) Аспект места предложения в развёрнутой речи; 5) Аспект коммуникативной задачи предложения; 6) Аспект познавательной установки говорящего; 7) Эмоциональный аспект.

Как уже видно из названий аспектов предложения, большинство из них указывают на активную речетворческую роль самого говорящего. При характеристике выделенных аспектов В. Г. Адмони отмечал, что в таком многоаспектном образовании, как предложение, все компоненты иерархически соположены, а степень их важности в формировании целостного смысла может быть различной [Адмони 1976].

Опираясь на идеи В. Г. Адмони, Н. А. Трофимова предлагает рассматривать данные аспекты предложения в качестве компонентов смысла при реализации предложения как высказывания. При этом процесс «конституирования смысла» [Трофимова 2009: 47] высказывания, заключающийся в составлении целостного смысла из разных компонентов в

акте коммуникации, создает своего рода многомерное пространство. Для установления такого смысла необходимы знания по семантике, прагматике, лингвистике текста, а также феноменов, которые имеют отношение к референции отдельных выражений, к речевым актам и созданию текстовой когерентности, к импликациям и социальным отношениям коммуникативных партнеров [Трофимова 2009: 49].

В предлагаемой «многослойной» модели смысла Н. А. Трофимова выделяет следующие «слои» смысла экспрессивных речевых высказываний [Трофимова 2009: 45]: 1) пропозициональный, 2) интенциональный, 3) эмотивный. В свою очередь эмотивный (лично-психологический) смысл включает у Н. А. Трофимовой три компонента: 1) оценочный, 2) эмоциональный, 3) реляционный.

Благодаря выделенному Н. А. Трофимовой реляционному компоненту, входящему в состав эмотивного смысла речевого высказывания, можно говорить о важной роли этого компонента не только для рассматриваемых ею высказываний, но и, в принципе, для любого высказывания. Этот компонент фиксирует межличностные отношения между продуцентом и реципиентом текста и всегда присутствует в тексте.

В концепции И. П. Сусова аспекты предложения и текста объединяются в более крупные категории. По мнению ученого, ведущими слоями содержания высказывания в широком понимании (от актуализированного в тексте предложения до целостного текста) оказываются семантическая и прагматическая структуры [Сусов 1985: 3]. Это объясняется тем, что текст по природе своей обращен, «с одной стороны, к системе языковых конститутивных единиц, а с другой стороны, к деятельности общения, т.е. к коммуникативному акту» [Сусов 1979: 90]. Соответственно этому И. П. Сусов различает два уровня содержания.

Прагматическая структура образует вершину иерархии, ей подчинена семантическая структура. Коммуникативно-функциональный, или прагматический, аспект текста связывает его с коммуникативным актом, где

сам текст и возникает, ведь говорящий или пишущий намеренно и целенаправленно используют текст как средство для достижения определенных целей. Основными компонентами прагматической структуры высказывания являются, по И. П. Сусову, интенциональный (универсальный признак высказывания), дейктический (ориентационный), пресуппозиционный и импликационный компоненты. Каждый из этих компонентов образует один из аспектов прагматической структуры языковых образований [Сусов 1979: 95].

Семантическая структура текста у И. П. Сусова представляет собой когерентную последовательность отдельно взятых пропозиций для выражения некоторого положения дел в мире. Семантический анализ направлен на выявление денотативно-референтных компонентов содержания, которые соотносят текст с определенным фрагментом мира предметов, их свойств и отношений. Как пишет И. П. Сусов, «модальные, темпоральные, эмотивные и многие другие компоненты содержания текста, имеющие коммуникативно-прагматический характер, описываются в терминах референтно-денотативной семантики» [Сусов 1979: 96].

Еще одну трактовку аспектов содержания высказывания предлагает В. Г. Гак в книге «Языковые преобразования». Высказывание, по В. Г. Гаку, имеет двухчастную структуру. С одной стороны, высказывание сообщает о событии, факте, положении дел, отражает некоторую ситуацию действительности. Вслед за Ш. Балли, В. Г. Гак называет этот денотативный аспект высказывания «диктумом» (от лат. *dictum* — «сказанное»). Другая сторона высказывания — модально-коммуникативный аспект, который получает у В. Г. Гака название «модус» (от лат. *modus* — «образ, способ») [Гак 1998: 657]. Этот аспект отображает способ представления диктума. «Модус» высказывания многомерен и включает в себя разнообразные линии: цели и условия общения, позицию говорящего, степень информированности адресата и т.д.

Следует отметить, что В. Г. Гак анализировал модусные значения на материале французского языка, однако выделенные им модусные категории могут быть применимы и к другим языкам. Всего В. Г. Гак говорит о восьми модусных категориях: категории персональности, категории темпоральности, категории модальности, категории истинности, категории целенаправленности, категории информативности, категории временной локализованности, категории речевой ситуативности [Гак 1978: 20].

Некоторые из данных категорий можно соотнести с упомянутыми выше аспектами предложения В. Г. Адмони. Например, категория истинности соотносится с аффирмативным аспектом предложения, категория целенаправленности связана напрямую с аспектом коммуникативной цели, категория информативности может быть сопоставлена с аспектом актуального членения предложения.

Особенно важными являются для настоящей работы выделенные В. Г. Гаком категории речевой ситуативности и персональности. Последняя особенно отражает прагматические отношения говорящего и адресата.

Таким образом, по В. Г. Гаку, смысл высказывания складывается из диктума (пропозиции) и различных модусных значений (модуса). В своем подходе к структуре содержания высказывания В. Г. Гак опирается на теорию Ш. Балли. Ш. Балли подчеркивал приоритет модуса, называя его «душой предложения» [Балли 1955: 44], потому что именно благодаря взаимодействию модусных категорий высказывание становится коммуникативной единицей, которая отражает, как говорящий / пишущий передает новое сообщение, включенное в наличные условия и обстоятельства общения.

О типах модусов подробно пишет также и Н. Д. Арутюнова. В книге «Язык и мир человека» целая глава посвящена предложению и производным от него значениям. Предложение становится основным средством выражения фактообразующего значения. Тематизация этого значения достигается инверсией модуса и пропозиции. Предикаты при этом должны обладать

способностью сочетаться с фактообразующим значением. По семантике большинство таких предикатов соответствует семантике модуса, или пропозициональному отношению (установке) [Арутюнова 1999: 408]. Пропозициональное отношение устанавливает связь между говорящим субъектом и пропозицией. При этом под пропозицией Н. Д. Арутюнова подразумевает диктум, а в категории модуса в качестве «постоянного партнера диктума» выступают у неё глаголы пропозиционального отношения, имеющие модальную коннотацию.

Значения модуса имеют у Н. Д. Арутюновой следующие планы [Арутюнова 1999: 411]:

1. перцептивный план (сенсорный) – модус чувственного восприятия;
2. ментальный план (эпистемический, когнитивный) – модус полагания, оценки, сомнения, незнания;
3. эмотивный план – модус эмоционального состояния и отношения;
4. волеизъявительный план – модус желания и необходимости.

Классификация модусов Н. Д. Арутюновой дает возможность для нашего исследования увидеть дополнительные планы содержания, которые указывают на присутствие автора в научном тексте.

Подобным образом Г. Я. Солганик описывает модус, для которого «это не обязательно часть конструкции, а особый слой синтаксического значения, связанный с принадлежностью высказывания говорящему» [Солганик 1984: 177].

С. Т. Нефёдов трактует модус и модальность высказывания с коммуникативных позиций. Средства воплощения этого плана содержания представляют собой ««эго-проекции» когнитивных установок человека говорящего, его эмоциональных состояний и волевых проявлений в дискурсе-текст» [Нефёдов 2008: 16].

Таким образом, план эгореферентности научного текста является одним из аспектов коммуникативно-прагматического содержания текста. Благодаря модусным компонентам основное содержание модифицируется и

подключается к ситуации общения. Эти компоненты речевого акта в структуре высказывания отображаются в ряде категорий, из которых одни ориентированы на говорящего, другие на слушающего, а третьи отражают отношения между ними. Следовательно, автор в научном тексте может хорошо контролировать процесс общения с читателем.

Однако категория авторизации в научном тексте рассматривалась не всегда одинаково. Трактовка средств эгореферентности менялась в зависимости от меняющихся со временем исследовательских подходов к изучению профессиональных языков, о чем пойдет речь в следующем разделе.

1.3 ДИНАМИКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ В ТЕОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИЗУЧЕНИЕ СРЕДСТВ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТИ

Основная исследовательская задача теории профессиональной коммуникации, которая сложилась в 60-е годы, заключается, как известно, в изучении и объяснении того, как происходит языковое общение в профессиональных коллективах и на основании каких общих правил осуществляется это общение. Актуальность данной теории и её ярко выраженный прикладной характер обусловлены тем, что наука и язык находятся в постоянном развитии. Социальная значимость теории возрастает по мере роста информации в разных сферах социальной деятельности людей, глобализации и растущей конкуренции между национальными лингвокультурными сообществами.

Эти сложные процессы напрямую затрагивают сферу науки, которая обнаруживает на основе познанных закономерностей новые знания. Затем наука создает на базе этих знаний новые технологии, определяющие социальный прогресс наций. При этом язык и текстовые формы вне зависимости от разных типов их материальности остаются главными

носителями научной информации. Поэтому понятен интерес к исследованию языков для специальных целей.

Научная сфера социальной деятельности людей характеризуется глубокой специализацией и, соответственно, многообразием профессиональных языков. Все вместе они составляют особую подсистему общенационального языка, которая и обслуживает сферу профессиональной коммуникации. Эта функциональная подсистема получает различное терминологическое обозначение в разных частных лингвистиках профессиональных языков.

Так, в англоязычных странах языки профессионального общения получили название «Languages for special purposes» – «языки для специальных целей». В русскоязычной научной традиции термин «языки для специальных целей» получил также широкое распространение, однако до сих пор ученые продолжают использовать такие термины, как «научная речь», «научный стиль», «стиль научного изложения», «профессиональный язык», «специальный язык», «научный язык» и т.д.

В данной работе в качестве родового понятия для общего названия профессиональных языков используется понятие «научная речь». При этом мы опираемся на взгляды С. Д. Кацнельсона, О. А. Гойхман и Т. М. Надеиной при разграничении понятий «язык» и «речь» [Кацнельсон 1972; Гойхман, Надеина 2008]. В общем виде О. А. Гойхман и Т. М. Надеина определяют «язык» как систему знаков, единицы которой и отношения между ними образуют иерархически упорядоченную структуру. Термин «речь» используется в указанной монографии в двух значениях. Во-первых, «речью» называется один из видов коммуникативной деятельности человека: использование языка для общения с другими людьми. «Речь» в этом смысле – конкретная коммуникативно-речевая деятельность, находящая свое выражение либо в звуковой, либо в письменной форме. Авторы особо подчеркивают, что «речь» – это результат деятельности, а текст (статья, сообщение и т.д.) – один из компонентов этой комплексной деятельности.

Таким образом, «язык» отражает «систему, структуру», а «речь» – деятельность, процесс. В связи с этим становится понятным, что для определения «коммуникации» закрепился термин «речевая», а для структуры – «языковая» [Гойхман, Надеина 2008: 9]. «Речь» становится синонимом «речевой деятельности», в результате которой создаются и воспринимаются устные и письменные тексты. Язык же воспринимается как статическая инвентарная «система» вербальных ресурсов, которая, по словам С. Д. Кацнельсона, «вливается в речь не как целостная структура, а фрагментарно, отдельными строевыми элементами, отбираемыми согласно потребностям сообщения и получающими в речи свое особое, специфическое для данного текста построение» [Кацнельсон 1972: 97].

Что касается немецкоязычных стран, то здесь для обозначения профессиональных языков закрепилось понятие «Fachsprachen». Известный немецкий исследователь Л. Гоффманн предлагает следующее определение языка для специальных целей: *«совокупность всех языковых средств (курсив наш – Н. С.), используемых в профессионально ограниченной коммуникативной сфере для достижения взаимопонимания между людьми, занимающимися соответствующей профессиональной деятельностью»* [Hoffmann 1987: 307].

В приведенном определении особенно важным является указание на совокупность всех средств, которые могут принадлежать разным сторонам языка, однако служить одной общей цели: успешной коммуникации.

Главной идеей исследований Л. Гоффманна в формирующемся новом подходе к языку науки стала мысль о «дифференцированном использовании языковых средств в зависимости от цели коммуникации» [Hoffmann 1989: 76]. При этом Л. Гоффманн впервые в эксплицитной форме сформулировал три новые аспекта в изучении языка науки, ранее практически не интересовавшие исследователей, но которые, благодаря ему, выдвинулись в качестве первоочередных задач изучения при постепенном отходе от прежней, сугубо лексикологической ориентации теории профессиональных

языков на изучение исключительно терминологии [Hoffmann 1985: 53]. Тезисно новые линии рассмотрения языка науки, предлагаемые Л. Гоффманном, можно сформулировать следующим образом:

- 1) К профессиональному языку относятся все языковые средства, которые используются в какой-либо специализированной сфере социальной деятельности, а не только лексические;
- 2) Профессиональный язык включен в ситуацию общения («*situativ eingebettet*») и, следовательно, особое внимание исследователи должны уделять взаимоотношениям между «профессиональным текстом» (*Fachtext*) и «профессиональным контекстом» (*Fachkontext*);
- 3) Основная цель профессионального языка состоит в том, чтобы обеспечить успешное взаимопонимание между общающимися в той или иной профессиональной сфере.

Осознание того, что язык науки во всей совокупности лексических и грамматических форм используется для специальных целей в данной сфере коммуникации, закономерным образом сфокусировало внимание исследователей на тексте. Только на текстовом уровне становится возможным решить и поставленные Л. Гоффманном, и многие другие задачи использования профессионального языка в типичных для него контекстах общения. В центре исследований «специального языка», таким образом, оказались письменные (а позднее и устные) тексты (*Fachtexte*), включающие набор различных фонологических, морфологических, семантических и синтаксических конститuentов, вербализующих процесс профессиональной коммуникации [HSK: 408].

В многотомной научно-теоретической серии «Справочники по лингвистике и коммуникационной науке» (*Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*) два тома посвящены профессиональному языку (Vol. 14. Halbband I; Vol. 14. Halbband II «*Fachsprache. Languages for Special Purposes*»). Тексты для специальных целей описываются здесь с нескольких позиций; см.: [HSK: 408-413].

Во-первых, профессиональный текст представляется как манифестация профессионального языка в коммуникативно завершенной форме. Он имеет целый «набор различных фонологических, морфологических, синтаксических, текстоорганизующих конститuentов, на основе анализа которых могут быть описаны принципы профессиональной коммуникации» [НСК: 408]. Таким образом, профессиональный текст представляет собой сложное, но четко структурированное образование.

Во-вторых, профессиональный текст определяется как трансфрастическое единство, обнаруживающее общие черты в текстообразовании на формальном уровне, уровне внешней когезии, эксплицитно сигнализирующей о причинно-следственных, локальных, темпоральных и других связях между частями текста.

В-третьих, профессиональный текст квалифицируется как тематико-семантическое единство, в котором на уровне темы текста через кореферентность языковых номинаций и контекстуальную синонимию, антонимию, повторы, гипо- / гиперонимию, парафразы и т.д. обеспечивается смысловая цельность текста.

В-четвертых, профессиональный текст рассматривается как синтаксическое единство, в котором выбор грамматико-синтаксических форм подчинен определенным правилам и закономерностям, отражающим общепринятый в профессиональном сообществе коммуникативный узус формулирования содержания, запланированного говорящим / пишущим к выражению. Грамматико-синтаксические средства, свойственные профессиональному тексту, обеспечивают надежность при восприятии адресатом.

И, наконец, в-пятых, профессиональный текст характеризуется как коммуникативно-функциональное единство, создаваемое для решения конкретных задач и обладающее глобальной текстовой функцией, скоординированной с центральными целеустановками профессионального сообщества.

Отмеченная многогранность и в то же самое время специфика профессиональных текстов в плане формы, содержания и функций делают их особым объектом для изучения в рамках специальной дисциплины – теории профессиональных языков. Как отдельное направление исследования теория профессиональных языков (Fachsprachenforschung) сформировалась в 60–70-ые гг. XX века; на начальных этапах её развития большое влияние оказали Л. Гоффманн, Х. Шрёдер, Г. Ольденбург.

В самом начале становления этого направления в центре внимания исследователей профессиональных языков находился профессиональный лексический состав, т.е. терминология (Fachwort), позже – профессиональная морфология и синтаксис (Fachsprachengrammatik). С 70-х гг. на первый план выдвигается интерес непосредственно к профессиональному тексту в целом (Fachtext und Fachtextualität). Лишь позднее научный интерес коснулся различных видов и сфер функционирования профессионального языка (Fachsprachenkontext), а также общепринятых принципов профессиональной коммуникации (Fachkommunikation).

В отечественной лингвистике анализ языка науки по традиции остается интегрированным в функциональную стилистику, а раздел о научном функциональном стиле входит в качестве обязательного в теоретические и практические пособия по стилистике соответствующего языка.

Следует отметить, однако, что изучение научной речи в отечественной лингвистике активизировалось несколько раньше, чем в зарубежной лингвистике: в 60-е гг. XX в. Особенно интенсивно эта проблематика разрабатывалась в рамках Пермской школы функциональной стилистики во главе с М. Н. Кожиной. Первыми опубликованными на тему специальных языков научные работы стали, среди прочих, следующие: монография М. Н. Кожиной 1966 года «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики», а также диссертация её ученицы М. П. Котюровой на тему: «Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле» (1974).

Как отмечает М. Н. Кожина, «вместе с развитием функциональной стилистики начинается специальное интенсивное исследование научного стиля русского и европейских языков, в том числе стилостатистическими методами» [Кожина 2006: 247].

На материале русской научной речи научным текстам посвящены также работы О. Б. Сиротинина, М. П. Сенкевич и других исследователей. В этих работах речь идет, в первую очередь, об определении специфики научного стиля, о его отличительных признаках и экстралингвистических факторах, оказывающих влияние на текстообразование в научной коммуникации.

Особенности функционирования языковых единиц на лексическом, грамматическом, морфологическом и синтаксическом уровнях стали предметом изучения в 70-ые гг. в исследованиях многих отечественных лингвистов: Е. С. Троянской, О. А. Лаптевой, О. Д. Митрофановой и др. Благодаря системному анализу языка науки были выявлены наиболее значимые черты научного текста как такового.

На материале немецкого языка интенсивное исследование научных текстов осуществлялось многими отечественными лингвистами: Н. М. Разинкиной, М. П. Брандес, Э. Г. Ризель, М. П. Кульгав, С. Д. Бересневым и др. В исследованиях упомянутых лингвистов особое место уделяется анализу научной коммуникации, ее принципов и функций в перспективе от типичных для языка науки языковых средств.

Отмеченная выше разница между зарубежным подходом к лингвистическому анализу языка науки в рамках отдельной дисциплины и традиционным рассмотрением отечественными лингвистами профессиональных языков в рамках функциональной стилистики оказывается вторичной на фоне общего поступательного развития методологии лингвистических исследований. Смена глобальных «научных парадигм» оказывает неизмеримо большее влияние на лингвистический анализ языковых феноменов, чем их изучение в рамках специально создаваемой или уже существующей дисциплины.

В этой связи в статье «Изменчивый «образ языка» в науке XX века» Ю. С. Степанов высказывает идею о том, что язык соотносится с веком, а мысль человека - с мыслью века. Речь идет «об эволюции взглядов на язык на протяжении XX века и, самое главное, о тех новых чертах, которые «образ языка» приобрел к концу нашего столетия» [Степанов 1995: 7]. Представление языка в виде сложного пространства позволило ученому объяснить, как в этом пространстве формируются новые идеи о языке. Образ языка в своей изменчивости в науке и искусстве, представленный в различных парадигмах соотношения ментального и языкового пространств, связывается в данной работе Ю. С. Степанова с образом самого XX века. Человек неразрывно связан с языком, о чем свидетельствует и современная научная парадигма в лингвистике, получившая название «антропоцентризм». Как пишет Ю. С. Степанов: «Ни один крупный лингвист последнего десятилетия, если только он не принимал без критики положений догматического структурализма, не миновал вопроса об антропоцентризме в языке, а, следовательно, и в лингвистической теории» [Степанов 2001: 49].

Для того, чтобы понимать антропоцентрическую сущность языка, лингвист-исследователь берет на себя роль интерпретатора. Он становится в позицию говорящего или адресанта. Он моделирует и объясняет языковые закономерности с точки зрения интерактантов коммуникативно-речевого взаимодействия. Лингвистический антропоцентризм находит свое отражение в таких направлениях, как лингвопрагматика, когнитивная лингвистика, дискурсивно–текстовая лингвистика. Как раз параллельно с прагмалингвистикой и лингвистикой текста шло развитие лингвистики научной речи.

Лингвистика научной речи (ЛНР) (нем. *Wissenschaftslinguistik*, англ. *academic writing/ language of science*) – особое направление в рамках теории профессиональных языков, которая изучает язык науки во всех релевантных для лингвистики аспектах.

Важно отметить, что эволюцию ЛНР и жанрово-стилистического

анализа научных текстов нельзя рассматривать отдельно от развития лингвистики в целом. Они проходят те же этапы развития, что и вся языковедческая наука и все её традиционные и новые междисциплинарные направления, такие как прагмалингвистика, лингвистика текста, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и т.д., ознаменовавшие смену «парадигмы лингвистического знания» [Демьянков: 2007: 27-37]¹. Научной парадигмой, или «парадигмой научного знания», вслед за Т. Куном, стали называть в 70-ые гг. совокупность методологических принципов, «которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Kuhn 1962: 28].

Как пишет Т. Рёльке, в исследовании профессиональных языков на разных этапах доминировали три основные концепции / модели описания языка: системно-структурная (инвентарная), прагмалингвистическая, когнитивно-лингвистическая [Roelke 2010: 16-17].

Таким образом, общую линию развития ЛНР можно описать следующим образом: от системно-инвентарной (статической) модели рассмотрения профессиональных языков через коммуникативно-функциональную модель к лингвопрагматической контекстной модели изучения языка науки.

1.3.1 СИСТЕМНО-ИНВЕНТАРНАЯ МОДЕЛЬ РАССМОТРЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

До формирования лингвистики научной речи как отдельной дисциплины и на начальных этапах её развития в 50-70-ые гг. XX века складывается системно-инвентарная (статическая / внеконтекстная / отобразительно-объективирующая) модель описания языка науки. В рамках

¹ Как пишет В. З. Демьянков, использование термина «научная парадигма» – одно из проявлений антропоцентричной философии науки. Парадигма, в отличие от научной теории, представляет собой образец, которому следуют в своих научных построениях ученые.

этой модели основное внимание исследователей было сосредоточено на самом очевидном и лежащем на поверхности научных текстов – на особенностях их внешней структурной организации, на употреблении в них специфических лексических единиц, грамматических форм и конструкций.

Данная модель позволила выделить и систематизировать типичные лексические единицы (термины) и грамматические средства (доминирующие синтаксические структуры и грамматические формы), встречающиеся в научных текстах в рамках профессиональной коммуникации. Помимо этого, особое внимание уделялось внутриязыковой системности этих средств, то есть функциям в проекции на оппозиционные формы (актив-пассив, личность - безличность), как они выявляются в языковой системе.

Следует отметить, что списки специализированных (типичных) языковых средств научных текстов широко представлены в немецкоязычной лингвистической литературе. При этом они характеризуются значительной вариативностью. К наиболее частотным языковым индикаторам научного стиля изложения можно отнести следующие: деагентивные, пассивные, а также инфинитивные и рефлексивные конструкции, атрибутивные генитивные цепочки, номинативные структуры, специальную лексику, коннекторы, неопределенно-личные местоимения с генерализирующим значением и т.д. (Roelke 2011; Heinemann 2000; Кожина 2006; Вуфманн 2008, Steinhoff 2008).

Например, Т. Рёльке выделяет следующие 15 типов средств, высокочастотных в немецкоязычных научных текстах: 1) 3-е лицо; 2) генерализирующий презенс; 3) пассивные и рефлексивные конструкции; 4) множественное число от вещественных и абстрактных существительных (Salze, Erdöle, Aktivitäten); 5) средства текстового членения; 6) композиты; 7) сложносокращенные слова (аббревиатуры); 8) слова, полученные в результате конверсии (röntgen); 9) повествовательные предложения; 10) придаточные предложения условия и цели; 11) относительные придаточные предложения; 12) многозвенные генитивные атрибутивные

цепочки; 13) глагольные-именные коллокации; 14) предложные конструкции; 15) производные слова [Roelke 2011: 274-275].

Такие частотные в языке науки средства рассматриваются в рамках системно-инвентарного подхода в качестве базового инструментария профессионального «субъязыка». Этот инструментарий формирует основополагающие функционально-стилистические признаки научного стиля, для которого характерна, как указывает Т. Рёльке [Roelke 2011: 277-278], объективность, анонимность, четкость, отсутствие выразительности, маркирование ассертивной модальности.

На материале русского языка М. Н. Кожина указывает на то, что благодаря этим частотным средствам научный стиль строится на доминантном принципе обобщенно-отвлеченности в сочетании с подчеркнутой логичностью речи. В результате применения такого рода языковых средств научное изложение приобретает черты абстрагизации, подчеркнутой логичности, точности, ясности, объективности изложения, последовательности, логизированной оценочности, некатегоричности изложения [Кожина 2006: 242-248].

Выявление типичных для научной коммуникации классов языковых средств и конструкций, а также их функционального потенциала позволило объяснить некоторые характерные черты стиля научного изложения, и прежде всего ярко выраженную внешнюю безличность и бессубъектность научных текстов. Более того, этот вывод находит у многих исследователей, работающих в рамках инвентарной модели, опору в общепринятом на данном этапе философском взгляде на науку как деятельность сугубо теоретико-обобщающего плана, которую отличает абстрактность, обезличенность и ориентированность описания на объект научного анализа. Коммуникативный контекст и ситуация общения в науке не играют при таком подходе никакой роли, ведущим является лишь общепризнанное представление о науке как объектноориентированной деятельности, которая фиксирует закономерные связи и устройства объекта.

Таким образом, непосредственное изучение эгореферентности научного текста («присутствия автора-исследователя») не входило в исследовательскую программу профессиональных языков на этом этапе. Исследователи были сосредоточены на других проблемах:

- 1) На выяснении соотношения языка науки и его лексической и грамматической спецификой с общенациональным языком.
- 2) На выделении типичных жанровых черт, которые влияют на частотность употребления языковых и грамматических средств.

Данная модель описания языка науки эмпирически подтверждается в целом ряде исследований квантитативным анализом языковой формы научных текстов. Так, в работах известного немецкого лингвиста Х. Кретценбахера приводятся количественные данные о наличии в немецкоязычных статьях и монографиях некоторых типичных грамматических форм и структур. В статье «Синтаксис научного текста» Х. Кретценбахер приводит данные о том, что 93,81 % от всех личных форм предикатов стоит в 3-м лице в естественно-научных текстах, а в гуманитарных текстах этот показатель возрастает до 94,62 % [Kretzenbacher 1995: 1-2].

Эти подсчеты свидетельствуют о том, что в научной коммуникации доминантно выражается коммуникативная роль референта / объекта изучения, а роли коммуникаторов – говорящего/пишущего и адресата практически исключены. Однако, это – только первый шаг к объяснению общепринятых стандартов общения в сфере науки, следствием которых и является внешне бессубъектная, «деагентивированная» форма текста. В целом же, оставаясь в рамках системно-структурной, инвентарной модели рассмотрения научных текстов, исследования на этом этапе развития лингвистики научной речи не выходили на уровень коммуникативно-прагматических интерпретаций языковых фактов. На следующем этапе развития теории профессиональных языков делается попытка ответить на вопрос о том, почему преобладают деагентивные формы.

1.3.2 КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

В 80–90-ые гг. XX в. появляется коммуникативно–функциональный анализ профессиональных языков, или динамическая / прагматическая / контекстно- и коммуникативно-ориентированная модель описания языка науки.

Данная модель знаменует собой попытки объяснить научную речь с прагматических позиций, т.е. с какой целью использует говорящий или пишущий языковые выражения, чтобы эффективно решить стоящие перед ним практические задачи и почему именно такие языковые средства являются предпочтительными в данном типе общения. Объяснение специфических языковых черт научных текстов происходит в проекции на социальные стандарты / нормы ведения коммуникации в научной сфере, а также исходя из характера профессиональной научной деятельности и ее ведущей социальной задачи, при решении которой важен непосредственно полученный результат, а не роль агенса в научно-познавательного процесса.

Причем, в рамках этого общего прагматического подхода взгляды лингвистов на научный текст также зависят от того, какие аспекты и параметры прагматического контекста выдвигаются ими на передний план.

Можно отметить в целом, что на данном этапе развития лингвистики научной речи языковые средства, в том числе средства эгореферентности, объясняются в проекции на субъекта речи с учетом целей и норм общения в данной сфере социальной деятельности. Так, например, опираясь на данные анализа внешней формы, выявленные лингвистами на предыдущем этапе изучения профессионального языка науки, и свои собственные наблюдения, Х. Вайнрих формулирует общепринятые нормы общения в категоричном виде как «запреты»: запрет на авторизацию (*das Ich-Verbot*), нарративный запрет (*das Erzähl-Verbot*), запрет на метафору (*das Metaphern-Verbot*) [Weinrich 1989: 232]. Х. Кретценбахер, продолжая в своих работах

обсуждение языка науки, в ещё более категоричной форме объясняет доминирование «деагентивированных» языковых средств как проявление коммуникативных «табу»: табу на авторизацию (das Ich-Tabu), табу на метафору (das Metapherntabu), нарративное табу (das Erzähltabu) [Kretzenbacher 1995: 26]. По-видимому, данные Х. Вайнрихом и Х. Кретценбахером характеристики научной письменной коммуникации правомерно рассматривать как самые общие тенденции в построении научной речи / текстов. Эти тенденции находят, среди прочего, обоснование в принципе релевантности П. Грайса, который заключается в том, что пропозициональное содержание высказывания должно соответствовать глобальной теме высказывания. Нарушение данного постулата может привести к сбоям в коммуникации и разрыву отношений [Грайс 1985: 217-237]. Следовательно, в науке не принято говорить «я».

Как пишет Г. Грэфен, ссылаясь на Х. Вайнриха, «для распространения и публикации научного текста целеполагающим является общий результат, который не зависит от индивидуальности исследователя» [Graefen 1997: 201].

В целом следует отметить, что на этом этапе специфика языка науки не получает всестороннего объяснения с коммуникативных позиций.

Во-первых, устанавливается чересчур жесткая «привязка» коммуникативной характеристики научных текстов к внешней форме.

Во-вторых, слишком общее и категоричное объяснение в виде «запретов» и «табу» касается только самых общих тенденций в сфере научной коммуникации в целом, безотносительно к профессиональной специализации наук, к типам и жанрам текстов и т.д.

В-третьих, ориентация только на прямые формы дает искаженное представление об авторизации научного текста и приводит к игнорированию её более сложных и скрытых форм, подтверждающих принципиальную неустранимость автора в коммуникативно-смысловом плане.

Действительно коммуникативное объяснение внешне безличного стиля научного изложения требует, как представляется, более комплексного учета

всего спектра факторов, которые действуют в коммуникативном пространстве профессионального научного общения. Предварительно можно заметить, что в научной письменной коммуникации сознательная деконструкция индивидуального авторства происходит по большей мере в угоду и ради успешной интеграции в профессиональное сообщество. Конкретный автор мыслит себя как звено в бесконечном научно-познавательном коллективном процессе, в который он делает попытку встроиться, чтобы изучать некоторую проблему вместе с другими авторами, предложить свои решения, чтобы профессиональное экспертное сообщество их верифицировало, оценило, приняло или отвергло. Эти и другие прагматические и дискурсивные основания становятся ведущими при изучении языка науки в последующий период.

1.3.3 ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

С 90-х гг. XX в. в лингвистике профессиональных языков получает распространение лингвокогнитивный подход, учитывающий социальный контекст производства и восприятия научных текстов. Изучение языка науки в этот период можно охарактеризовать как особую лингвокогнитивную, или социально-коммуникативную, модель, в которой доминирует дискурсивная функция языковых единиц, в том числе средств авторизации (*die diskursive Funktion der Selbstreferenz*) (Hyland 2002, Breitkopf 2005).

Как и на предыдущих этапах, лингвистический анализ языка науки с социально-коммуникативных позиций не игнорирует внешнюю форму научного текста и не уходит в область чистого теоретизирования в отрыве от формы, но акцентирует внимание на дискурсивных функциях типичных языковых средств. Появляется интерес к нетипичным, периферийным, таким как формы прошедшего времени, вопросам, императивам и т.д., которые включены в реализацию важных научно-познавательных процедур:

интертекстуальных отсылок, нарративных экскурсов, сообщений об этапах исследования, о продвижении и развитии дискуссии и т.д.

Языковые средства рассматриваются в данной модели в смысловом и коммуникативном пространстве научной профессиональной коммуникации. Они интерпретируются как предназначенные прежде всего для выражения и номинации типичных научно-познавательных процедур, составляющих структуру научной деятельности в соответствии со сложившимися общепринятыми нормами в научных профессиональных сообществах.

При этом глобальная цель научной коммуникации понимается как передача нового научного знания. Если опираться на идеи К. Бюлера об основных функциях языка, то можно считать, что научный текст обладает тремя функциями, или взаимодополняющими сторонами (Бюлер 1993):

- репрезентативной функцией, т.е. функцией представления предметов, отображения положения дел и событий. Иными словами, статическая сторона коммуникации (*Darstellungsfunktion*);
- апеллятивной функцией, т.е. функцией, с помощью которой отправитель обращается к реципиенту и побуждает его к определенным реакциям. Это динамическая сторона коммуникации, которая изображает научно-познавательные процедуры получения, доказательства и передачи потенциальному адресату знания с общей целью убеждения в объективности полученных результатов и выводов (*Appellfunktion*);
- экспрессивной, т.е. функцией выражения внутреннего состояния, эмоций и позиций отправителя (*Ausdrucksfunktion*).

Как отмечает К. А. Филиппов, доминирующую роль в этой триаде играет репрезентативная функция, однако доминировать может каждая из представленных функций в зависимости от контекста [Филиппов 2016: 34].

Поэтому современный научный текст – это не только и не столько фиксация знания, сколько показ, как добываются знания с четко обозначенной персуазивной целью. Ссылаясь на Б. Шлибен-Ланге (*Schlieben-*

Lange, 1983), Т. Штайнхофф отмечает, что «современные научные тексты относятся по большей части к «способоориентированным» («verfahrensorientiert»), когда большинство языковых средств служат для описания самого процесса формирования знания, а не только для объективного отображения объекта, ради которого это знание и добывалось [Steinhoff 2007: 12].

В каждом дискурсе как отдельной социальной или «дискурсивной практике» (термин М. Фуко: Фуко 1996) появляются не только свои собственные социальные задачи и стратегии их достижения, но и имплицитные языковые формы (на уровне лексики, морфологии и синтаксиса), выбор которых позволяет говорящему / пишущему в оптимальной / общепринятой и эффективной форме сформулировать задачи получения и передачи нового знания.

Коммуникативно-дискурсивный анализ позволяет сделать вывод, что в современной научной коммуникации важен не только сам изучаемый объект, но и процессы получения, доказательства и верификации научного знания. Поэтому в фокусе авторского внимания при вербализации научных результатов оказывается объект вместе с научно-познавательными процедурами его рассмотрения, т.е. отображается и объект научного изучения, и сам процесс его изучения – научная аргументация, за которой всегда стоит фигура самого говорящего / пишущего.

1.4 АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ АВТОРИЗУЮЩИХ СРЕДСТВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ НАУЧНОЙ РЕЧИ

Поскольку развитие лингвистики научной речи (ЛНР) неотделимо от развития лингвистики в целом, то можно условно говорить о нескольких этапах, которые вместе с лингвистикой прошла ЛНР: 1) текстуализация; 2) прагматизация; 3) контекстуализация; 4) дискурсивизация.

Эти этапы свидетельствуют о расширении задач лингвистического анализа и «укрупнении» объекта рассмотрения. В результате этой многоуровневой методологической перестройки специальный текст в целом, а не только его составляющие становятся объектом исследования. Внимание переключается с инвентарного набора лексических и грамматических средств на функции текста, для эффективного воплощения которых и выбираются, в конечном счете, конкретные языковые средства. Далее подробнее будут представлены эти линии развития лингвистического анализа применительно к средствам эгореферентности.

1.4.1 АНАЛИЗ СРЕДСТВ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТИ «ОТ ТЕКСТА»

В 60-е и 70-е гг. грамматический анализ языковых средств выходит за пределы предложения в область текста. Динамические изменения в лингвистике научной речи проходили параллельно со становлением новой языковедческой дисциплины – лингвистики текста. Включение текста в актуальную деятельность людей определенной социальной сферы утверждается в это время в лингвистике окончательно, текст осмысливается как полноценная единица, которая обеспечивает передачу знания и опыта в лингвокультурных сообществах.

Взгляд на текст как на примарную коммуникативную единицу дает возможность «укрупнить» объект изучения в лингвистике в целом и в грамматике в частности.

В. З. Демьянков в своей работе «Доминирующие лингвистические концепции конца XX века» (1995) определяет основную тенденцию теоретической лингвистики конца XX – начала XXI века, которая заключается в стремлении к изучению не предложения или совокупности предложений (сверхфразовое единство, абзац), а более крупных единиц

языка, таких как тексты и дискурсы [Демьянков 1995: 279-280]. Текст становится центром изучения и получения знаний о человеческом языке.

Благодаря концентрации интересов ученых на тексте как отдельном объекте анализа можно констатировать глубокие сдвиги в общей методологии исследований в лингвистике, а также переоценку основных задач, которые ставит перед собой лингвист в изучении отдельных проблем языка.

«Прагматическая революция» 70-х гг. XX века восстановила связи между экстралингвистическими обстоятельствами общения, которые были нарушены системно-структурной лингвистикой. «Когнитивная революция» 90-х гг. подчеркнула связи языковых продуктов с когнитивными способностями человека, то есть с работой человеческого сознания, способствовали укреплению текстоцентрической идеи.

Поскольку производство и восприятие текстов обеспечивает накопление, хранение и передачу информации и знаний, организующих всю социальную жизнь людей, текст попал в сферу приоритетных для лингвистики объектов изучения.

Что касается авторизации, то на начальном этапе становления лингвистики научного текста она не оказывается в поле зрения исследователей и не входит в основную программу изучения профессионального языка науки.

Исследователи сосредотачивают свои усилия на проблеме того, как язык науки с его лексической и грамматической спецификой соотносится с общенациональным языком, а также на проблеме выделения типичных жанровых черт, которые определяются частотностью употребления безличных и обобщающе-генерализирующих языковых средств. Так, П. фон Поленц, констатируя доминирование такого рода единиц в языке науки, делает общий вывод о наличии в научном общении ведущей стратегии текстообразования – стратегии «деагентивации» (Deagentivierung) [von Polenz 1999: 485]. Стратегия «деагентивации» связывается при этом с

устранением активно действующего субъекта познания с переднего плана научного изложения и с выдвиганием объекта в центр научного изучения и исследования.

В полном соответствии с господствующим в этот период формально-грамматическим подходом к изучению языка науки Т. Бунгартен, подобно П. фон Поленцу, выводит тезис об «отчуждении» (*Entfremdung*) научного субъекта, благодаря которому создается особая дистанцированность и отстраненность автора-исследователя при текстовом формулировании полученных результатов [Bungarten 1986: 22]. Ученый как личность «затушевывается», что в языковом плане выражается в дистанцированном самообозначении или вообще в отказе от маркирования своего «присутствия» в научном тексте: вместо местоимения 1-ого лица ед. числа «*ich*» применяются безличное местоимение «*man*», местоимение 1-ого лица, мн. числа «*wir*» в функции выражения авторской скромности, субстантивные номинации в 3-ем лице типа «автор/исследователь» (*Verfasser, Autor*), пассивные структуры.

Таким образом, обезличенный научный стиль объясняется исходя из понимания науки как деятельность сугубо теоретико-обобщающего плана, фиксирующей закономерные связи и устройство объекта. В полном соответствии с этим взглядом акцентируются такие черты научного стиля изложения, как абстрактность, обезличенность и объектноориентированность.

В отличие от этой позиции анализ «от текста» дает очень многое для изучения средств языка науки, включая средства эгореферентности. Текст как вербализация «эпистемической ситуации» с её ведущими антропоцентрами и специфическими обстоятельствами коммуникативного взаимодействия:

а) позволяет точно описать функциональные нагрузки частотных, лексических и грамматических средств, встречающихся в научных текстах и создающих их «обезличенную» текстовую форму;

б) обосновать выбор этих средств говорящим / пишущим исходя из общепринятых стандартов научного формулирования, которые приняты на данном этапе развития науки и которыми руководствуется автор научного текста;

в) найти новые категории текстового уровня, такие как эгореферентность и средства её языкового воплощения во всем многообразии форм реализации.

1.4.2 ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРЕДСТВ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТИ

Прагматизация лингвистической науки связывается, как известно, с тем, что язык и все его ресурсы объясняются в реальном использовании человеком.

Новая прагматическая перспектива анализа научных текстов позволила объяснить употребление языковых средств в проекции на говорящего / пишущего, который выбирает наиболее подходящие по своему функциональному потенциалу языковые средства для вербализации типичных для данной профессиональной сферы коммуникативно-речевых действий.

Научно-исследовательский процесс при воплощении в текстовой форме, согласно мнению многих ученых, воспроизводится не механически, а формируется заново. [Steinhoff 2007a: 22].

Конечно, «форматирование» происходит в целом по устоявшимся текстовым моделям, но, с другой стороны, воспроизведение научного процесса в новом качестве и с пропуском некоторых деталей ставит перед автором-исследователем дополнительные требования к эксплицитности логических связей между частями, к необходимости объяснять свои коммуникативно-речевые действия, комментировать ход исследования, использовать выразительные приемы аргументации и т.д.

Так, благодаря строгой форме и структуре происходит быстрая ориентация читателя в тексте. Процесс передачи и восприятия научной информации благодаря четкому структурно-композиционному членению научного текста оказывается более аргументированным и эффективным. В этих особенностях жесткой структурной организации научных текстов проявляется, прежде всего, ориентированность на потенциального адресата и желание облегчить ему понимание сложной научной информации («adressatenorientiert»).

Композиционно-структурные матрицы некоторых типов научных текстов, выделенные, например, Р. Глезер или Дж. Свейлзом для вводных частей научных работ, показывают, что научно-познавательная работа по изучению кого-то объекта никогда не воспроизводится в научном тексте механически, как это реально происходит в действительности, но при текстуализации происходит «процесс переформатирования» в ориентации на особые условия письменной научной коммуникации и на большей частью неизвестного адресата и по умолчанию потенциального оппонента.

Подобную точку зрения высказывает Х. Кретценбахер. По его мнению, относительно хаотичный реальный процесс получения знания («ungeordnet») с его возможными перерывами в отдельных операциях, обращением то к одной из них, то к другой, то одновременно к нескольким и т.д. в научном тексте, при материальном воплощении в текстовых структурах подстраивается под прагматические задачи научной аргументации. Персуазивное убеждение адресата в истинности полученных результатов возможно лишь в тексте при иерархически аргументированном членении («eine hierarchische argumentative Ordnung») [Kretzenbacher 1995: 31].

В научном тексте воплощается как объективная, так и субъективная сторона научно-познавательного процесса. Рассмотрение этих сторон в их диалектической взаимосвязи и противопоставлении позволяет сделать единственно правильный вывод о том, что в научной коммуникации важны и равноправны обе эти стороны: в научном тексте реализуются как объект

исследования, так и взаимоотношения между автором и читателем, адресатом и адресантом. Адресованность «эпистемической ситуации» (Котюрова 1998) выражается в особой форме диалогичности научной коммуникации. Отсутствие «реальной диалогичности», как она имеет место, например, при обсуждении «здесь и сейчас» какой-то проблемы в рамках «круглого стола», компенсируется за счет «внутренней диалогичности» аргументативных структур научного текста, в которых текстуализируется фундаментальная для любой научной деятельности целеустановка – через логически непротиворечивое доказательство убедить своего потенциального адресата и оппонента в истинности конкретных научных знаний.

Прагматические факторы, отраженные в коммуникативно-смысловой структуре научного текста, играют такую существенную роль в предпринятом описании разных типов средств эгореферентности и для объяснения их использования в разных частях научного текста.

Анализ типичных языковых средств, создающих ведущие стилевые характеристики научной речи, знаменует собой попытки объяснить с прагматических позиций, почему именно абстрактно-обобщающие, безличные и неопределенно-личные языковые средства, и структуры предпочитают автором научного текста для решения стоящих перед ним задач – представить профессиональному сообществу в отстраненно-обезличенной форме новую научную информацию об объекте. Наличие в научном тексте авторизирующих языковых средств объясняется при этом в их отнесенности к разным сторонам процесса коммуникации в науке.

Во-первых, эгореферентность рассматривается в проекции на общепринятые стандарты профессионального общения, социальные нормы ведения коммуникации в научной сфере.

Как отмечалось выше, одна из таких норм заключается в том, что в науке не принято говорить «я», поскольку это противоречит одному из главных принципов прагматики – максиме релевантности, выделенной П. Грайсом [Grice 1975: 47]. В этом свете доминирующие в научной коммуникации

стратегии «деагентивации» вполне ожидаемы. Поскольку автор-исследователь не является темой / объектом изучения научного текста и второстепенен для научного сообщения.

Запрет на авторизацию у Х. Вайнриха (das «Ich-Verbot») вытекает из научного объективного стиля изложения. Ученый обращает внимание на то, что результаты исследования должны быть независимы от индивидуальных особенностей личности исследователя и ориентированны на объект [Weinrich 2006: 232]. Низкая степень эксплицитной авторизованности объясняется, таким образом, Х. Вайнрихом с коммуникативно-прагматических позиций. По мнению Х. Л. Кретценбахера, внешняя бессубъектность определяет стратегию эффективной коммуникацию в науке [Kretzenbacher 1995: 26].

Во-вторых, эгоферентность определяется в проекции на адресата - профессиональное сообщество. Данный подход представляет второе важное направление в исследовании категории эгоферентности с прагмалингвистических позиций.

Существенную роль здесь играет трактовка авторизации на основе характера профессиональной научной деятельности и стоящей перед ней центральной социальной задачи: благодаря личному вкладу в разработку проблемы содействовать общезначимому научному прогрессу в её решении. С этих позиций в научной деятельности оказывается важен не агент, а сам результат научно-познавательного процесса. В этой связи Г. Грэфен пишет о том, что процесс получения результатов исследования хотя и связан с индивидуальными достижениями конкретного исследователя, однако его личное участие в этом отходит на второй план при представлении результатов профессиональному сообществу в форме научного текста.

Основополагающим является именно общий результат, который не зависит от индивидуальности исследователя [Graefen 1997: 201]. Вслед за Х. Вайнрихом, который подчеркивал, что характер научной деятельности в её текстовом воплощении предстает как реализация «надындивидуального подхода» [Weinrich 1989: 133], Г. Грэфен говорит о «надындивидуальном

значении результатов познавательной деятельности» («überindividuelle Geltung von Erkenntnisergebnissen») [Graefen 1997: 201].

В рамках лингвопрагматического подхода исследует средства выражения автора и адресата в научном тексте и Р. Креста, который исходно объединяет средства обозначения обоих «антропоцентров» коммуникации в единой родовой категории «интерперсональности» («Interpersonaltät») с последующим подразделением на самообозначения автора («die ICH-Gruppe») и номинации адресата («die DU-Gruppe») [Kresta 1995: 29; 37]. В целом текстовое применение обозначений автора и адресата в научном письменном общении интерпретируется Р. Креста, как это уже видно из содержания введенной им базовой категории «интерперсональности», на основе экстралингвистического критерия межличностных отношений между автором и его потенциальным читателем.

Заслуга Р. Креста в изучении авторизации и адресации состоит прежде всего в том, что межличностные отношения моделируются им с учетом профессиональной специфики научной деятельности, а средства авторизации и адресации предстают как интегрированные в сложившуюся систему социальных профессиональных отношений.

В отечественной лингвистике похожего мнения придерживается А. Л. Пумпянский, который характеризует стиль научной и технической литературы как «формально-логической или коллективный» [Пумпянский 1977: 87]. Этому стилю присущи строгая логика описания, «практически без применения эксплицитно выраженной эмоциональности» и нацеленность на результат, а не на субъект исследования. Коллективность как ведущий признак научного стиля выражается в надындивидуальном представлении результатов научных исследований.

Прагматизация лингвистики научной речи не только обратила внимание лингвистов к самим антропоцентрическим текстovým категориям и стимулировала их разработку, но и позволила адекватно описать языковые

средства их текстовой реализации в составе текстовых «коммуникативных блоков» [Крижановская 2006: 163].

Прагматический анализ научного текста дает возможность в научно обоснованной форме представить и описать функционально-коммуникативное членение целостных научных текстов на составляющие, вербализующие типичные научно-исследовательские процедуры. Выявляемая лингвистами в ходе такого анализа коммуникативно-смысловая матрица научного текста (типов текста) имеет важное значение для настоящего исследования, так как позволяет обосновать употребление разных типов эгореферентности (эксплицитной, косвенно-эксплицитной и имплицитной) в разных коммуникативно-смысловых частях научного текста. В этой связи Т. Штайнхофф, в опоре на А. Гардта [Gardt, 1998: 48] указывает, что «прагматизация теории профессиональных языков соответствует движению от слова к тексту как центральной языковой единице», в полном объеме воплощающей конкретный научно-познавательный процесс и достигнутые результаты [Steinhoff 2007: 22].

Таким образом, в рамках второго аспекта рассмотрения авторизирующих средств в современной лингвистике научной речи в изучение вовлекаются эксплицитно выраженные, главным образом прямые средства эгореферентности. Их низкая частотность в научных текстах вызвана коммуникативными нормами, принятыми в науке, и трактуется как своего рода необходимость, возникающая иногда у автора при вербализации личностно-ориентированных коммуникативно-речевых действий, таких как автоцитирование, сообщение о подготовительных этапах исследования, метатекстовые комментарии к структурной организации научного текста, экспликация осуществляемых научно-исследовательских операций и пр.

1.4.3 АНАЛИЗ СРЕДСТВ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТИ В КОНТЕКСТАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Производство научных текстов находится под непосредственным влиянием внешнего ситуативного контекста: «фактора адресанта», «фактора адресата» (термин Н. Д. Арутюновой: Арутюнова 1981), специфических условий и обстоятельств научного общения. Этому аспекту научной коммуникации и производства научных текстов долгое время уделялось недостаточное внимание. Описанные выше линии развития лингвистики речи – текстуализация и прагматизация – показали, что научный текст является не просто комплексной языковой единицей, построенной по правилам грамматики языка только, но коммуникативно релевантным сообщением в социально обусловленной, профессиональной ситуации [Hoffman 1982: 281]. Поэтому в начале 90-х гг. в фокусе внимания исследователей закономерно оказались многообразные контекстные факторы профессиональной коммуникации [Gläser 1990: 52 ff.].

Линия контекстуализации в ЛНР проявилась не только в простой констатации влияния внешних факторов, как это было на начальных этапах становления ЛНР, но и в признании и акцентировании специфических свойств научного контекста (Fachkontext), формирующих особую профессиональную «эпистемическую (научно-познавательную) ситуацию» и влияющих на отбор языковых средств, в том числе средств эгореферентности.

Научный контекст позволяет понять, как в сфере научной коммуникации достигаются определенные общественные задачи: получение и передача знаний в научном профессиональном сообществе. Контекстуализация, т.е. «привязка» и использование языковых средств для оформления коммуникативно-речевых действий в «их погруженности в

жизнь» [Арутюнова 2000: 137] в качестве орудия социального взаимодействия, характеризует текст в деятельностном аспекте.

В качестве экстралингвистической модели коммуникативного контекста для научного текста в лингвистической литературе предлагаются разные варианты. В отечественной лингвистике, например, достаточно хорошо известна модель коммуникативного контекста М. П. Котюровой, фигурирующая в работах указанного автора под названием «эпистемическая ситуация». Под «эпистемической ситуацией» понимается совокупность взаимосвязанных внешних аспектов познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного компонентов, оказывающих закономерное влияние на формирование научного текста и определяющих его стилевую специфику [Котюрова 2008: 46-47].

Содержание данных составляющих «эпистемической ситуации» М. П. Котюрова раскрывает в своей работе [Котюрова 1998: 343], в которой выделяются следующие компоненты «эпистемической ситуации»:

- 1) Онтологический компонент, или связь научного текста с предметным содержанием знания, отражает научное осмысление автором-исследователем явлений реального мира, выраженных в системе исходных и основных понятий. Таким образом, данный компонент определяет объект изучения и тему научного исследования.
- 2) Методологический компонент (характеристика познавательной деятельности) связан со способами получения, развития и доказательства научного знания. Здесь речь идет о способе и процессе рассмотрения объекта.
- 3) Аксиологический компонент (соотнесение с оценочной природой познания) сопряжен с отражением того, что ученый как субъект познания способен не только мыслить, но и оценивать. Привлекаемое автором старое знание и получаемое новое знание обязательно подвергаются оценке. Отсюда вытекают наиболее важные и социально

значимые характеристики знания, служащие для оценки научной информации: новизна, актуальность и степень достоверности исследования. Таким образом, основополагающей у данного компонента научно-познавательной деятельности является рациональная оценка полученного знания и его встраивание в общий процесс познания в соответствующей предметной сфере.

- 4) Рефлексивный компонент (связь с личностным характером познавательной деятельности) как внешний фактор заключается в том, что исследователь проявляет индивидуальный стиль мышления в познавательной деятельности, отстаивая свою личностную позицию. Таким образом, субъективно-личностная составляющая научной деятельности, оказывает влияние на текстовое формулирование (ср. понятия «авторитарный авторский стиль», «неавторитарный авторский стиль» у Е. А. Барляевой: Барляева 1993).

Данные компоненты научно-познавательной деятельности играют важнейшую роль среди экстралингвистических факторов, оказывающих влияние как на характер смысловой структуры произведения, так и на процесс внешней формальной организации текстов в научной сфере общения в целом. В стилистических исследованиях «эпистемическая ситуация» признается в качестве универсальной экстралингвистической ситуации порождения и восприятия научного текста.

В процессе создания научного произведения автор решает прагматическую задачу – найти оптимальное соотношение информативной насыщенности текста с его коммуникативной доступностью. Особенно важными для достижения этого баланса оказываются применяемые исследователями принципы авторизации и адресации научного текста. Они помогают автору более эффективно представить обсуждаемую проблему и результаты этого обсуждения. В этой связи Е. А. Баженова, развивая в известном смысле идеи М. П. Котюровой, предлагает выделять еще один, дополнительный, но не менее важный компонент научно-познавательной

деятельности – коммуникативно-прагматический компонент [Баженова 2009: 27]. Благодаря коммуникативно-прагматическому компоненту может быть непротиворечиво описано влияние внешних коммуникативно-прагматических параметров на языковое оформление высказываний научного текста. В результате научный текст становится центром, где связываются воедино познание и общение.

Как пишет Е. А. Баженова: «Реальный процесс познания проходит при последовательной или параллельной актуализации определенного аспекта, связанного с объектной либо субъектной сторонами научной деятельности. (Объектную сторону представляют онтологический и методологический аспекты эпистемической ситуации, субъектную – рефлексивный и коммуникативно-прагматический аспекты)» [Баженова 2003: 131].

Следует подчеркнуть, что выделяемый Е. А. Баженовой коммуникативно-прагматический аспект научно-познавательной деятельности по умолчанию акцентирует наличие двух сторон при текстуализации научно-познавательного процесса: в научном тексте всегда фиксируются не только объектноориентированные результаты, но и коммуникативно-ориентированный ход получения и доказательства (аргументации) научного знания. Поэтому понятие «эпистемическая ситуация» включает в себя, согласно мнению Е. А. Баженовой, два аспекта: внешний экстралингвистический и языковой. В первом случае речь идет о чисто внешних факторах: объекте анализа, о предмете анализа, о рационально-логическом оценивании результатов самим исследователем, о субъективно-рефлексирующей оценке своего места в общем научном процессе в данной предметной сфере и т.д. Во втором случае – об отражении всех выше перечисленных компонентов в научном тексте.

Что касается зарубежных лингвистов, то о типах контекста в научном тексте пишет Е.-М. Якобс. Его «инклюзивная (включающая) модель» состоит из трех основных частей: общекультурного контекста (Kulturraum), сферы науки (Domäne Wissenschaft) и конкретной ситуации текстового

продуцирования (Textproduktionssituation) [Steinhoff 2007: 27-28].

Таким образом, понятие контекста научного сообщения имеет комплексную природу, поскольку в нем отражаются все стороны коммуникации в науке.

Как уже говорилось выше, для науки как социальной сферы деятельности значение имеет общий существенный результат, общественно значимый вклад в прогресс науки. Эта общая установка формирует основу для профессионального контекста общения в науке и диктует автору научного текста выбор преимущественно «бессубъектных» стратегий текстового формулирования. Вместе с тем это не означает, что научный текст полностью обезличен и не имеет «следов» авторского присутствия. Сбалансированную позицию по данному вопросу помогает выработать когнитивно-дискурсивный подход к анализу средств эгореферентности.

В понимание социолингвистических основ письменной научной коммуникации и особенностей тексто-дискурсивной деятельности в данной коммуникативной сфере существенный вклад внес Д. Свейлз, представитель американской прикладной лингвистики. Он ввел, среди прочего, получившее широкое признание в лингвистике понятие «дискурсивного сообщества» (discourse community), определяя его как группу, объединенную общими целями и задачами и использующую коммуникацию для их достижения. Выработка механизмов внутригруппового обмена информацией становится основной целью данного сообщества. По мнению Д. Свейлза, жанр полностью определяется целями научного сообщества. Жанр связан с дискурсивной практикой, принятой в обществе и зависит от заранее оговоренных и установленных целей и социальных механизмов, которые ее регулируют [Swales 1990: 24-27].

Таким образом, дискурсивная деятельность текстообразования в сфере науки оказывается постепенно вплетенной в социальную деятельность, а средства эгореферентности рассматриваются как часть этой деятельности.

1.4.4 ДИСКУРСИВНО-ТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ СРЕДСТВ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТИ

Коммуникативно-дискурсивной анализ позволяет выявить тот факт, что в современной научной коммуникации важен не только сам изучаемый объект, но и процессы получения, доказательства и верификации научного знания. Поэтому в фокусе авторского внимания при текстуализации научных результатов оказывается объект вместе с научно-познавательными процедурами его рассмотрения, т.е. отображается и объект научного изучения, и сам процесс его изучения – научная аргументация.

Применительно к плану эгореферентности научного текста можно сказать, что в научном дискурсе как отдельной социальной практике имеются свои собственные стратегии авторизации, которые ориентированы прежде всего на специфику осуществления научной профессиональной деятельности и принятые здесь коммуникативные стандарты. При этом в лингвистике научной речи пока не выработан окончательный список автореферентных стратегий, но признается их обязательное наличие в научном тексте. Об этом пишет, например, Т. Штайнхофф [Steinhoff 2007: 4]. Он указывает, что авторизация и автореферентные стратегии (*verfasserreferentielle Strategien*) являются необходимой принадлежностью научной речи (*domänentypisch*), хотя существенная часть авторизующих смыслов не выражена эксплицитно [Steinhoff 2007: 31]. Благодаря связи научного текста с коммуникативным контекстом некоторые языковые формы выступают как сигналы научного речемыслительного процесса, а также как «следы» авторского присутствия в тексте в зависимости от коммуникативно-интенциональной направленности того или иного фрагмента текста. Важную роль при этом играет дискурсивная функция.

Под этой дискурсивной функцией самореференции А. Брайткопф понимает функцию высказывания с личным дейксисом, реализуемым в контексте. Данные функции связаны с ролью и личностью автора-

исследователя, которые обязательно находят свое отражение в тексте [Breitkopf 2005: 48-51].

С этих же позиций К. Хайланд говорит о научном тексте как о личностном действии / акте текстопроизводства (act of identity). Автореференцию ученый объясняет, в частности, с помощью употребления различных личных местоимений, служащих для выражения интерактивной роли автора. С учетом градации субъективности К. Хайланд выделяет следующие дискурсивные функции конструкций с автореференцией: выражение своего личного вклада, формулировка цели, объяснение процедуры исследования, тщательно продуманная аргументация, утверждение результатов [Hyland 2002: 103].

С коммуникативно-дискурсивного ракурса описываются некоторые скрытые средства эгореферентности в статье С. Т. Нефёдова [Нефёдов 2013: 51-52]. Автор статьи понимает авторизацию в предельно широком смысле как проявление всякой субъективности, границы которой устанавливаются дискурсивно и прагматически. Такой подход позволяет С. Т. Нефёдову говорить о включенности в коммуникативно-когнитивную деятельность предельно скрытых, дискурсивно-автореферентных средств, таких как формы прошедшего времени, вопросы, императивы [Нефёдов 2015: 10; Нефёдов 2015: 114]. В контексте научного сообщения такого рода языковые средства в силу их редкой встречаемости находятся в «позиции выдвижения» [Арнольд 1990: 62] и актуализируют позицию автора-исследователя.

Нетипичные языковые средства включены, согласно С. Т. Нефёдову, в реализацию различных научно-познавательных процедур. Например, императивы выступают как инструменты научного текста, которые «нацелены на диалогизацию научной аргументации и процесса передачи полученных результатов» [Нефёдов 2015: 13]. Императивные высказывания в научном тексте служат в качестве интертекстуальных отсылок, побуждения к совместным действиям коммуникантов (инклюзивный императив),

обращений к целевому адресату с предложением, рекомендацией, советом («конъюнктивный» императив). Помимо императивных высказываний нетипичными в научном тексте являются высказывания с перфектными и претеритальными формами предикатов на фоне высказываний с генерализирующим презенсом. Дискурсивный потенциал претерита и перфекта не исчерпывается ингерентно присущими им нарративными функциями, такими как подключение релевантных результатов, полученных предшественниками, к текущей аргументации, реализация экскурсов в историю науки и отдельных её направлений, пересказ экспертного мнения других исследователей, исторические справки и т.д. Высказывания с ненарративным перфектом/претеритом «связаны с организацией и структурированием научной информации (внутритекстовый дейксис) или фоновыми отсылками, а также выполняют адресато-контролирующие функции» и используются для контроля над вниманием реципиента через фокусирование элементов информации [Нефёдов 2015: 122].

Таким образом, коммуникативно-дискурсивный подход к описанию языка науки дает возможность выявить способы выражения «присутствия автора» и говорить об эгореферентности как семантико-коммуникативной категории, имеющей градуальный характер и разнообразные средства языкового выражения. Формы представления «присутствия автора-исследователя» в научном тексте могут быть прямыми, косвенными и имплицитными и зависят от целого ряда коммуникативно-дискурсивных факторов: от типа вербализуемых коммуникативно-речевых действий, от синхронно действующих коммуникативных норм общения в научной сфере, от личных предпочтений автора, сложившихся у него в процессе профессиональной деятельности.

Подводя итог этому разделу, мы можем утверждать, что с выдвиганием в центр исследований текстов профессиональной коммуникации как отдельного специального объекта начинается в лингвистике изучение таких категорий, как авторизация (H. Weinrich, H.

Kretzenbacher, G. Graefen, T. Steinhoff, С. Т. Нефёдов), адресация, интерперсональность (R. Kresta), «эристическая» аргументация (K. Ehlich) и т.д. Это объясняет смещение интереса исследователей с изучения наиболее частотных (и потому типичных) языковых средств языка науки к рассмотрению периферийных, но входящих в арсенал прагматически эффективных средств ведения научной аргументации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В своем развитии лингвистика научной речи начиная с 50-х гг. XX века проходит несколько этапов, коррелирующих с основными этапами развития лингвистики в целом и сменой в ней методологических принципов в рассмотрении языка и языковых образований. Соответственно этому меняются исследовательские приоритеты и задачи в изучении языка науки и его отдельных подсистем, таких как средства эгореферентности.

На первом этапе усилия лингвистов сконцентрированы на анализе языковых доминант научных текстов – типичных, наиболее частотных лексических и грамматических средств, составляющих основной инвентарь «субъязыка» науки и формирующих специфические жанрово-стилистические особенности научного стиля. В своей совокупности господствующие в языке науки средства обобщенно-отвлеченной, пассивной, безличной и неопределенно-личной семантики создают внешнюю бессубъектность научного текста, а их доминирование объясняется в опоре на традиционный общефилософский тезис о центральности объекта анализа и вторичности субъекта познания.

На втором этапе вместе с развитием прагмалингвистики язык науки рассматривается в проекции на говорящего / пишущего, и в сферу анализа вовлекаются прямые средства эгореферентности, обладающие низкой частотностью в научной речи, но являющиеся предпочтительными при вербализации некоторых научно-познавательных действий автора-исследователя. И, наконец, в рамках коммуникативно-дискурсивного подхода, становится возможным изучение в полном объеме разнообразных скрытых средств эгореферентности как тексто-дискурсивных авторизирующих единиц, обладающих скрытой валентностью на говорящего и воспроизводящих присутствие автора в научном тексте.

Предпринятый аналитический обзор основных подходов к эгореферентности и языковым средствам её воплощения приводит к

логическому заключению, что эгореферентность – это дискурсивно-коммуникативная антропоцентрическая категория, которая устанавливается субъектом речи в системе профессиональных отношений в сфере науки и ее отдельных отраслей с учетом закрепившихся на данном этапе норм устного или письменного общения и общих задач в научной коммуникации. Данная категория отражает дискурсивную деятельность автора-исследователя, который использует разнообразные способы и формы самообозначений (Selbstreferenz, self reference) в контексте сложившихся социальных отношений в сфере научно-познавательной деятельности. Авторизация как градуальная категория создает определенное коммуникативное пространство взаимодействия между автором-исследователем и его адресатом из числа представителей профессионального сообщества, которое наполнено относительно устойчивыми темами и концептами (семантика), стандартами общения (прагматика) и типовыми языковыми ресурсами (лексика, морфология, синтаксис), позволяющими общепринято, оптимально и эффективно реализовать глобальные задачи научного дискурса.

ГЛАВА 2. КОСВЕННО-ЭКСПЛИЦИТНАЯ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТЬ НАУЧНОГО ТЕКСТА

2.1 МЕХАНИЗМЫ КОСВЕННО-ЭКСПЛИЦИТНОЙ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТИ

Как отмечалось в первой главе, современный этап развития лингвистики научной речи характеризуется рассмотрением авторизирующих средств на фоне целостного текста, в котором воспроизводятся профессиональные отношения в той или иной сфере науки. Включение языковых средств в социально-коммуникативное пространство научного общения позволяет объяснять авторизацию на более глубоком уровне через дискурсивно-текстовые функции средств её языкового воплощения в проекции на личные и социально значимые задачи научной коммуникации и профессиональные роли.

Авторизованная перспектива современного текстового формулирования зависит от того, как автор позиционирует себя в научном тексте. Он может обозначать себя напрямую, косвенно или полностью имплицитно. По степени эксплицитности эгореферентности в настоящей работе выделяются три основных её типа: эксплицитная, косвенно-эксплицитная и имплицитная. Первые два типа следует отнести к эксплицитным, так как при их использовании автор-исследователь обозначает себя при помощи отдельного знакового выражения *ich, mir, mich, mein; wir, uns, unser; man; der Verfasser, der Autor, der Wissenschaftler* и т.д. При полностью скрытом самообозначении отдельное знаковое выражение лица отсутствует. При этом происходит актуализация семы антропонимичности в семантической структуре некоторых типов несубстанциональных слов или актуализация интересубъектной

ориентированности высказываний определенной грамматической формы в контекстах научной речи.

Прямые самообозначения при помощи местоимений 1-ого лица ед. числа «ich» / «я» авторы-исследователи редко используют в научной коммуникации. В настоящей работе не проводились специальные подсчеты этого типа авторизирующих средств и далее используются данные, полученные другими исследователями. На материале разных типов научного текста употребление прямой формы самообозначения через «ich» представлено, например, в работах таких лингвистов, как Э. Бенеш (1981), Г. Грэфен (1997), Т. Штайнхоф (2007), С. Т. Нефедов (2014, 2015), на материале английского языка – в работах С. Куо (1999), Р. Танг / С. Джон (1999), К. Хайланда (2001) и др. В этих и других работах оспаривается прочно укоренившееся в научном сообществе мнение о том, что в научных работах авторы избегают прямых «ich»-обозначений. В противовес этому устойчивому мнению приводятся многообразные контексты использования прямых авторизирующих средств, в которых они оказываются не только возможными, но и наиболее уместными.

Например, К. Хайланд исследовал формы прямой эгореферентности, выраженные личным местоимением 1-ого лица ед. числа «I» и производного от него притяжательного местоимения «my» на англоязычном материале. Корпус примеров составил у него 240 научных статей из 10 ведущих научных журналов по восьми дисциплинам, выбранных для демонстрации широкого профиля академической исследовательской практики с привлечением научных текстов из таких отраслей, как машиностроение, электротехника, маркетинг, философия, социология, прикладная лингвистика, физика и микробиология. Как установил К. Хайланд, 69 % всех случаев эгореферентности через «I» / «my» приходится на статьи из области гуманитарных и социальных наук. В них наблюдается в среднем 38 примеров употребления «I» / «my» на одну статью в сравнении с 17 в технических и инженерных научных текстах [Hyland 2001: 212].

На материале 100 немецкоязычных научных работ из трех

гуманитарных областей, таких как лингвистика, литературоведение и история, Т. Штайнхоф анализирует также примеры употребления личного местоимения 1-ого лица ед. числа «ich». Он приходит к выводу, что «запрет на авторизацию» выполняется не всегда современными авторами научных статей и не является столь строгим [Steinhoff 2007: 7], как это постулируют, например, Х. Вайнрих (Weinrich 1989; 1995; 2006) или К. Х. Кретценбахер (Kretzenbacher 1995). Использование личного местоимения «ich» дает возможность авторам подчеркнуть свой личный вклад в область исследования, представить предварительные этапы разработки проблемы (сбор эмпирического материала, формулирование рабочей гипотезы и т.д.). Прямая референция через «ich» часто позволяет исследователю акцентированно представить читателю авторскую точку зрения, при помощи которой следует интерпретировать то или иное утверждение в научном тексте.

Количественные подсчеты у Т. Штайнхофа выглядят следующим образом: употребление местоимения «ich» в корпусе обследованных текстов составляет 0,74 раза на 1000 слов (1000 слов – это приблизительно 2,5 страницы печатного текста). При сравнении лингвистических текстов с литературоведческими и историческими Т. Штайнхоф констатирует, что более употребительным является местоимение 1-ого лица ед. числа «ich» именно в лингвистических текстах (0,3 употребления на страницу) [Steinhoff 2007: 171]. В других исследованиях, предпринятых на материале лингвистических научных текстов, например, в статье С. Т. Нефедова, процент эксплицитных авторизованных предикаций составляет 1,26 % от общего количества обследованных предикаций (7356 единиц) [Nefedov 2014: 21].

Вышеприведенные результаты подсчетов свидетельствуют о том, что уровень прямой эгореферентности в современных научных текстах в целом крайне мал. Но это также наводит на размышление о том, что должны существовать иные способы и механизмы представления «присутствия»

автора в тексте, поскольку с прагматической точки зрения автор неустрашим и как продуцент научного текста «вовлечен» во все этапы и процедуры получения нового знания.

В процессе проведенного исследования данная рабочая гипотеза подтвердилась благодаря выявленным непрямым (косвенно-эксплицитным и имплицитным) механизмам эгореферентности в научном лингвистическом тексте. В данной и последующей главах диссертации описываются разнообразные языковые средства, задействованные в реализации указанных механизмов формирования авторизирующих текстовых высказываний.

Характеризуя косвенно-эксплицитную эгореферентность в общем и целом, можно говорить о трех основных типах языковых средств, семантико-номинативный потенциал которых задействован в контекстной актуализации данного типа эгореферентности в научных текстах: 1) личное местоимение 1-ого лица мн. числа «wir», 2) неопределенно-личное местоимение «man», 3) нарицательные существительные типа *der Verfasser / der Autor / der Wissenschaftler*.

Различия в их лексико-номинативном потенциале позволяют разграничить три разновидности косвенно-эксплицитной эгореферентности как способа не прямой авторизации:

- I. Косвенно-эксплицитное самообозначение через опосредованную ступень «wir», т.е. через отнесенность к контекстно ограниченной профессиональной или социальной группе; при этом автор научного текста может мыслить себя в качестве типичного единичного представителя «выделенно» на фоне данной группы, но соотнесенно с ней (отстраненное, эксклюзивное «wir»), либо «слитно» в качестве прочно интегрированной в неё части (включенное, инклюзивное «wir») (**автороориентированное обозначение**).
- II. Косвенно-эксплицитное самообозначение через промежуточную ступень «man», задающую контекстуально открытое множество представителей профессионального / социального сообщества, на

фоне которого автор выделяет себя из этого сообщества (отстраненное, эксклюзивное «man») или включает себя в него (включенное, инклюзивное «man») (**коллективноориентированное обозначение**).

III. Косвенно-эксплицитное самообозначение от 3-его лица через субстантивные номинации, представленные нарицательными существительными типа *der Verfasser*, *der Autor* на основе саморефлексии относительно выполняемых в ходе осуществления научной деятельности функций (**дистанцированного восприятия себя**).

Указанные языковые средства как источники разных механизмов формирования авторизирующих высказываний в контекстах научного сообщения позволяют установить частотность применения разных типов косвенно-эксплицитной эгореферентности в корпусе изученных лингвистических текстов.

При качественно-количественном анализе средств косвенно-эксплицитной эгореферентности за операционную единицу текстового членения принимается понятие «предикация». Эта методика была успешно использована С. Т. Нефёдовым при исследовании целого ряда низкочастотных языковых средств в научном тексте. Под «предикацией», вслед за С. Т. Нефедовым, мы будем понимать «двухкомпонентную текстовую структуру, воплощающую динамическое линейное развертывание пропозиционального содержания текста и состоящую из предикативно определяемого компонента (субъекта) и предизируемого признака (предиката)» [Нефедов 2015: 115].

Проанализированные в диссертации лингвистические тексты имеют общий объем 3290 страниц и содержат 66956 текстовых предикаций. Из них на предикации, имеющие в своем составе косвенно-эксплицитные средства эгореферентности, приходится 2778 единиц (982 предикаций в монографиях, 1796 в научных статьях). Количественные данные в абсолютных цифрах и в

процентах для каждого типа выявленных средств и реализуемых на их основе когнитивно-семантических механизмов косвенно-эксплицитной эгореферентности даны ниже, в таблице.

Таблица № 1

Тип текста	Косвенно-эксплицитные средства/ Общее кол-во предикаций	Тип косвенно-эксплицитной эгореферентности		
		С промежуточной ступенью «WIR»	С промежуточной ступенью «MAN»	Субстантивные номинации 3-его лица
Монографии	982/ 23670	253 / 25,7 %	729 / 74,2 %	5 предикаций
Научные статьи	1796/ 43286	635 / 35,4 %	1161 / 64,6 %	-
Итого	2778/ 66956	888 / 31,9 %	1890 / 68 %	5 предикаций

Представленные в таблице данные свидетельствуют о том, что основным механизмом образования косвенно-эксплицитной эгореферентности в научном лингвистическом тексте является представление себя на фоне контекстуально открытого, неопределенного множества представителей языкового профессионального / социального сообщества, которое реализуется через неопределенно-личное местоимение «man» (1890 предикации или 68 % от общего количества текстовых предикаций). При этом в монографиях неопределенно-личное местоимение «man» встречается чаще на 10 %, чем в научных статьях. Далее по частотности употребления следует механизм самообозначения на фоне контекстуально определенного (ограниченного) множества представителей профессионального / социального сообщества через полифункциональное личное местоимение 1-ого лица мн. числа «wir» и производное от него притяжательное местоимение «unser/e» (888 предикации или 31,9 % от общего количества

текстовых предикаций). Третий механизм обозначения себя от 3-его лица используется авторами лингвистических статей и монографий крайне редко: в обследованном текстовом материале обнаружено лишь 5 предикаций этого типа.

Таким образом, использование местоимений как дейктического указания на автора является основным источником косвенно-эксплицитной эгореферентности. Поэтому прежде чем обратиться к подробному анализу каждого из когнитивно-семантических механизмов косвенно-эксплицитной эгореферентности в научных текстах, представляется необходимым кратко рассмотреть особенности местоименной номинации при помощи разных грамматических подклассов местоимений.

2.2 МЕСТОИМЕННИЯ КАК СРЕДСТВО КОСВЕННО-ЭКСПЛИЦИТНОЙ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТИ

Местоимения являются особым типом языковой номинации с разным семантико-номинативным потенциалом. Они обладают способностью к конденсированной репрезентации предметной информации.

Отличие местоименных слов от назывных в денотативном аспекте четко сформулированы в статье Г. Н. Эйхбаум. Г. Н. Эйхбаум указывает на то, что у местоименных слов есть обязательная контекстуальная зависимость от семантического субстрата, они характеризуются субъективностью, эгоцентризмом, а также наличием только индивидуальной референции [Эйхбаум 1985: 12]. У некоторых подклассов субстантивных местоимений, таких как личные, неопределенно-личные и притяжательные, в семантическую структуру инкорпорирована сема «человека» / «одушевленного лица».

Указательные в широком смысле слова (дейктические), противопоставленные полнозначным (пойотетическим), как пишет С. Д. Кацнельсон, отличаются отношением лексических значений к той

ситуации речи, в которой протекает акт речевого общения [Кацнельсон 1972: 145]. Указательные слова в отличие от назывных ситуативны. Описательный элемент в них очень беден. В отличие от имен собственных местоимения не прикреплены к отдельному лицу. Как пишет С. Д. Кацнельсон, они «легко переключиваются от одного лица к другому, стоит лишь кому-то заговорить о себе» [Кацнельсон 1972: 146].

Согласно К. Бюлеру, номинативные языковые знаки называют класс предметов и явлений, дейктические знаки лишь указывают на них. К. Бюлер описывал всю систему дейктических знаков в виде «указательного поля» (Zeigefeld), центр координат которого (Origo) составляют: «я» (персональный дейксис – указание на говорящего) – «здесь» (пространственный дейксис – местонахождение говорящего) – «сейчас» (темпоральный дейксис – время высказывания говорящего) [Бюлер 1993: 103].

Дейктические указания, выраженные местоимениями, играют важную роль в коммуникации. К. Бюлер особо акцентирует внимание на том, что в «указательном поле» участники речевого акта – говорящий и адресат (так называемый персональный дейксис: Ich-дейксис и Du-дейксис, по К. Бругману и К. Бюлеру), выражены местоимениями 1-ого и 2-ого лица: «я», «ты», «мой», «твой»; указание на предмет речи выражается местоимениями 3-го лица; указание на степень отдалённости объекта высказывания (Der/Jener-дейксис) – указательными местоимениями и частицами («этот» – «тот», «вот» – «вон») (Бюлер 1993).

При анализе функционирования местоимений нельзя рассматривать их изолированно, а лишь как неотъемлемую составную часть текстового высказывания (текстовой пропозиции) и ситуативного контекста.

Если местоимение 1-ого лица ед. числа имеет, по Т. Штайнхофу, прямую отсылку к автору (Verfasserbezug), то местоимения «wir», «man» нуждаются в контекстной интерпретации (interpretationsbedürftig) [Steinhoff 2007: 168]. Однако Т. Штайнхоф ограничивается этой общей характеристикой и не раскрывает сути «интерпретации». Некоторые

сведения об этом можно найти в упомянутой статье Г. Н. Эйхбаум. Она отмечает, среди прочего, что «ich» может относиться к любому говорящему и ничего не сообщает об этом лице, кроме того, что это лицо – автор высказывания. В предметном плане денотативную основу таких слов составляет предметно-лексический компонент «человек» [Эйхбаум 1985: 13]. Такой же характер антропонимичности присущ и неопределенно-личному местоимению «man», хотя оно специализировано на обозначении открытых множеств лиц.

В целом семантико-номинативная особенность местоимений заключается в том, что все они служат в языке для целей особого рода референции [Падучева 1985: 133]. Семантику референциально зависимых элементов языка, таких как местоимения, следует рассматривать как прагматически обусловленную, поскольку она обращена к говорящему, к коммуникативной ситуации, к их фонду знаний языкового и социального характера, к контексту. При этом автореференцию при помощи дейктического указания на профессиональную, языковую или социальную группу в научном тексте следует рассматривать как осложненный тип авторизации, требующий от реципиента дополнительных интеллектуальных усилий при их интерпретации, при которой необходимо дополнительно учитывать знания в области специфики ведения профессиональной деятельности. Важно при этом реконструировать (и по возможности точно), как позиционирует себя автор научного текста на данном, текущем этапе вербализуемого научно-познавательного процесса. В этой связи полезными для настоящего исследования являются идеи о том, что по ходу тематического развертывания текста могут меняться функциональные роли, которые принимает на себя автор.

Так, Е. В. Падучева указывает, что говорящий только в «канонической» («лицом к лицу») ситуации – «это то лицо, которое делает в данный момент в данном месте данное высказывание, адресованное другому лицу, предположительно находящемуся в том же месте и в зоне видимости»

[Падучева 2011: 3]. Автор может выступать в рамках одного текста в разных функциональных ролях, не называя себя открыто, но то, как он позиционирует себя, позволяет воспринимающему высказывание интерпретировать его истинную роль в акте коммуникации. Вслед за Е. В. Падучевой, мы можем говорить о следующих типах говорящего [Падучева 2011: 3]:

- 1) Говорящий как субъект речи (языковыми маркерами этой функции являются, например, *кстати* = ‘кстати сказать’ или семантика императива),
- 2) Говорящий как субъект восприятия (как в слове *послышаться*),
- 3) Говорящий как субъект сознания – в частности, оценки (как в *едва ли, превосходный*).
- 4) Говорящий как субъект дейксиса, т.е. указание на самого себя, а также точка для отсчета места и времени (как в словах *я, вчера, здесь*).

В научной коммуникации при помощи местоимений автор-исследователь обозначает себя в ориентации на текущие коммуникативные задачи. Косвенно-эксплицитные средства включены в высказывания с коммуникативной функцией организации текстовой макроструктуры, планирования последующих исследовательских шагов, комментирования и т.д. В каждом из таких случаев автор-исследователь позиционирует себя как участника профессиональных отношений в сфере лингвистики. Дискурсивно-текстовые функции высказываний с включением косвенно-эксплицитных средств определяют роли автора в научном тексте.

Рассуждая о дискурсивных функциях высказываний с дейктическим указанием на лицо / лица через разные грамматические классы местоимений, А. Брайткопф говорит о том, что это не просто указание на себя как автора-исследователя, но указание на себя в системе профессиональных отношений в сфере науки [Breitkopf 2005: 48-52]. У автора-исследователя потенциально возможны разные роли, которые он берет на себя в процессе порождения

научного текста, такие как автор-«архитектор», автор-«создатель» научного текста, автор-«исследователь», автор-«выразитель мнения» и т.д.

Выбор местоименных номинаций в научной коммуникации зависит от конкретной коммуникативно-смысловой части научного текста, вербализующей типичные научно-исследовательские процедуры на конкретном этапе исследования.

Согласно эмпирическому материалу, важнейшим механизмом образования косвенно-эксплицитной авторизации являются обозначения себя через опосредованную ступень, выраженную местоимениями «wir» или «man» с присущей им семантической спецификой.

Способность указанных местоимения опосредованно реферировать к автору научного текста, а также указывать на целевого адресата формируется непосредственно в контексте научного сообщения. Поэтому для того, чтобы говорить об особенности употребления местоименных средств косвенно-эксплицитной авторизации в научном тексте, определим кратко роль контекста.

2.2.1 РОЛЬ КОНТЕКСТА ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЯ КАК СРЕДСТВА КОСВЕННО-ЭКСПЛИЦИТНОЙ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТИ

Что касается местоименных номинаций, то, сравнивая их с полнозначными номинациями, Г. Бринкман называет местоимения контурными словами («Umrißwörter»), поскольку они лишь указывают на семантическую сферу обозначаемого, а не обозначают её напрямую [Brinkmann 1971: 743]. Продолжая мысль Г. Бринкмана, Н. Е. Перл указывает, что местоименные слова отличает семантическая связанность, т.е. невозможность употребления вне связи со своим семантическим субстратом, определяемым ситуацией или контекстом [Перл 1979: 269]. Местоимения функционируют в речи в качестве опосредованных идентифицирующих

элементных и событийных номинаций. Такие номинации референтно отнесены к определенному денотату и их наполнение ситуативно или контекстуально обусловлено.

Контекст играет важную роль применительно к высказываниям научных текстов в целом и при употреблении высказываний с включением косвенно-эксплицитных средств.

П. Ауэр и Х. Баслер указывают, что существует три основных типа «социального окружения», в которых исследователь одновременно находится и к которым он апеллирует, когда говорит или пишет: 1) рабочее окружение (*Arbeitsumgebung*), т.е. научное пространство одного отдельного исследователя, 2) социальное окружение (*soziale Umgebung*), т.е. взаимодействие с другими учеными 3) лингвокультурное окружение (*Gesellschaft*), т.е. общество, в котором живет исследователь [Auer / Baßler 2007: 22].

Как для лингвистики в целом, так и для лингвистики научной речи, важно разграничивать понятие «контекст» (*Kontext*), т.е. внеязыковое окружение высказывания и «со-текст» (*Kotext*), т.е. языковое окружение высказывания (Ernst 2002, Verdonk 2002).

Как пишет П. Вердонк, существует два вида контекста: «лингвистический контекст, образованный вербальным окружением любой языковой единицы внутри текста и экстралингвистический контекст, отсылающий к идее и опыту за пределами текста, то есть к «знаниям о мире». Неязыковой контекст представляет собой сложный конструктор, который может включать различные неязыковые условия и обстоятельства, а также фонд знаний коммуникантов об устройстве мира вообще и о текущей ситуации в частности, влияющий на интерпретацию дискурса. К таким условиям относятся: тип текста, цель и функция текста, культурные, социальные и исторические установки, знание, эмоциональный фон, межличностные отношения между говорящим и слушающим, интертекстуальные отсылки [Verdonk 2002: 18-19].

Подобной точки зрения придерживается и Р. Финкбайнер, подчеркивая важность «общего контекстуального знания» (das generelle Wissenskontext). Р. Финкбайнер выделяет следующие три основных разновидности контекста: 1) ситуативный контекст, подразумевающий пространственно-временную обусловленность и наличие определенных участников коммуникации, 2) языковой контекст (или со-текст) или языковое окружение высказывания, 3) генерализирующий контекст, означающий общий фонд знаний о мире и играющий важную роль при интерпретации, т.е. достраивании реципиентом смысла высказывания до границ своего понимания. [Finkbeiner 2015: 8].

Следует подчеркнуть, что выделение категории общего фонда знания не является ее заслугой. Это знание выделяется давно в философии, социологии, теории коммуникации. В лингвистической прагматике и в когнитивной лингвистике так называемые знания о мире «Hintergrundwissen/Weltwissen» важны для объяснения того, как люди общаются и понимают друг друга.

Как подчеркивает Е. Г. Борисова, «культурный бэкграунд» - это неявная имплицитная информация, т.е. та информация, которая не содержится в конвенциональных языковых средствах – в значении слов, конструкций, интонации, но которая, как уверен говорящий, тем не менее, будет воспринята адресатом [Борисова 2008: 113]. Если говорящий уверен, что адресат восстановит информацию, значит, он может не просто предсказывать его поведение, но даже управлять вниманием адресатом.

Для этого и необходимо учитывать контекст, общие и фоновые знания, а также предполагаемые выводы, которые адресат может сделать, базируясь как на значении языковых единиц и грамматических конструкций, так и на всей перечисленной выше так и на всей перечисленной дополнительной информации. Поэтому одновременно с «разгадыванием» замысла адресат вынужден осуществлять все возможные выводы, иначе замысел в полном объеме восстановлен не будет [Борисова 2008 :115].

Важную роль для интерпретации высказывания играет инференция. Г. П. Грайс заложил основы инференционно-прагматической модели коммуникации [Грайс 2004: 75]. Инференционная теория (Eckard 2013) строится на том, что, общаясь и воспринимая высказывания, люди встраивают их смысл в систему своего опыта (Lebenserfahrung) и/или достраивают (inferieren) до границ своего понимания в опоре на собственный опыт и знания.

Иными словами, говорящий передает определённое значение, которое выводится слушателем в том числе путём логической инференции.

Таким образом, составляющие контекста, т.е. разные типы контекста (Ko-Text, Kontext, Wissenskontext) позволяют интерпретировать значения языковых единиц на более глубоком уровне. Обратимся к анализу косвенно-эксплицитных языковых единиц с учетом контекстного влияния.

2.2.2 ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ «WIR» КАК СРЕДСТВА ОБОЗНАЧЕНИЯ ОПОСРЕДОВАННОЙ СТУПЕНИ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТИ В КОНТЕКСТАХ НАУЧНОГО СООБЩЕНИЯ

Одним из наиболее важных косвенно-эксплицитных средств эгореферентности является личное местоимение 1-ого лица мн. числа «wir». Самообозначение автора через опосредованную эксплицитную ступень «wir» происходит на основе отнесенности к контекстно обозримой профессиональной или социальной группе. В логическом смысле такое обозначение сфокусировано на самом авторе, а номинативный процесс носит центростремительный характер (устремлен к автору) и осуществляется «от автора к коллективу». В отличие от этого косвенно-эксплицитные обозначения через «man» можно трактовать как центростремительные, «от коллектива к автору», в этом случае в номинативном фокусе находится профессиональное / социальное сообщество. Эти различия в характере опосредованных номинаций послужили поводом именовать их в диссертации

соответственно терминами **«автороориентированные»** / **«коллективноориентированные»** обозначения.

Высказывания с «wir» в обследованном корпусе текстов составляют 31,9 % от всех косвенно-эксплицитных самообозначений; при этом выявляется некоторая разница в доле соотношении по типам текста: в монографиях – 25,7 %, в научных статьях – 35,4 %.

В рамках исследования выделены четыре основные функции местоимения «wir». Одним из главных отличий является количество обозначаемых автором лиц, подразумеваемых под этой местоименной номинацией.

Если автор имеет в виду лишь себя, то речь идет об авторском или эксклюзивном «wir», которое является самым близким к эксплицитному способу авторизации через «ich». В этом случае автор выделяет себя на фоне профессионального сообщества, представителем которого он себя позиционирует.

Косвенно-эксплицитное самообозначение через «wir» может носить и инклюзивный характер: «wir» = ich + адресат или профессиональное / лингвокультурное сообщество. При инклюзивном «wir» автор включает себя как типичного представителя в научное сообщество, в данном случае – лингвистическое. Причем, выделимы три функции инклюзивного косвенно-эксплицитного самообозначения через «wir»: функция кооперативного обозначения автора и читателя, функция отнесенности к профессиональному сообществу, функция отнесенности к лингвокультурному обществу в целом.

Чтобы проследить тенденции и особенности употребления косвенно-эксплицитной авторизации, при которой автор-исследователь выделяет себя как типичного представителя профессионального (лингвистического) сообщества или мыслит себя и включает себя в эти группы, обратимся к более подробному анализу каждого из способов этого непрямого типа самообозначений/ авторизации. Их можно рассматривать как варианты

косвенно-эксплицитных самообозначений с применением личного местоимения 1-ого лица мн. числа «wir».

Таблица № 2

	Косвенно-эксплицитное самообозначение через «wir»				
	Эго-идентичное самообозначение автора	Совместное обозначение автора и читателя	Самообозначение автора как части профессионального сообщества	Самообозначение автора как части культурно-языкового сообщества	Иное (спорные случаи)
Монографии 25,7% (253)	29 / 11,5 %	68 / 26,9 %	94 / 37,1 %	42 / 16,6 %	20 / 7,9 %
Науч. статьи 35,4% (635)	118 / 18,6 %	243 / 38,3 %	158 / 24,9 %	52 / 8,2 %	64 / 10 %
Итого 888	147 / 16,6 %	310 / 35 %	249 / 28,4 %	94 / 10,6 %	84 / 9,4 %

2.2.2.1 МЕСТОИМЕНИЕ «WIR» С ФУНКЦИЕЙ ЭГО-ИДЕНТИЧНОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ АВТОРА

По частотности данная функция «wir» занимает третью позицию среди всех функций местоимения 1-ого лица, ед. числа «wir» и составляет 18,6 % для статей и 11,5 % для монографий от всего количества текстовых предикаций с данным косвенно-эксплицитным средством авторизации. Эту форму иногда называют авторское «wir» (Autoren-wir) [Steinhoff 2007: 216]. Для научных статей эго-идентичное обозначение автора является более характерным, чем для монографий.

В грамматике Дуден косвенно-эксплицитные обозначения автора через местоимение «wir» обозначаются термином «pluralis modestia». Эго-идентичное «wir» квалифицируется в данной «Грамматике» как «wir»

авторской «скромности» («Bescheidenheitsplural»), которое позволяет «автору причислить себя к другим исследователям, не названным в тексте» [Duden 2009: 263]. Рассматривая такие употребления «wir» в контекстах научного сообщения, С. Т. Нефёдов пишет о том, что в данных случаях происходит переключение научного изложения в ситуацию актуального присутствия автора [Нефёдов 2015: 117]. Однако при этом ослабевает иллокутивная сила высказывания, а с ней снижается и категоричность сообщаемого, так как обсуждение переносится с уровня общезначимых генерализированных утверждений научного текста на уровень личного знания.

В результате проведенного исследования было установлено, что для местоимения «wir» с целью индивидуализации автора на фоне профессионального / лингвокультурного сообщества характерны четко выделяемые дискурсивно-коммуникативные функции в контекстах научной аргументации. В целом можно сказать, что использование «wir» в эксклюзивной функции (*wir* = nur ich / der Autor) как средства косвенно-эксплицитной авторизации позволяет автору показать себя как конкретного типичного представителя лингвистического сообщества и позиционировать в глазах реципиента как принимающего на соответствующем этапе порождения научного текста следующие роли:

- 1) Роль автора-«архитектора» / «создателя» научного текста, планирующего и структурирующего научный текст

Научный текст невозможно представить без научно-мыслительных процедур, выражающих планирование и организацию текста. Автор часто эксплицитно обозначает свое присутствие именно в таких контекстах научного сообщения. Поэтому эгоферентное «wir» часто входит в текстовые высказывания с коммуникативной функцией макро- и микроструктурной организации научного текста. Благодаря этому восприятие нового знания для читателя становится более прозрачным, что соответствует основным свойствам научного текста, таким как ясность, логичность, точность. Чаще всего вербализация процедуры планирования выражается в тексте

следующим образом: футуральная форма предиката (werden + Infinitiv) подчеркивает дальнейшую перспективу текущего исследования, а дейктические единицы указывают на последовательность научно-мыслительных процедур и их локализацию в рамках научной статьи.

[1] **Wir werden begründen**, warum wir dem Konzept «bildungssprachlicher Praktiken» den Vorzug geben, unter dem **dann** bestimmte Teilkompetenzen in den Blick genommen werden können. (König, 33)

Помимо футуральных форм в контекстах планирования встречаются также формы презенса в футуральной функции, которую они приобретают при поддержке непосредственного вербального окружения в виде темпоральных лексических единиц проспективной семантики:

[2] Auf das zitierte Beispiel **kommen wir später** noch einmal zurück (vgl. Abschnitt 5.3). (Gansel, 12)

В контекстах планирования научно-познавательных действий используются также модальные глаголы *wollen*, *möchte(n)*, связанные с выражением волевых устремлений (намерений) автора.

[3] **Wir möchten unsere** Überlegungen zum Stellenwert der Varianzausdrücke in der Grammatikschreibung deshalb mit einem dringenden Appell an die Grammatikautoren **abschließen**. (Hennig, 235)

[4] Um diese Frage zu klären **wollen wir** auf ein **weiteres Kommunikationsmodell eingehen**, das (nicht nur) in der Sprachwissenschaft von Bedeutung ist: das Kommunikationsmodell von Watzlawick/Beavin/Jackson (1969). (Domke, 113)

2) Роль автора-комментатора своих собственных научно-познавательных действий

Метакоммуникативное комментирование обеспечивает прежде всего регуляцию процесса понимания научного сообщения потенциальным адресатом. Такие высказывания с *wir* и предикатами научно-познавательной деятельности (*verba cognoscendi*) типа *argumentieren*, *analysieren* и т.д.

реферируют не к научному объекту непосредственно, а к самому процессу коммуникации. Тем самым автор контролирует и логику своей собственной аргументации, и внимание адресата («проговаривает» для себя и для адресата, что он делает):

[5] Nachdem die oben umrissenen Begriffe „gesprochen“ und „geschrieben“ als konzeptionelle Größe nun gar keine mediale Basis mehr besitzen, **müssen wir** sie weiter **präzisieren**. (Göpferich, 181)

В данном примере [5] происходит совмещение функций комментатора и «архитектора» благодаря наличию наречия «weiter».

[6] **Wir vergleichen** nun die Produktivität von unter Substantivsg und unter Substantiv Pl anhand zweier Verhältnisse: Zum einen **betrachten wir** das Verhältnis zwischen der Vokabularentwicklung überhaupt und der Entwicklung der *Napax legomena*. Zum anderen das Verhältnis zwischen der Vokabularentwicklung und der Produktivität. (Wiegand, 34)

Одним из решающих факторов в пользу этой функции «wir» / «мы» является семантика глагольных лексем. Во всех случаях наблюдается использование предикатов, выражающих когнитивные, то есть мыслительные процессы, которые рождаются в сознании самого автора. К ним относятся такие процессы, как планирование, восприятие, формирование понятий, решение поставленных задач и т.д., т.е. действия, «замкнутые» на личную сферу автора-исследователя и не предполагающие участия других лиц.

2.2.2.2 МЕСТОИМЕНИЕ «WIR» С ФУНКЦИЕЙ СОВМЕСТНОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ

Самым частотным, как показывает материал исследования, является инклюзивное «wir» в функции совместного обозначения автора и читателя. В процентном соотношении доля таких употреблений составляет 38,3 % для статей и 26,9 % для монографий от всех типов косвенно-эксплицитного самообозначения при помощи местоимение 1-ого лица мн. числа «wir».

Данное значение можно трактовать таким образом, что в научном тексте ориентированность на потенциального адресата и использование «кооперативного» инклюзивного «wir» служит для того, чтобы вовлечь адресата в процесс проводимого автором исследования и создать иллюзию равноправного участия. Поэтому такое «wir» чаще всего встречается в побудительных по функции высказываниях («leserorientierte Imperative», как пишет Р. Креста [Kresta 1995: 293]. Партнерский кооперативный модус описания является прагматически эффективным способом и часто даже необходим для описания сложной научной информации. Благодаря строгой форме и четко поделенной структуре происходит быстрая ориентация читателя в тексте. Процесс передачи и восприятия научной информации благодаря четкому структурно-композиционному членению научного текста оказывается более аргументированным и эффективным.

Одна из задач автора в рамках научной коммуникации – привлечь внимание читателя к проблемам, исследуемым в рамках статьи или монографии. Достигнуть диалогичности общения между коммуникативными структурами позволяет именно данный тип косвенно-эксплицитной формы самообозначения.

Для местоимения «wir» в роли совмещенного обозначения автора и читателя характерны следующие функции в контекстах научной коммуникации:

1) Функция автора-«архитектора»

Главное назначение высказываний с включением кооперативного «wir» / инклюзивного «wir» – имитировать кооперативное сотрудничество с целевым адресатом. При инклюзивном использовании местоимения 1-ого лица мн. числа «wir» автор как бы создает условия, чтобы адресат стал участником научного процесса наравне с автором. Как пишет Р. Креста, происходит «кооперация с читателем» [Kresta 1995: 294]. Эта кооперация редко может выражаться открыто. Хотя иногда, как в примере [7], автор

открыто и уверенно заявляет, что читатель полностью согласится с его мнением.

[7] **Der Leser wird sicherlich mit mir darin übereinstimmen**, dass die Hypothese einer vollkommenen Unabhängigkeit von Wort1 und Wort2 im Kontext einer syntaktischen Realisation außerordentlich unwahrscheinlich ist und somit erst ein relativ hoher log likelihood-Wert überhaupt die Schlussfolgerung gestattet. (Kiss, 12)

Однако чаще вовлечение читателя в научный процесс, приобщение его к мнениям и точкам зрения автора маркируется косвенно-эксплицитно через императивные конструкции. Так называемое «педагогическое «wir» позволяет автору убедить и повлиять на образ мыслей читателя, это можно расценивать и как дидактический прием, согласно Г. Грэфен (Graefen 1997). При этом автор выбирает, как и при эгореферентном «wir», предикаты с когнитивным значением, но в контекстах научной аргументации семантически они не замкнуты на личной речемыслительной сфере только автора; ср.:

[8] **Betrachten wir** diese Grauzone zwischen Grammatik (den regulär gebildeten Formen) und Lexikon (den als Adjektiv lexikalisierten Partizipien) einmal genauer. (Koch, 5)

[9] Und **vergessen wir nicht**: Auch im deutschen Schriftsystem können unterschiedliche Zeichentypen integriert sein. (Dürscheid, 13)

Как мы видим в примерах [8] и [9], информация в тексте перестает носить нейтральный характер, она имеет убеждающее и апеллирующее воздействие. Чаще всего это выражается в императивных конструкциях. Эти конструкции являются компонентом, характерным для структуры диалога с референцией к адресату. Естественно, императивное значение не носит здесь характер категоричного побуждения (приказа), а имеет смягченный характер совета, предложения, приглашения к сотрудничеству.

2) Функция автора-комментатора своих собственных научно-познавательных действий

Совершенно справедливо известный исследователь научной коммуникации К. Хайланд утверждает, что коммуникация – это больше, чем просто обмен информацией между коммуникантами, она включает в себя отношение говорящего и его предположения о ходе коммуникативного процесса. Отсюда следует, что в процессе коммуникации происходит не только репрезентация информации, автор пытается взглянуть на сообщаемое с позиций читателя, внося изменения в ход рассуждений [Hyland 2009: 3].

[10] Wie **wir** bereits **gesehen haben** (vgl. Abschnitt 1), erörterte der Deutsche Bundestag am 19. 01. 2010, wenige Wochen nach „Detroit“ an die entsprechenden öffentlichen Diskurserwartungen anknüpfend, im Rahmen einer Haushaltsdebatte auch grundlegende Fragen der Sicherheitspolitik und -kommunikation. (Zinsmeister, 89)

[11] **Wir haben in 2.2.1 gesehen**, dass wir für die Erklärung des WV2-Verhaltens in keinem einzigen Punkt auf den V2-Faktor rekurrieren müssen und wegen des Ergebnisses von 2.1 auch nicht darauf rekurrieren sollten. (Reis, 234)

По поводу имитации кооперативности в научном дискурсе пишет также немецкий исследователь Т. Штайнхоф [Steinhoff 2007: 220]. Он отмечает, что автор нередко стремится сделать из своего потенциального реципиента равноправного партнера, который «со-размышляет» (der Mit-Denkende) и действует (der Mit-Handelnde) вместе с автором в рамках научного текста.

2.2.2.3 МЕСТОИМЕНИЕ «WIR» С ФУНКЦИЕЙ САМООБОЗНАЧЕНИЯ АВТОРА КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ЛИНГВИСТОВ

Использование личного местоимения 1-ого лица мн. числа позволяет автору не просто обозначать себя, но и причислять себя к профессиональной группе лиц. Поэтому «wir» в контекстах научного сообщения может обозначать говорящего и лиц, принадлежащих к профессиональному сообществу. Высказывания с включением «wir» в обсуждаемой функции в

процентном отношении составляют 24,9 % от косвенно-эксплицитных форм самообозначений автора в статьях и 37,1 % в монографиях. Инклюзивное «wir» в данном случае дает возможность автору представить себя как неотъемлемую часть профессионального сообщества лингвистов, как одного из типичных представителей лингвистического «дискурсивного сообщества».

Американский лингвист Дж. Свейлз, один из видных современных исследователей в области дискурс-анализа и социолингвистики, дает шесть категориальных характеристик «дискурсивного сообщества» (discourse community) (Swales 1990), которые можно назвать ключевыми для научной коммуникации.

Согласно Дж. Свейлзу, дискурсивное сообщество – 1) это группа людей, которая занимается общей деятельностью и имеет общие цели и интересы; 2) дискурсивное сообщество обладает определенными механизмами для реализации эффективной коммуникации между его членами; 3) дискурсивное сообщество дает возможность осуществить информационный обмен, т.е. предоставить информацию и получить обратную связь (при этом у информационного обмена нет ограничений в пространстве и во времени); 4) дискурсивное сообщество имеет определенные дискурсивные ожидания и использует различные речевые жанры, позволяющие выразить коммуникативные цели; 5) дискурсивное сообщество обладает особой терминологической базой и специальной лексикой; 6) в дискурсивное сообщество попадают лишь такие ученые, которые обладают достаточной степенью дискурсивного опыта, т. е. эксперты и профессионалы; однако состав сообщества может меняться, при этом важно соблюдать соотношение количества «новичков» и экспертов [Swales 1990: 24-27].

Такие характеристики дискурсивного сообщества позволяют нам сделать вывод о том, что автор научного текста рассматривает себя, не отделяясь от коллег «по цеху», включенным в процесс коллективного научного творчества. Это общее позиционирование себя как неотъемлемой

части профессионального сообщества иногда эксплуатируется автором в своих, чисто прагматических целях. Эта «солидарность» может даже обернуться для профессионального коллектива, частью которого автор-исследователь себя рассматривает и от имени которого он говорит, тем, что автор часть ответственности за достоверность сказанного перекладывает на плечи этого профессионального сообщества. Благодаря такой стратегии автор оказывается в известной степени защищенным от потенциальной критики своих оппонентов [Nefodov 2014: 205].

Для данной косвенно-эксплицитной автореферентной формы, которую можно назвать также «профессиональное-«wir», характерны следующие функции в контекстах научно-мыслительного процесса:

- 1) Функция автора-«архитектора», структурирующего и связывающего свое знание со знанием профессионального сообщества, к которому он себя причисляет

«Wir» в функции обозначения автора и лиц, принадлежащих к профессиональному сообществу, нередко появляется при введении в текст цитат, а также в отсылках к работам других представителей научного сообщества. Речь идет в этом случае об интертекстуальных указаниях на работы предшественников «как выражении текстовой разгерметизированности и открытости в широкое дискурсивное пространство» [Чернявская 2004: 200].

В. Е. Чернявская пишет, что «интертекстуальность выражает имманентную диалогическую сущность научного текста как основанного на коллективном сознании и развивающегося по законам научной преемственности» [Чернявская 2004: 221]. Цитируя и ссылаясь на других авторов, автор-исследователь одновременно демонстрирует и свою профессиональную компетентность.

Поскольку «каждый новый создаваемый текст выступает элементом, структурной составляющей единого научного дискурса» [Чернявская 2004: 337], то связь между текстами неизбежна. При этом автор может соглашаться

с другими авторами:

[12] **Im Einklang mit Reichenbach (1947), Bäuerle (1978) und Klein (1994) unterscheiden wir** drei Zeitparameter: die Äußerungszeit, die Ereigniszeit und die Topikzeit. Unter Ereigniszeit verstehen wir die gesamte Zeitspanne, zu der ein Ereignis gegeben ist. (Lübbe, 293)

[13] Alles und überall ist Text, was bedeuten soll, dass **wir als Sprachwissenschaftler** von einem Netz von Texten **umgeben**, wenn nicht sogar darin gefangen sind, denn jeder Text ist in einer unüberschaubaren wie auch heterogenen Menge von Texten ein Unikat. (Heinemann, 257)

Языковыми маркерами солидарной позиции автора выступают в приведенных текстовых фрагментах устойчивые предложно-субстантивные сочетания «*in Anlehnung an*», «*im Einklang*».

2) Функция автора – транслятора, передающего знания и концепции

Чтобы ввести в курс дела и сделать краткий обзор, автор обращается ко всему профессиональному сообществу, указывая на конкретные факты, которые имели сильное влияние на всех исследователей. Поэтому часто профессиональное «wir» можно обнаружить в составе риторических вопросов, имитирующих квази-диалог с профессиональным сообществом.

[14] Ein Forum in der Zeitschrift für Sprachwissenschaft über sprachliche Daten? **Haben wir** nicht in den letzten Jahren bereits eine stattliche Reihe von verschriftlichten Konferenzbeiträgen (Kepser & Reis 2005; Fanselow et al. 2006), Aufsätzen und eine erst kürzlich veröffentlichte Diskussion zu der Natur gradienter Daten (Theoretical Linguistics 33, 2007) **präsentiert** und **präsentiert bekommen? Kennen wir** mittlerweile nicht die Möglichkeiten und Grenzen, die die jeweiligen methodischen Herangehensweisen uns bieten? (Schlesewsky, 174)

Подводя промежуточный вывод, можно отметить, что местоимение «wir» в функции отнесенности к научному сообществу наиболее часто встречается в интертекстуальных отсылках, а также в составе риторических вопросов с целью диалогизации взаимодействия с профессиональным сообществом.

2.2.2.4 МЕСТОИМЕНИЕ «WIR» С ФУНКЦИЕЙ САМООБОЗНАЧЕНИЯ АВТОРА КАК ЧАСТИ ЯЗЫКОВОГО И КУЛЬТУРНОГО СООБЩЕСТВА

По сравнению с другими функциями косвенно-эксплицитной авторизации при помощи местоимения «wir» высказывания с «wir» в функции самообозначения автора как части языкового и культурного сообщества встречаются гораздо реже: 8,2 % от косвенно-эксплицитных форм самообозначений автора в статьях и 16,6 % в монографиях. Как показало настоящее исследование, в монографиях чаще употребляется обращение к лингвокультурному сообществу, что позволяет смоделировать в тексте научное пространство, в которое подключается самое большое число лиц. Эти лица в реальности не действуют, это инсценируется автором ради определенных целей, таких как генерализация и обобщение для подчеркивания типичных условий и обстоятельств, обычных для социального развития всех без исключения представителей данного лингвокультурного сообщества.

Как указывает Р. Креста, автор научного текста подразумевает под общим «wir», которое он обозначает термином «Gemeinschafts-«wir» «либо людей, принадлежащих одному культурному слою, либо все человечество как носителя определенного опыта цивилизации в целом» [Kresta 1995: 140]. Использование данного типа косвенно-эксплицитной авторизации можно объяснить из-за доминирующего надсубъектного изложения научного знания: «Научная правда – это правда для всех» [Steinhoff 2007: 225].

Наше исследование показало, что автор при помощи общего «wir» позиционирует себя чаще всего следующим образом.

Во-первых, автор-исследователь применяет высказывания с включением «wir» в обсуждаемой функции в начальных частях научных статей и монографий, предваря формулирование своей научной гипотезы; например:

[15] In Sprachspielen **lernen wir** die Gebrauchsregeln der sprachlichen Einheiten und damit unsere Muttersprache. (Groß, 146)

[16] Auch, wenn **wir** manchmal mehr oder weniger scherzhaft die Übereinstimmung zweier Menschen **für telepathisch halten**: „Gedankenübertragung“ gibt es nicht, jedenfalls nicht in dem Sinne, wie **wir im Alltag davon sprechen**, also ohne Äußerung von Zeichen und ohne deren Wahrnehmung. (Werner, 144)

В примерах [15], [16] мы наблюдаем, как автор вводит общие предположения, на основании которых можно говорить далее уже об узко специальной проблеме и собственных предположениях о её решении.

Следующие примеры [17], [18] также доказывают, что автор вводит новую информацию через общие контексты.

В контексте научного сообщения «wir» указывает на то, что все мы, люди, определенным образом реагируем на действительность, с которой мы должны считаться. Кроме того, в приводимых ниже примерах речь идет о типичных операциях, которые мы совершаем, таких как писать, читать, говорить.

[17] Wie kommt nun das Konzept des sozialen Handelns ins Spiel? Zunächst einfach deshalb, weil sich der Alltag gerade durch seine praktische Relevanz vor allen alternativen Wirklichkeitsbezügen auszeichnet; ohne handelnd in den Alltag einzugreifen, sind wir nicht überlebensfähig. **Dabei müssen wir** einerseits **reagieren** auf die „unweigerlich auferlegten“ Aspekte der Wirklichkeit, die **wir nicht verändern können**, mit denen **wir uns aber auseinandersetzen müssen**; andererseits können wir auch „wirkend“ in die Alltagswelt eingreifen, also die Welt durch unsere Handlungen verändern. (Auer, 7)

[18] **Wenn wir sprechen**, dann in der Regel deshalb, weil **wir** anderen Menschen unsere Gedanken **mitteilen wollen**, ihnen Handlungsanweisungen **geben**, Gefühle **kundtun**. **Wenn wir schreiben**, dann in der Regel deshalb, weil **wir** jemandem etwas **mitteilen wollen**, sei es einer konkreten Person, **wenn wir** beispielsweise eine E-Mail **schreiben**, sei es einer Gruppe von Menschen, z.B.

wenn ich eine Rundmail schreibe, oder sei es einem virtuel-en Adressaten, dies ist der Fall z.B. dann, wenn ich diese Zeilen aufschreibe. (Hermann-Giovanelli, 118)

Автор подчеркивает линейность пространственной протяженности устных и письменных текстов как отражение однонаправленности времени от прошлого через настоящее к будущему, поэтому все мы (все люди) говорим, слышим, пишем и читаем, воспринимая речь / текст в линейной пространственно-временной протяженности.

[19] Zeit ist linear, und weil Produktion und Perzeption von Sprache nur in der Zeit möglich sind, ist auch Sprache in ihrer Oberflächenerscheinungsform stets linear. **Wir können nicht anders sprechen und hören, schreiben und lesen** als in der Zeit und sind damit an deren Linearität gebunden. (Plewnia -2007)

Подводя итог, следует отметить, что данная функция «wir» тематизирует общечеловеческие аспекты жизни, апеллируя к общему фонду знаний читателя об устройстве нашего мира («Common-sense Wissen», Weltwissen). «Wir» в функции отнесенности к культурному сообществу/человечеству в целом появляются в контекстах, которые раскрывают повседневные действия и события, лишённые контекста научности изложения и имеющие значимость для всех без исключения людей как часть их бытия.

Таким образом, в рамках нашего исследования было выделено четыре основные функции самообозначения автора при помощи личного местоимения «wir» в научном тексте, при котором указание на автора происходит не напрямую, а косвенно.

Стоит отметить, что все четыре типа «wir» служат для обозначения автора в разных социальных ипостасях, которые автор «инсценирует» в прагматических целях: автор как типичный конкретный представитель профессионального сообщества лингвистов (16,6 %), автор-исследователь в тесной кооперации со своим потенциальным читателем (35 %), автор-исследователь как неотъемлемая часть научного сообщества (28,4 %), автор-

исследователь как часть лингвокультурного сообщества говорящих / пишущих на одном языке (10,6 %).

Частотность употребления «wir» как косвенно-эксплицитного средства самообозначения зависит от норм или от традиций научного общения в том или ином социуме. Благодаря данной косвенно-эксплицитной форме авторизации автор оказывается достаточно защищенным от возможной критики своих оппонентов-читателей и более широкого круга представителей профессионального сообщества. Сходный механизм наблюдается и в использовании неопределённо-личного местоимения «man».

2.2.3 ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ «MAN» КАК СРЕДСТВА ОБОЗНАЧЕНИЯ ОПОСРЕДОВАННОЙ СТУПЕНИ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТИ В КОНТЕКСТАХ НАУЧНОГО СООБЩЕНИЯ

Неопределённо-личное местоимение «man» так же, как личное местоимение «wir», широко представлено в научных текстах. Доля высказываний с включением данного косвенно-эксплицитного средства самообозначения в процентном соотношении составляет 64,6 % для научных статей и 74,2 % для монографий. Общее количество предикаций с «man» составляет 1890 единиц или 68 % от всех типов текстовых высказываний с косвенно-эксплицитной эгореферентностью.

Эти данные показывают, что неопределённо-личное местоимение «man» встречается в текстах научных статей и монографий чаще, чем другие средства косвенно-эксплицитной эгореферентности. При этом для монографий более характерно использование именно этого типа авторизации, что может быть объяснено характером выбора автором одного способа изложения на протяжении всего научного текста. При учете лексико-семантической специфики местоимения «man» нами выделены его три основные авторизирующие функции в контекстах научного сообщения:

- **«Эго-идентичное MAN»** (типизирующее «man») при использовании автором научного текста данного неопределенно-личного местоимения с контекстуально обусловленной, конкретной референцией («man» = ICH) в функции косвенно-эксплицитного самообозначения на основе выделения себя как единичного типичного представителя лингвистов на фоне контекстно неограниченного и количественно неопределенного лингвистического сообщества. При этом в этой функции под неопределенно-личным местоимением «man» в контекстах научного изложения подразумевается только автор данного конкретного текста;
- **«Профессиональное MAN»** при использовании автором научного текста данного неопределенно-личного местоимения с генерализирующей (обобщенной) референцией в функции косвенного самообозначения на основе включения себя как неотъемлемого представителя в контекстно открытое и количественно неопределенное профессиональное сообщество лингвистов. При использовании «man» в функции отнесенности к научному сообществу автор позиционирует себя как представителя научного сообщества в целом или его части – лингвистического профессионального сообщества, в котором конкретный автор-исследователь выступает вместе с другими учеными-исследователями как единое целое;
- **«Лингвокультурное MAN»** при использовании автором научного текста данного неопределенно-личного местоимения с предельно генерализирующей (обобщенной) референцией в функции косвенного самообозначения на основе включения себя в контекстно предельно открытое и количественно неопределенное лингвокультурное сообщество представителей данного языкового коллектива или человеческой цивилизации в целом.

Следует отметить, что в текстовом функционировании «man» наблюдается много общего с ранее проведенным анализом «wir», однако механизмы осуществления косвенно-эксплицитной авторизации через «man»

имеют свою специфику. При самообозначении через «тап» автор рассматривает себя как часть неопределенно большего множества представителей научного сообщества, с которым он себя ассоциирует по профессиональным, культурно-языковым, общечеловеческим и т.д. признакам.

Данную особенность можно объяснить семантико-номинативным потенциалом данного неопределенно-личного местоимения, способного на основе дейктического указания отсылать к контекстуально открытым множествам лиц, с которыми автор научного текста идентифицирует по указанным признакам, руководствуясь критериями прагматической уместности на данном текущем этапе профессиональной коммуникации. При этом чаще всего в научном лингвистическом тексте таким предельно широким множеством лиц выступает экспертное сообщество языковедов, которое потенциально может быть заинтересовано в проблеме, предложенной и обсуждаемой автором.

Кроме того, по своим семантико-номинативным свойствам рассматриваемое косвенно-эксплицитное средство самообозначения в наибольшей степени соответствует коммуникативно-прагматическим параметрам научного дискурса, в котором текстопроизводство нацелено на надличностное представление знаний в их абсолютной вневременной значимости. В этой связи с помощью местоимения «тап» создается обобщенный характер высказывания наравне с пассивными конструкциями.

Прежде, чем перейти к анализу функций неопределенно-личного местоимения «тап», обратимся к количественным подсчетам, полученным автором настоящей диссертации в ходе изучения анализируемого корпуса лингвистических текстов:

Таблица № 3

	Косвенно-эксплицитное самообозначение через промежуточную эксплицитную ступень «man»			
	Эго-идентичное «MAN»	Профессиональное «MAN»	Лингвокультурное «MAN»	Иное (спорные случаи)
Монографии 74,2% (729)	293 / 40,2 %	350 / 48 %	62 / 8,5 %	24 / 3,2 %
Науч. статьи 64,6% (1161)	420 / 36,2 %	608 / 52,4 %	77 / 6,6 %	56 / 4,8 %
Итого 1890	713 / 37,7 %	958 / 50,7 %	139 / 7,4 %	80 / 4,2 %

Согласно представленным данным, рассмотрим авторизирующие функции «man» более подробно.

2.2.3.1 ЭГО-ИДЕНТИЧНОЕ «MAN»

«Man» в функции авторского самообозначения, подобно функции личного местоимения «wir», ближе всего связан с эксплицитной формой «ich». Под «man» автор подразумевает лишь себя самого. В количественном отношении в научных статьях представлено 36,2 %, в монографиях – 40,2 % употреблений эго-идентичного «man». В данной функции неопределенно-личное местоимение выступает достаточно часто – 37,7 % от всех случаев употребления.

Следует отметить, что чаще всего эго-идентичное «man» встречается в конструкциях с модальными глаголами. Как известно, необходимость определенного действия выражается в немецкоязычных текстах при помощи модальных глаголов «müssen», «sollen», а предположение, гипотетичность, а также возможность – при помощи модального глагола «können», в меньшей степени с участием «dürfen». Этот тип косвенных авторизованных средств соответствует актуализаторам К. Хайланда (booster), поскольку выражает эпистемическую модальность и разную степень уверенности автора в

содержании текстовых утверждений, которые он делает по ходу развития научной дискуссии.

При этом сами коммуникативно-речевые действия обозначаются чаще всего глаголами-когнитивами, которые в контексте научного сообщения представляются как семантически замкнутые на личной сфере говорящего / пишущего. Наиболее частотными в научных статьях и монографиях оказались следующие обозначения ментальных действий автора: 1) *machen* (*aufmerksam*) – 1700 раз, 2) *bilden* – 1506, 3) *sagen* – 1412, 4) (*nach*)*denken* – 1378, 5) *analysieren* – 1150, 6) *finden* – 939, 7) *bezeichnen* – 890, 8) *interpretieren* – 636, 9) *beachten* – 375, 10) *zusammenfassen* – 356, 11) *halten für* – 246, 12) *berücksichtigen* – 220, 13) *beobachten* – 216, 14) *herstellen* – 26, 15) *unterscheiden* – 190, 16) *erkennen* – 156, 17) *betrachten* – 130, 18) *vergleichen* – 105, 19) *annehmen* – 90, 20) *erfassen* – 72, 21) *sich verständigen* – 36.

Приведем некоторые примеры на употребление «индивидуализирующего MAN» в текстовых фрагментах с разной коммуникативно-интенциональной направленностью.

[20] *Materialität und Medialität sind zwar geläufige Kategorien, auf die man nicht erst **aufmerksam machen muss**, es ist aber zu klären, welche der Bedeutungsvarianten dieser polysemen Wörter **man aufgreifen will**. (Steiner, 180)*

→ ***Ich (der Autor) muss nicht auf Materialität und Medialität erst aufmerksam machen.***

[21] Ganz gleich, ob **man** nun „STUTZT“ und „geht zurück“ als Koordinationsellipsen oder als uneigentliche Verbspitzenstellungen **bezeichnet**, gilt für diese Strukturen, dass es sich dabei ohnehin um einen Ellipsentyp handelt. (Metten, 44). → ***Ich (der Autor) bezeichne** „STUTZT“ und „geht zurück“ als Koordinationsellipsen.*

В контексте приведенных коммуникативно-речевых ситуаций благодаря уточнению [20], а также тематизации и объяснению понятий [21] становится очевидным, что никто другой не может совершить эти действия, как сам

автор. В качестве проверки контекстой функции эгореферентного употребления «man» воспользуемся приемом трансформации:

[22] **Man darf** aber **ergänzen**, dass eine solche Intuition auch in der Sprache selbst begründet ist, sofern die Sprache ein paradigmatisch strukturiertes System von sprachspezifischen funktionellen Oppositionen bildet (Willems, 204) → *Ich (der Autor) darf ergänzen, dass eine solche Intuition auch in der Sprache begründet ist.*

В примере [22], кроме того, можно наблюдать употребление местоимения «man» с когнитивами и модальными глаголами в эпистемическом значении, которое выражает степень возможности совершения обозначенных в инфинитиве действий.

Иногда при параллельном употреблении автором прямого самообозначения через *ich* и косвенно-эксплицитного через *MAN*, становится очевидным, что автор использует неопределенно-личное местоимение «man» для того, чтобы избежать повторений, т.е. в стилистических целях:

[23] Im Folgenden **will ich** darüber **nachdenken**, nach welchen Kriterien **man eine Entscheidung** zwischen den beiden Analysemethoden **treffen kann**. (Jacobs, 503)

Автор эксплицитно заявляет о своем желании подумать, по каким критериям он сам будет принимать решение.

При использовании в качестве косвенно-эксплицитного самообозначения неопределенно-личного местоимения «man» автор-исследователь позиционирует себя как автор-исследователь, как участник профессиональных отношений при вербализации проведенных исследований.

2.2.3.2 ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ «MAN»

Неопределенно-личное местоимение «man» может быть использовано автором для отнесенности себя к научному сообществу, т.е. автор представляет себя в качестве части научного сообщества или определенной научной группы, занимающейся конкретной проблемой. В научных статьях процент использования неопределенно-личного местоимения «man» в этой функции составляет 52,4 %, в монографиях – 48 %. Поскольку говорящий/пишущий в этом «man» видит не только коллег, но и себя, то «man» становится средством косвенно-эксплицитной авторизации.

[24] **Sieht man** diese Schrift in einer Zeitung oder auf einer Karte, **so weiß man**, dass **es sich um** Textsorten wie Familienanzeigen oder Einladungen **handeln muss** und **erfasst** den Anspruch des Textes, den Eindruck des Handschriftlichen **zu wecken** und Eleganz, Traditionsbezug und Formbewusstsein **auszudrücken**. (Thielmann, 189)

Из данного примера становится очевидным, что исследователи, в том числе и сам автор, могут понять, о каком типе текста идет речь, если увидят такой шрифт в газете или на карте. То есть, это означает, что знаю «я» (автор) и все интересующиеся этой проблемой другие коллеги/ или все лингвисты.

Из следующих двух примеров очевидно, что автор научного текста ссылается на другого/других исследователя/ей. Таким образом, неопределенно-личное местоимение «man» включается в высказывания, вербализующие важные для проведения научных исследований научно-познавательные операции. При этом он берет на себя, естественно, типичные для научно-исследовательской деятельности функциональные роли, аналогичные в основном функциям, рассмотренным выше в связи с другими средствами косвенно-эксплицитной авторизации:

1) Функция автора, интегрирующего свою аргументацию в научный тематический дискурс

[25] **Wenn man sie**, wie Müller (2002), trotzdem über Valenzbindung der Partikel an das Verb **expliziert**, **kann man** damit zwar die Lokalität und Umgebungsunabhängigkeit der Kookkurrenz von auf und hören technisch **erfassen**. (Klaus, 216)

[26] Während **man sich** bezüglich des deutschen Modalverbssystems auf reichhaltige Forschungsliteratur **stützen kann** (vgl. Leikbukt 1984; Diewald 1999; Leiss 2000; Kratzer 1991; Reis 2001; Vater 2004; Mortelsmann 2008, um nur einige Beispiele zu nennen), gibt es zur Modalität im Thailändischen nur wenige Arbeiten. (Attaviriyapanap, 107)

Показателями интертекстуальности в данных примерах являются имена исследователей-лингвистов в составе конструкций с семантикой уподобления, а также императивы в форме типичных для научного текста сокращений: «vgl». Таким образом, у автора появляется возможность указать на истоки научной проблемы и увидеть, каким образом эта проблема освещается другими учеными, и какой точки зрения придерживается сам автор.

2) Функция автора-комментатора научно-мыслительных операций

Пояснительная функция чрезвычайно важна для научного текста, таким образом текст становится более понятным для адресата.

[27] Zwar **weiß man aus Erfahrungswerten**, dass verschiedene lexikalische Häufigkeiten in der ersten Fixation sichtbar sind, die Reanalyse einer grammatischen Funktion dort hingegen wohl niemals zu beobachten sein wird. (Schlejewsky, 170).

Из примера [27] следует, что благодаря опыту известным является определенный факт, описанный в придаточном объектном предложении. В приведенном примере речь идет о лингвистической аксиоме, положении, общеизвестном в лингвистическом сообществе.

[28] Die so dargestellten Informationen können sehr hilfreich sein, **wenn man z.B.** die unterschiedlichen Valenzen von sinnverwandten lexikalischen Einheiten **untersuchen will**. (Boas, 82)

В примере [28] в придаточном предложении при помощи сокращения «z.B.», которое использует сам автор для понимания данного примера, вводится новая информация.

Показательно, что это профессиональное «man» является самым частотным среди основных типов неопределенно-личного местоимения.

2.2.3.3 ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ «MAN»

В этом типе косвенно-эксплицитной авторизации неопределенно-личное местоимение «man» обозначает всех говорящих на немецком языке, то есть лингвокультурное сообщество носителей данного языка, а иногда и все человечество в целом. В этой функции неопределенно-личное местоимение «man» встречается реже всего: в статьях – 6,6 %, в монографиях – 8,5 %.

В примере [29] автор указывает на графические знаки, о которых известно не только научному кругу, а гораздо шире – всему немецкоязычному сообществу.

[29] **Man kann** folgende Wortzeichen für das heutige Deutsch **annehmen**: Apostroph, Ergänzungs-, Trenn- und Bindestrich und den Abkürzungspunkt. (Das graphematische Wort (im Deutschen): Eine erste Annäherung. (Fuhrhop, 206)

Следует обратить внимание на случаи употребления обоих косвенных средств авторизации («wir» и «man») в одном структурном образовании:

[30] Das wird deutlich, **wenn man** die Flexionsmorpheme als Ausgangspunkt der Betrachtung **nimmt**. Auf Grund diachroner Evidenz **wissen wir**, dass Flexionsmorpheme durch Fusion von zunächst isolierbaren Morphemeinheiten entstehen. (Stefanowitsch, 575)

[31] Die angedeuteten Widersprüche lassen sich **nach unserer Meinung** nur auflösen, wenn **man** den konzeptionellen Aspekt voll in die Modellierung des Varietätenraums **integriert**. (Koch, 351)

В примере [31] можно наблюдать употребление так называемого «выражения мнения» (Meinungsausdruck) [Steinhoff 2007: 241]. Вслед за Т. Штайнхофом, можно считать, что это средство авторизации с

метакоммуникативной функцией служит для «деагентивированного самообозначения» (agenslose Verfasserreferenz). Большинство из таких «выражений мнения» следует рассматривать как средство прямой «деагентивированной» номинации: *nach meiner Meinung = ich meine*. В обследованных научных текстах «выражения мнения» представлены в основном следующим образом: «*meiner/unserer Meinung nach, meines Erachtens, meiner Ansicht nach, м.Е.*».

В отличие от местоимения «wir» местоимение «man» в определенной грамматической конструкции теряет признак авторизации. Это происходит при грамматическом оформлении высказывания конъюнктивом, чаще всего с предикатами «*vergleichen*», «*beachten*», когда «man» обозначает адресата. Таким образом, из средства авторизации неопределенно-личное местоимение «man» превращается в средство адресации.

[32] **Man beachte** in diesem Zusammenhang die Arbeiten von R. Langacker (z.B. 1987, 1991), dessen Cognitive Grammar als Versuch bezeichnet werden könnte, möglichst viele semantische Eigenschaften komplexer grammatischer Strukturen aus den simpleren Strukturen abzuleiten, aus denen diese bestehen. (Stefanowitsch, 590)

При этом «**man beachte**» означает «**man (der Leser) soll beachten, dass Cognitive Grammar als Versuch bezeichnet werden könnte**».

Подводя промежуточный итог, стоит отметить, что неопределенно-личное «man» функционально разнообразно. При самообозначении через «man» автор рассматривает себя как часть неопределенно большого множества представителей научного сообщества или даже лингвокультурного сообщества в целом. Самой частотной функцией употребления является профессиональное – «man» (958 случаев употребления / 50,7 % от всего количества косвенных самообозначений через промежуточную эксплицитную ступень «man»). Наименее частотным является лингвокультурное-«man» для которого характерны контексты ввода нового знания в первую очередь в монографиях. Для местоимения «man» в

контексте научного текста значимыми оказываются оба основных типа контекста:

- 1) Внутренний контекст высказывания – непосредственное вербальное окружение «*map*», особенно семантический тип предиката, с которым они сочетаются.
- 2) Внутренний экстралингвистический контекст - принадлежность коммуникативной ситуации определенной социальной сфере, которая задаёт параметры общения. Речь идет о ситуации научного общения с их особым говорящим / пишущим, специфическими целями и задачами, коммуникативными нормами и т.д.

2.3 САМООБОЗНАЧЕНИЕ ОТ 3-ЕГО ЛИЦА ПРИ ПОМОЩИ ПОЛНОЗНАЧНЫХ НОМИНАЦИЙ «DER VERFASSER», «DER AUTOR»

Самообозначение от 3-его лица при помощи полнозначных нарицательных существительных «*der Verfasser*», «*der Autor*» (или других контекстуальных синонимов) обнаруживается в немецком научном тексте крайне редко, особенно по сравнению с другими видами косвенно-эксплицитной авторизации (5 предикаций)

Данный механизм авторизации отличается от двух предыдущих типов. Хотя самообозначение автора происходит также через опосредованную дополнительную ступень идентификации по функциональной роли в текстопроизводстве, но местоименная номинация заменяется на полнозначную номинацию.

[33] Da **dem Autor** die erste Option wenig realistisch erscheint, plädiert **er** abschließend für eine gradualistische Strategie zur Realisierung der zweiten grundlegenden politischen Alternative. (Auer, Baßler, 18)

В примере [33] автор говорит о себе в 3-м лице, используя лексические единицы, такие как существительное «*der Autor*» (автор), а также личное местоимение 3-его лица ед. числа «*er*».

Что касается нашего корпуса примеров, то 3 примера употребления этого типа косвенно-эксплицитной авторизации были найдены в предисловиях к коллективным монографиям, в написании которых принимают участие сразу несколько авторов.

Таким образом, появление данных форм наблюдается в паратекстовых элементах научного текста, таких как предисловие к монографии. И. Р. Гальперин называет предисловие к научному тексту «предтекстом», в котором кратко освещается содержание всех частей, дается представление о ходе мысли, аргументах и выводах автора, а также прослеживается взаимосвязь и последовательность всех частей текста [Гальперин 2007: 58-59]. Поскольку предисловие настраивает читателя на восприятие новой для него информации, то присутствие авторских самообозначений не должно отвлекать от основной цели научной работы. Поэтому здесь более уместно отстраненное самообозначение в 3-ем лице.

[34] **Die beiden Autoren** waren bemüht ihre Teile stimmig zusammenzuführen, Überschneidungen zu vermeiden und Wiederholungen zu beseitigen. (Besch, Wolf, 5)

[35] **Die Autoren knüpfen** viel mehr bewusst und selbstverständlich an das Tradierte **an**, **versuchen** aber textlinguistische Phänomene gleichsam aus einer übergeordneten Perspektive **zu erfassen**. (Heinemann, Heinemann, 3)

Средства авторизации, выраженные косвенно-эксплицитно, как показывают примеры [33], [34], оказываются прагматически наиболее подходящими в составе предисловия к научным работам. Благодаря такой форме происходит в большей степени акцентуация на объекте исследования, а не на активно действующих субъектах.

Можно предположить, что самообозначение (Selbstbenennung durch die Lexem «Verfasser/in») в современных текстах заменяется на самоцитацию (Selbstzitate), поэтому используется авторами крайне редко.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Прямое авторское самообозначение находит редко свое отражение в научной коммуникации, в современном научном тексте наблюдается тенденция к «вуалированию» присутствия автора.

Опираясь на данные о частотности прямых средств эгореферентности, выраженных личным местоимением 1-ого лица ед. числа («ich» / «я»), можно сделать вывод, что прямая эксплицитная форма авторизации является отнюдь «не запретной» в научной письменной коммуникации, но косвенно-эксплицитная авторизация встречается гораздо чаще и представлена шире в рамках научного текста.

Косвенно-эксплицитной является такая авторизация, при которой обозначение автора-исследователя происходит не прямо, а через дополнительную ступень референциальной отнесенности. Здесь задействованы три типа языковых средств: 1) личное местоимение 1-ого лица мн. числа *wir*, 2) неопределенно-личное местоимение *man* и 3) субстантивные самообозначения от 3-его лица *der Autor*, *der Verfasser*, *der Wissenschaftler* и др. Все обсуждаемые грамматические классы слов указывают на лицо или обозначают лицо как автора текста по роду его деятельности. Контекст научного общения конкретизирует это лицо в категории «автор-исследователь». Таким образом, в контексте научного сообщения это не просто любое одушевленное лицо, а лицо, которое имеет отношение к профессиональной деятельности в области науки или в отдельной её дисциплине, такой как лингвистика.

Каждый из видов косвенно-эксплицитных форм авторизации выбирается автором с учетом текущих коммуникативно-прагматических задач при воплощении в текстовой форме полученных научных результатов.

Материал исследования показал, что самым частотным средством является неопределенно-личное местоимение «*man*». Всего выявлено 1890

случаев употребления «man», что составляет 68 % от общего количества предикаций с включением косвенно-эксплицитных средств. Из них в монографиях встретилось 729 случаев, а в научных статьях – 1161. Функции данного местоимения следующие: 1) эго-идентичное обозначение самого автора; 2) представление автором себя как части профессионального сообщества лингвистов; 3) обозначение автором себя как части лингвокультурного сообщества.

Далее по частотности употребления следует личное местоимение «wir» (31,9 % от всех косвенно-эксплицитных реализаций, из которых в монографиях выявлены 253 реализации, а в научных статьях - 635). Данное местоимение, как и «man», контекстуально зависимо и семантически неоднородно. Полифункциональность личного местоимения «wir» представлена в научном лингвистическом тексте следующим образом: 1) «wir» с функцией эго-идентичного обозначения самого автора; 2) «wir» с функцией совместного обозначения автора и читателя; 3) «wir» с функцией самообозначения автора как неотъемлемой части профессионального сообщества лингвистов; 4) «wir» с функцией самообозначения автора как части языка культурного сообщества.

Редким механизмом косвенно-эксплицитной авторизации является механизм дистанцированного самообозначения от 3-его лица (всего 5 предикаций). Такие самообозначения обнаружены лишь в предисловиях к коллективным монографиям, написанным несколькими авторами.

Вариативное применение различных средств косвенно-эксплицитной авторизации нацелено, в конечном итоге, на обеспечение эффективности и выразительности научной коммуникации, так как позволяет автору-исследователю через варьирование своего присутствия по способу выражения удерживать и контролировать внимание адресата, а также в некатегоричной форме оптимизировать процесс научной дискуссии.

ГЛАВА 3. ИМПЛИЦИТНЫЕ СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОГО МАРКИРОВАНИЯ АВТОРСКОГО «ПРИСУТСТВИЯ» В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

3.1 ХАРАКТЕРИСТИКА ИМПЛИЦИТНОЙ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТИ

Эксплицитная и косвенно-эксплицитная эгореферентности по характеру текстовой реализации противопоставлены имплицитной эгореферентности. Эксплицитное значение не только не исчерпывает всего содержательного потенциала речи, но часто не составляет его наиболее существенной части. Как пишет Е. И. Шендельс, «... не все содержание мысли находит воплощение в особых языковых элементах, а наряду с эксплицитными способами выражения существует глубокая область имплицитной передачи информации. Она подобна той части айсберга, которая скрыта под водой» [Шендельс 1977: 109].

Благодаря данной метафоре становится понятно, что скрытые от глаз адресата имплицитные смыслы, будучи емким компонентом вербальной коммуникации, не просто взаимодействуют с эксплицитными, но и существенно модифицируют и дополняют выраженные значения, вписываясь при этом в совокупную содержательную структуру коммуникации.

Как справедливо отмечает С. Д. Кацнельсон, имплицитность возможна только на базе эксплицитно выраженного смысла, индуцирующего некоторые дополнительные значения. «Скрытая грамматика» - это грамматические сигналы, имплицитно содержащиеся в синтаксических сочетаниях и семантике слова» [Кацнельсон 1972: 78]. Скрытые смыслы выявляются на базе эксплицитно выраженного в грамматических формах и

конструкциях при учете влияния и взаимодействий с контекстом.

Роль контекста, согласно С. Д. Кацнельсону, оказывается существенной, поскольку «не каждая грамматическая категория получает прямое и непосредственное выражение в грамматических формах языка, многие грамматические категории оказываются запрятанными в значениях слов и синтаксических связях слов в предложении» [Кацнельсон 1972: 82].

Значение авторизации в большей части своих текстовых проявлений обладает указанными С. Д. Кацнельсоном свойствами: оно часто «запрятано» в лексико-семантическую структуру определенных классов слов и в грамматическую семантику синтаксических построений; при взаимодействии с контекстом авторизующие смыслы актуализируются и «прочитываются» воспринимающим сознанием.

Авторизация категориальна в том отношении, что она удовлетворяет главному критерию выделения категориальных значений: «их серийности», типизированности и «операторности» в отличие, например, от индивидуализирующих лексических значений; см. о признаках категориальных значений: [Храковский 2013: 15]. В отличие от категориально-грамматических значений областью «оперирования» и выявления таких категорий, как эгореферентность / авторизация, являются не отдельные уровни языка как функциональные подсистемы (лексика, морфология, синтаксис), а текст в целом как тематико-коммуникативное единство. Поэтому по своему категориальному статусу авторизация принадлежит к текстообразующим категориям.

Об имплицитности и имплицитном содержании пишет также А. В. Бондарко. По А. В. Бондарко, имплицитная информация представлена двумя типами, системно-языковой и речевой. Системно-языковая имплицитность «обусловлена особенностями системной организации значений в данном языке», которые отражают психологическую реальность когнитивной и эмоциональной жизни человека [Бондарко 2004: 24]. Согласно мнению ученого, системно-языковая имплицитность связана с базовой для

данного языка лексической и грамматической семантикой языковых единиц, благодаря которой формируется системно-категориальный аспект содержания высказывания.

Системно-категориальный аспект содержания высказывания («план содержания текста высказывания», по А. В. Бондарко), или «смысловая основа», создается взаимодействием при речевой реализации «языковых лексических, лексико-грамматических (в том числе словообразовательных) и грамматических (морфологических и синтаксических) значений, выраженных языковыми средствами данного высказывания» [Бондарко 1978: 95]. Это – некая семантическая базовая основа высказывания, которая формируется за счет типовых, узусальных для данного языка лексических и грамматических значений употребленных в высказывании форм. Общесмысловая основа высказывания в других концепциях фигурирует как денотативное, денотативно-семантическое, референциональное и т.д. содержание. На данное содержание накладывается дополнительная смысловая информация, в результате чего формируется «актуальный речевой смысл высказывания», по А. В. Бондарко. Источниками «актуального речевого смысла высказывания» являются не только типовое категориальное содержание высказывания, но и результат его «погружения» и взаимодействия с контекстом, ситуацией речи, фоновыми (в том числе энциклопедическими) знаниями коммуникантов.

Таким образом, являясь результатом интерпретации базовой, категориальной основы содержания высказывания актуальный речевой смысл в концепции А. В. Бондарко включает помимо этой основы 1) контекстуальную; 2) ситуативную и 3) энциклопедическую информацию [Бондарко 1978: 95].

В последующих своих работах А. В. Бондарко детализирует компоненты имплицитной части содержания речевого высказывания. По его мнению, речевая имплицитность «...предполагает, что передается языковыми средствами смысл, вытекающий из речевой ситуации

соответствующей ситуативной информации в ее связях со значением в данном высказывании». Компонентами речевого смысла, передаваемого говорящим (пишущим) и воспринимаемого адресатом являются следующие:

- 1) языковое содержание высказывания (целостного текста);
- 2) контекстуальная информация;
- 3) ситуативная информация;
- 4) энциклопедическая информация (фоновые знания),
- 5) прагматические элементы дискурса [Бондарко 2004: 24].

В отличие от эксплицитных значений имплицитные не имеют непосредственного материального выражения, но это не значит, что их невозможно выявить и что о них можно судить как о «содержании без формы». Они обладают сложной формой выявления. Как пишет М. В. Никитин, имплицитные формы производны от взаимодействия эксплицитного значения с совокупными условиями его реализации. Формой их выявления служит эксплицитное значение вместе со значимым фоном его реализации [Никитин 2007: 534].

В отличие от эксплицитных и косвенно-эксплицитных средств авторизации имплицитно-авторизующие средства научного текста не имеют специального знакового выражения лица. Актуализация семы антропонимичности происходит на семантически-когнитивном уровне, благодаря многообразным языковым средствам, обладающим, по словам Е. В. Падучевой, «скрытой валентностью на говорящего» [Падучева 2011: 4].

Огромный скрытый план научного текста, представленный разными видами импликаций, позволяет автору незримо присутствовать, а адресату всегда ощущать это «присутствие» в контекстах научного сообщения. Как пишет А. А. Масленникова: «Скрытый смысл - всякий смысл, вербально не выраженный в тексте сообщения, но воспринимающийся адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании языковой компетенции, знаний о мире и имеющихся в тексте сообщения показателей» [Масленникова 1999: 4].

Стоит особо обратить внимание на выделяемые А. А. Масленниковой

типы имплицитных (подразумеваемых) компонентов в содержании текста. Говоря об элементах содержания, которые при вербализации склонны к переходу в зону имплицитного (в силу очевидности или общих принципов кооперации общения), А. А. Масленникова выделяет следующие типы компонентов в содержании текста, которые обычно находятся в зоне подразумеваемого: 1) интерактивный компонент (информация о характере межличностных отношений между компонентами; прочитывается косвенным образом через то, какие языковые средства отбираются говорящим для выражения мысли), 2) оценочный компонент (прямая оценка лица, его действий, т.е. «проникновение» в личную сферу), 3) модальный компонент (коммуникативная и антропоцентричная модальность), 4) интенциональный (коммуникативное намерение говорящего) [Масленникова 1999: 11-15].

Таким образом, рассмотренные выше точки зрения на имплицитность объединяет общее положение о том, что смысл, который передается говорящим и восстанавливается адресатом, не сводится к содержанию эксплицитно представленных на поверхности высказывания языковых единиц и их семантико-смысловых связей в рамках целостной структуры. Часть содержания (иногда даже большая часть) при разных способах непрямого выражения принадлежит к сфере подразумеваемого, имплицитного. Эти универсальные закономерности в организации содержания языковых образований являются проявлением того, что содержание формируется в сознании адресата всегда на фоне взаимодействия конкретного речевого высказывания с соседствующими в потоке речи, т.е. с вербальным окружением, контекстом и речевой ситуацией, т.е. прагматическим (внеязыковым) контекстом.

В результате применения имплицитных стратегий авторизации автор напрямую не называет себя, но индуцирует свое присутствие через антропонимические и эгоцентрические языковые средства, включаемые в состав текстовых высказываний. В этой связи Т. Штайнхоф справедливо указывает на то, что автореферентные стратегии (*verfasserreferentielle*

Strategien) и авторизация в целом являются необходимой принадлежностью научной речи (domänentypisch), причем, существенная часть авторизирующих смыслов при этом оказывается эксплицитно невыраженной [Steinhoff 2007: 31].

Под средствами имплицитной эгореферентности мы будем понимать, во-первых, вслед за С. Т. Нефёдовым, «грамматические группировки лексики, номинативно задействованной на отражении в структуре своего лексико-семантического значения референциальных связей с автором научного сообщения в контексте ситуации познания» [Нефедов 2013: 53]. А, во-вторых, к имплицитно-авторереферентным мы будем относить грамматические формы и структуры, которые в силу присущей им потенциальной обращенности к автору и / или адресату, индуцируют в контекстах научного сообщения присутствие коммуникантов. В целом же под авторизацией в широком смысле мы будем понимать проявление любой субъективности, границы которой могут быть установлены дискурсивно и прагматически. Благодаря такому подходу в научном тексте могут быть обнаружены предельно скрытые, дискурсивно-авторереферентные средства, посредством которых говорящий / пишущий позиционирует себя в качестве автора научного текста и принимает на себя различные роли действующего словом субъекта.

3.2 МЕХАНИЗМЫ ИМПЛИЦИТНОЙ ЭГОРЕФЕРЕНТНОСТИ

Некоторые элементы текстового содержания, обозначаемые несубстанциональной лексикой, могут индуцировать при взаимодействии с контекстом дополнительные авторизирующие смыслы. При этом контекст берет на себя роль магнита, который, взаимодействуя с ними, может вызывать в сознании реципиента «присутствие» и автора.

Маркеры скрытой авторизации представляют собой различные типы языковых средств, которые могут выражать не только субъективно-

оценочное отношение автора-исследователя к сообщаемому знанию, лично к адресату и к процессу научной аргументации в целом, но и выстроенные самим автором логические связи между элементами текстового формулирования, строго организованную структуру текста, фокусирование на конкретных идеях и т.д.

Следует подчеркнуть, что лексика с несубстанциональным грамматическим статусом системно не изучалась в лингвистике на предмет её участия в авторизации научного текста. На этот счет имеются фрагментарные упоминания об использовании, главным образом, модальных компонентов оценки достоверности сообщаемого, субъективно-оценочных лексем и некоторых глаголов пропозициональной установки с семантикой мнения / веры и эмоционально-личного отношения типа «полагать» («glauben», «believe») или «беспокоиться» («furchten», «to have the worry»). Здесь следует упомянуть прежде всего работы профессора Гонконгского университета К. Хайланда.

К. Хайланд выделяет три основных типа языковых маркеров, благодаря которым актуализируется в тексте авторское присутствие (writer stances) [Hyland 2009: 74-78]. Основная функция этих типов языковых маркеров состоит, по К. Хайланду, в том, чтобы управлять процессом коммуникативного взаимодействия со своим адресатом. Адресат научного текста, выступающий потенциальным оппонентом, является представителем соответствующего профессионального сообщества (discourse community). В его экспертной оценке автор-исследователь особо заинтересован и использует весь доступный арсенал языковых средств, чтобы склонить на свою сторону. Некоторые типы таких средств, актуализирующих скрытое авторское присутствие, кратко обсуждаются в монографии К. Хайланда.

Первая группа языковых средств, выделяемая К. Хайландом, объединяет хеджированные или «подстраховочные» языковые выражения (hedges), которые призваны снизить категоричность авторских утверждений относительно исследуемого объекта и благодаря этому уменьшить

критическую реакцию возможных адресатов. В указанной работе в качестве примеров таких средств приводятся модальное слово «possible» и модальные глаголы «may» и «could» [Hyland 2009: 75].

Вторую группу формируют маркеры «отношения» автора (attitude markers), образующие категорию субъективно-личностных маркеров авторского присутствия. Эта группа состоит из оценочных лексем и модальных частей комплексных высказываний. Данные языковые единицы служат для эксплицитного представления авторских рациональных и субъективно-модальных оценок относительно сообщаемого знания потенциальному реципиенту (extraordinary, remarkable, interesting, The worry I have about и др.) [Hyland 2009: 76].

В третью группу входят актуализаторы / усилители уверенности (booster), позволяющие автору выразить свою убежденность в том, о чем он пишет / говорит, и обозначить свою вовлеченность в изучаемую проблему. Усилители чрезвычайно важны для коммуникации, потому что они работают как на автора-исследователя, так и одновременно на потенциального адресата, поэтому являются адресантно- и адресато-ориентированными языковыми выражениями. Функционально актуализаторы подобны подстраховочным языковым выражениям первой выделенной К. Хайландом группы, т.е. «хенджинговым структурам», так как позволяют установить обратную связь с реципиентом, а также спрогнозировать его возможную критику и спланировать другие ответные реакции. В качестве примеров исследователь приводит опять-таки модальные слова и модальные глаголы в эпистемическом употреблении: «of course», «definitely», «should» [Hyland 2009: 75].

Таким образом, К. Хайланд выделил типы языковых средств, которые указывают не только на «присутствие» автора, но и одновременно обращены к адресату. К сожалению, К. Хайланд не формулирует четкую функциональную разницу между первой и третьей группами. Представляется, что языковые средства обеих выделенных групп

задействованы в выражении эпистемической оценки достоверности научного сообщения с точки зрения автора и их отдельное рассмотрение вряд ли целесообразно. Кроме того, в данной типологии отсутствуют многие языковые средства, которые играют не менее важную роль в процессах скрытой авторизации научного текста, а также в ней недостаточно подчеркивается важность контекста, который является определяющим для средств, задействованных в реализации механизмов формирования скрытых авторизирующих текстовых высказываний. По этой причине в данной главе диссертации предпринята попытка системного рассмотрения имплицитно-авторизирующих средств, индуцирующих незримое «присутствие» автора-исследователя.

Попадая в определенный контекст научного сообщения, языковые средства, обладающие особым лексико-номинативным, грамматическим, диалогическим и эгореферентным потенциалом, актуализируют скрытое «присутствие» автора в научных текстах. Характеризуя имплицитную авторизацию научного текста в общем и целом, можно говорить о трех основных имплицитных механизмах формирования авторизирующих смыслов:

- I. Контекстная актуализация «присутствия» автора **на основе семы антропонимичности** (семы «человек»), которая входит в семантическую структуру предикатов речемыслительной, сугубо человеческой деятельности (когнитивов) и образованных от них абстрактных существительных и которая в контекстах научного сообщения связывается адресатом с автором этого сообщения. В эту же группу входят также лексические единицы, которые в опоре на свою эгоцентрическую категориальную грамматическую семантику функционально сопряжены с интеллектуальной, волевой и эмоционально-оценочной сферой говорящего-автора научного текста и указывают на его активную оценочную в широком смысле, мыслительную, организующе-структурирующую и т.д. деятельность в процессе создания научного текста.

- II. Контекстная актуализация «присутствия» автора **в опоре на потенциальную диалогичность** грамматических форм и конструкций, наследующих при употреблении в научном тексте ингерентно присущий им в «канонических» ситуациях общения диалогизм непосредственного контакта между говорящим и адресатом.
- III. Контекстная актуализация «присутствия» автора **на основе намеренного нарушения семантического согласования** между неодушевленным грамматическим субъектом и антропонимическим предикатом высказывания.

Указанные типы контекстной актуализации автора как источники разных имплицитных механизмов формирования авторизирующих высказываний в контекстах научного сообщения позволяют установить частотность применения разных типов имплицитной авторизации в корпусе изученных лингвистических текстов.

Из общего количества проанализированных текстовых предикаций в 66956 единиц (90 научных статей / 43286 предикаций и 5 монографий / 23670 предикаций) предикации, имеющие в своем составе имплицитные средства авторизации, составляют 59270 единиц (38925 в статьях и 20345 в монографиях) Распределение имплицитных средств авторизации по способам их языкового маркирования может быть представлено графически следующим образом:

Таблица № 4

	Способы языкового маркирования имплицитного «присутствия» автора в научном тексте	
	<u>Монографии</u> 20345 предикации	<u>Статьи</u> 38925 предикации
I. Контекстная актуализация автора на основе семы антропонимичности		
1) Антропонимические предикаты речемыслительной деятельности	3045 / 15 %	5650 / 14,5 %

2) Абстрактные существительные	2156 / 10,6 %	3300 / 8,5 %
3) Модально-эпистемические компоненты	1760 / 8,7 %	3240 / 8,3 %
4) Модальные глаголы в эпистемической функции	2610 / 12,8 %	4190 / 10,8 %
5) Рационально-оценочные лексемы	1550 / 7,6 %	2324 / 6 %
6) Реляционные коннекторно-связующие единицы текста	4307 / 21,7 %	7536 / 19,4 %
7) Авторская метафора	115 / 0 %	290 / 0 %
ВСЕГО	15543 / 76,4 %	26530 / 68,6 %
II. Контекстная актуализация «присутствия» автора в опоре на потенциальную диалогичность и модальность высказывания		
1) Интеррогативные формы высказываний	908 / 4,5 %	2090 / 5,7 %
2) Императивные формы высказываний	2223 / 10,9 %	5235 / 13,4 %
3) Конструкции с конъюнктивом	980 / 4,8 %	1950 / 5 %
ВСЕГО	4111 / 20,2 %	9275 / 23,82 %
III. Контекстная актуализация «присутствия» автора на основе намеренного нарушения семантического согласования		
ВСЕГО	691 / 3,4 %	3120 / 8 %

Рассмотрим каждый из способов языкового маркирования имплицитного «присутствия» автора в научном тексте по отдельности.

3.3 КОНТЕКСТНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ АВТОРА НА ОСНОВЕ СЕМЫ АНТРОПОНИМИЧНОСТИ ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИХ СЛОВ

В научном тексте вербализуются все этапы речемыслительной деятельности автора-исследователя как активно мыслящего субъекта, который в опоре на «старое» знание продуцирует новое знание. При этом в процессе вербализации он руководствуется определенными рутинизированными в научном сообществе стратегиями, схемами, планами и выбирает подходящие языковые средства, через выбор которых позиционирует себя в определенных ролях: познающего субъекта; субъекта, интерпретирующего логические связи между элементами текстового содержания; субъекта-аранжировщика, фокусирующегося на определенных элементах информации и т.д.

В рамках когнитивно-коммуникативного подхода к языку вербализуемая в научных текстах речемыслительная деятельность рассматривается как языковая основа для изучения ментального пространства ученого-исследователя, репрезентирующего полученные им новые знания об изучаемом объекте в результате осуществления стандартных научно-познавательных операций. Для когнитивно-коммуникативного подхода к языку можно выделить речемыслительную деятельность как модель для изучения ментального пространства ученого-исследователя, репрезентирующего полученные им новые знания об изучаемом объекте в результате осуществления стандартных научно-познавательных операций.

Особую важность для изучения специфики научно-познавательной деятельности ученого-исследователя «через язык» представляют эгореферентные элементы речи/текстов, которые позволяют интерпретировать и моделировать поведение конкретных исследователей в типичных для научной коммуникации ситуациях, таких как формулирование

гипотез, планирование последующих действий, цитирование других представителей профессионального сообщества и т.д. Поскольку, как указывалось выше, все эгореферентные средства отсылают к интеллектуальной, волевой или эмоциональной сфере автора научного текста, то они одновременно маркируют и его «присутствие» в акте коммуникации.

Актуализация автореферентности на базе семы антропонимичности в контекстах научного сообщения особенно очевидна при употреблении предикатов речи и мысли, образованных от них абстрактных существительных, а также при использовании устойчивых глагольно-именных сочетаний с включением существительных указанного типа.

3.3.1 АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРЕДИКАТЫ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Важным источником выражения ментальной сферы человека в языке являются когнитивы, или предикаты речи и мысли. Доля предикатов речемыслительной деятельности среди других имплицитных средств авторизации в процентном выражении составляет в монографиях 15 %, в научных статьях – 14,5 %. В лексико-семантическом отношении такого рода предикаты обозначают типичные ментальные операции научной деятельности.

Анализируя семантику таких языковых единиц, В. Г. Гак подчеркивал, что в словах ментального поля «все идет от действительности через мысль в язык, и все от языка возвращается через мысль в действительность» [Гак 1993: 22]. Мысль – это связующее звено между языком и действительностью.

Как показало проведенное исследование, в научном тексте наибольшей употребительностью обладают антропонимические когнитивы, обозначающие различные мыслительные операции, из следующих семантических групп:

<i>Предикаты восприятия и размышления</i>	nachvollziehen/воспринимать, meinen/понимать, wahrnehmen/воспринимать, betrachten/ рассматривать, annehmen/предполагать, überlegen/размышлять, auffassen/воспринимать, implizieren/подразумевать, denken/думать, interpretieren/ интерпретировать, vorstellen/представлять, verstehen/понимать;
<i>Предикаты выявления нового знания</i>	untersuchen/изучать, erforschen/исследовать
<i>Предикаты приложения умственных усилий</i>	versuchen/пытаться, sich bemühen/стараться;
<i>Предикаты указания на ментальные объекты</i>	weiterführen/приводить дальше, aufgreifen/ продолжать, zeigen/указывать, heranziehen/приводить к чему-л., folgen/следовать, verweisen/указывать, führen/вести;
<i>Предикаты доказательства</i>	beweisen/доказывать, bestätigen/доказывать, bescheinigen/подтверждать, belegen/подтверждать, erweisen/доказывать, begründen/обосновывать, (sich)behaupten/ утверждать;
<i>Предикаты объяснения, аргументирования, анализа</i>	argumentieren/аргументировать, erklären/объяснять behandeln/анализировать, markieren/маркировать, veranschaulichen/объяснять, zuordnen/соотносить, auflisten/перечислять, einordnen/классифицировать, auseinandersetzen/ излагать, analysieren/анализировать, konstatieren/констатировать, vergleichen/сравнивать, darstellen/представлять, präsentieren/предоставлять, feststellen/определять, illustrieren/иллюстрировать;
<i>Предикаты оценки достоверности</i>	bewerten/оценивать, auswerten/оценивать, schätzen/оценивать, anzweifeln/сомневаться;
<i>Предикаты</i>	festhalten/фиксировать, offenbaren/выявлять,

фиксации знания	erkennen/обнаруживать, erwähnen/упоминать, fokussieren/фокусировать, formulieren/формулировать;
Предикаты акцентирования мыслительных процессов	betonen/подчеркивать, auszeichnen/выделять, beachten/принимать во внимание, präzisieren/уточнять, anweisen/отмечать, berücksichtigen/учитывать, beschränken/ограничивать;
Предикаты знания	glauben/верить, kennen/знать, wissen/знать;
Предикаты подведения итога	zusammenfassen/подводить итог, auswerten/ подытоживать;
Предикаты определения знания	nennen/называть, bestimmen/определять, beschreiben/описывать, benennen/называть, zeichnen/обозначать.

Так, в рассматриваемых ниже примерах [36], [37], [38], [39] в типичной для научной коммуникации пассивной конструкции употреблены предикаты мысли «auswerten/ verstehen/ beschreiben/ zuordnen/ behandeln», которые содержат сему «человек» в своей семантической структуре. Кроме того, дополнительным доказательством скрытой авторизации могут служить модализация текстовых высказываний посредством модальных глаголов (können, müssen и др.) и употребление грамматической конструкции с модальной семантикой (sein + zu + Infinitiv), являющихся в контекстах научной аргументации маркерами эпистемической модальности, отсылающей к точке зрения автора и рациональной оценке достоверности утверждаемого.

[36] Dafür **muss** es Hinweise auf Textualität geben, die im Moment der Lektüre **ausgewertet** und **verstanden werden**. (Hausendorf, 322) → *Ich (=der Autor) weiss, dass es notwendig ist, Hinweise auf Textualität auszuwerten und zu verstehen.*

[37] Die Gestalt von graphematischen Reduktionssilben, die der Vollsilbe folgen, **kann** noch genauer **beschrieben werden** (Bücking, 263) → *Ich*

(=*der Autor*) *weiss, dass es möglich ist*, die Gestalt von graphematischen Reduktionssilben zu beschreiben.

Модализация ограничивает утвердительность/ассертивность высказывания в том смысле, что истинность утверждаемого дается не как действительное, в котором уверен говорящий, а как только возможное, необходимое, целесообразное. Р. Дитрих в этой связи говорит об «ограниченной уверенности знаний говорящего или пишущего» (eingeschränkte Gewissheit) [Dietrich 1992: 37].

Рассматривая механизмы модализации текстовых высказываний, Р. Айзенберг отмечает, что при модализации происходит переход реального в возможное или необходимое, то есть утверждение становится относительным, соотнесенным и зависимым от определенных условий, объективных и субъективных факторов. [Eisenberg 2013: 86]. Таким образом перспектива научного изложения меняется с обобщенной на авторизованную. К. Элих называет модализацию в её разных типах проявления своего рода «второй структурой, особой решеткой, которая накладывается на ассертивную структуру» (eine Art zweite Struktur, eine Art Gitter) [Ehlich 1993: 26].

При рассмотрении утверждаемого в определенном модусе автор использует предикаты «auswerten», «verstehen» и «beschreiben» в грамматическом соединении с модальными глаголами для комментирования научно-мыслительных операций с точки зрения уверенности müssen [36] и допускаемой возможности können [37].

В ряде контекстов модальный глагол «können», а также модальная конструкция «sein + zu+ Infinitiv» используются для смягчения категоричности авторских утверждений: автор научного текста лишь пытается представить свои размышления читателю как альтернативное мнение, одну из возможностей, не навязывая свою собственную позицию.

[38] Dabei **kann** <tz> als Affrikatenschreibung **gesehen werden** und *ist* damit anders **zu behandeln**. (Fuhrhop,189) → *Ich* (=der Autor) *weiss, dass es*

möglich ist, das zu sehen und behandeln.

Во всех выше названных примерах автор выступает в роли познающего субъекта, который рассуждает о целесообразности и значимости своих исследований.

При бессубъектном стиле изложения, создаваемом при помощи пассивной конструкции с модальным глаголом и предикатом мысли, может иметь место имплицитное указание не только на одного автора, но и на все научное сообщество в целом, таким образом автор становится частью коллективного научно-познавательного процесса.

[39] Morphologisch **wurden** sie wenig **analysiert** (Fobbe, 220). Трансформация позволяет понять, что отсылка идет к лингвистическому сообществу → Morphologisch wurden sie wenig **von den Linguisten** analysiert.

Для маркирования завершенности тех или иных научно-познавательных действий, а также для подчеркивания их результативности характерно использование предикатов-когнитивов в форме пассива со значением результативности. Автор выступает в роли субъекта-аранжировщика, который распределяет материал в тексте научного сообщения в определенном порядке. Как показало наше исследование, данная грамматическая структура характерна для текстовых фрагментов определенной коммуникативно-смысловой направленности, в частности, для внутритекстовых отсылок (см. ниже пример [40]) к вышеобозначенным или ранее названным научным идеям и результатам:

[40] In (17h) **sind** Fußnotenzeichen **erwähnt** (Knobloch, 524). → **Ich** (=der Autor) **habe** das früher **erwähnt**.

Когда автор совершает операцию внутритекстового указания, он проявляет себя как автор-аранжировщик текста, который постоянно контролирует его развертывание и думает об адресате, чтобы текст был понятен и логичен для него. Как отмечается в специальной литературе, главное назначение внутритекстовых отсылок заключается в экспликации отношений между частями текста с целью облегчить адресату понимание

внутренней организации тематико-семантического содержания научного текста [Нефедов 2015: 117].

Обсуждаемые грамматические структуры с предикатами речемыслительной деятельности частотны также в текстовых фрагментах, в которых автор формулирует промежуточные и основные выводы к научному тексту:

[41] Diese **sind** in einer Tabelle (S. 11) **zusammengefasst** (Meinborn, 86).

В данном примере также содержится авторское указание на внутреннюю структуру текущего текста, на наличие обобщающей таблицы. При этом автор выступает здесь одновременно в двух ролях: в роли «аранжировщика» своего текста и в роли исследователя-аналитика, обобщающего полученные результаты.

В контекстах научного сообщения предикаты-когнитивы обозначают нередко результат авторской квалификации сути того или иного лингвистического явления и входят в текстовые структуры аргументации и текущих обоснований собственных наблюдений над эмпирическим материалом; например:

[42] Sie **sind** phonologisch **markiert**, weil sie mehrere betonbare Silben enthalten (Steiner, 114).

[43] Dass WV2 **stets fokussiert sind**, ist aufgrund der prosodischen Desintegration selbstverständlich und bedarf keiner weiteren Erklärung (Graf, 62).

Таким образом, в содержательном ядре лексического значения когнитивов всегда есть сема лица, которая при взаимодействии с контекстом научного сообщения актуализирует «присутствие» автора. Благодаря этому анализ семантики когнитивов позволяет выделить разные виды ментальных операций, осуществляемых автором-исследователем по ходу вербализации процесса получения новых сведений об объекте и их доказательства, а также увидеть, какие роли берет на себя автор.

В приведенных выше высказываниях соответствующее речемыслительное действие представляется как целенаправленное и

контролируемое со стороны субъекта. В контексте научного сообщения сема «человек» у предикатов речемыслительной деятельности специфицируется, а сугубо антропонимическое ментальное действие, обозначаемое ими, связывается с автором-исследователем.

3.3.2 АБСТРАКТНЫЕ ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СЕМАНТИКОЙ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Высокой частотностью в тексте научного сообщения обладают абстрактные существительные, образованные от глаголов речемыслительной и научно-познавательной деятельности. Доля абстрактных существительных от всех имплицитных форм эгореференции составила в монографиях 10,6 %, в научных статьях - 8,5 %. Разница объясняется большей повторяемостью одних и тех же понятий на протяжении всей монографии в отличие от небольших по объему статей.

Абстрактные существительные, как известно, относят в теоретической грамматике к периферии поля существительных, так как грамматическое значение предметности у них не совпадает с лексическим значением предметности [Эйхбаум 1996: 61]. По своей лексической семантике такие существительные обозначают антропонимические действия и процессы, которые обычно совершаются в рамках научного изучения объектов. В научном тексте значительная часть абстрактных существительных имплицитно реферируют через обозначаемые ими научно-познавательные операции к самому автору-исследователю.

Выявленные в ходе анализа отглагольные существительные можно разделить на три основные семантические группы:

- 1) *Существительные с семантикой постановки задачи* (Fragestellung/постановка вопроса, Aufgabe/задание, Problem/проблема, Hypothese/гипотеза и т.д.),
- 2) *Существительные с семантикой решения задачи* (Lösung/решение,

Diskussion/дискуссия, (Herleitungs)versuch/попытка и т.д.),

3) *Существительные с семантикой развертывания мысли* (Darstellung/представление, Analyse/анализ, Fundierung/основание, Durchführung/проведение, Einblick/взгляд, Bestimmung/определение, Beschreibung/описание, Einordnung/классификация, Auflistung/перечисление, Behauptung/утверждение, Interpretation/интерпретация, Untersuchung/исследование, Begründung/обоснование, Verwendung/употребление и т.д.).

Такие абстрактные существительные, наравне с другими средствами, выступают как актуализаторы скрытой авторизации на базе семы антропонимичности. Автор выступает в этом случае в роли субъекта познания и интерпретатора, который для достижения научных результатов совершает определенные когнитивные операции. Рассмотрим пример [44]:

[44] **Zur Durchführung** der Gesamtstudie wurde ein Textkorpus auf der Grundlage von vier Textsorten zusammengestellt (Steiner, 214).

Для большей наглядности актуализации скрытого авторизованного смысла следует провести трансформацию: *Zur Durchführung* → **ich** (= *der Autor*) **habe** die Gesamtstudie **durchgeführt**, nachdem ich einen Textkorpus auf der Grundlage von vier Textsorten zusammengestellt hatte. Таким образом, предложно-субстантивная конструкция «*Zur Durchführung* der Gesamtstudie» является свернутым обозначением второго события и может быть развернута до предложения «*ich* (= *der Autor*) **hat** die Gesamtstudie **durchgeführt**».

[45] **Diese Interpretation passt** gut zu dem Apostroph, es ist gewissermaßen eine Flexion der gesamten Nominalgruppe, die Flexion ist übergreifender und nicht auf ein Wort beschränkt. (Fix, 345) → *Wenn ich* (= *der Autor*) einen Apostroph so **interpretiere**, dann ist es gut.

[46] Im Fazit von § 3 ist das zentrale destruktive Ergebnis der vorliegenden **Untersuchung** bereits zusammengefasst (Turgay, 49). → **Ich** (= *der Autor*) **habe** das Objekt **untersucht**, und im Fazit von § 3 ist das zentrale destruktive Ergebnis bereits zusammengefasst.

Подводя промежуточный итог, следует подчеркнуть, что абстрактные

существительные в научном тексте несут основную смысловую нагрузку. Это обусловлено номинативным характером научного стиля изложения, стремящегося к конденсированному представлению научной информации. Использование девербативов, образованных от предикатов речемыслительной деятельности, позволяет автору научного текста скрыто обозначить свое «присутствие» в контекстах научной аргументации.

Ту же имплицитно-авторизующую функцию несут на себе обсуждаемые абстрактные существительные в составе глагольно-именных сочетаний.

Антропонимическая семантика глагольно-именных сочетаний также позволяет интерпретировать их как проекции авторской научно-исследовательской активности в структуру текста.

Как пишут Х. Файльке и Т. Штайнхоф, глагольно-именные сочетания (Nomen-Verb-Kollokationen) указывают на авторскую научную компетенцию, поскольку в них индицируются специальные понятия, а также реализуются языковые и когнитивные операции автора [Feilke/Steinhoff 2003:115].

Глагольно-именные сочетания являются сигналами имплицитной авторизации, так как в них входят отглагольные существительные антропонимической семантики, актуализирующие то или иное научно-познавательное действие автора. Кроме того, эти конструкции выполняют текстоорганизующую функцию и структурируют научный текст как последовательность коммуникативно-смысловых блоков, соответствующих научно-познавательным действиям автора.

О текстообразующей функции глагольно-именных словосочетаний с включением абстрактных существительных с семантикой речемыслительной деятельности следует говорить постольку, поскольку они «привязаны» и регулярно употребляются в определенных коммуникативно-смысловых сегментах научного текста. Если говорить, например, о макроструктурном членении научной лингвистической статьи, то определенные идиоматичные глагольно-именные словосочетания маркируют те или иные её

макроструктурные части.

Х. Олденбург выделяет три наиболее важные функционально-смысловые единицы журнальной научной статьи: введение (Einleitung), дискуссия, или основная часть, (Diskussion) и заключение (Zusammenfassung), которые образуют целостную и связанную структуру текста [Oldenburg: 63]. Хотя блоки формально и содержательно отличаются друг от друга, но целиком они образуют завершённую структуру статьи.

Поскольку презентацию научных результатов в научной лингвистической статье и монографии невозможно представить без предварительной ориентации читателя в содержании текста, то здесь глагольно-именные сочетания могут служить средством маркирования таких коммуникативно-прагматических интенций автора, как формулировка проблемы, постановка цели, задач и методов исследования, выдвижение гипотезы. Во введении автор позиционирует себя как «разработчик», который планирует и даёт краткую вводную характеристику. Для указанных коммуникативно-смысловых блоков научного текста характерны глагольно-именные сочетания постановки цели:

[47] Dabei kann man vor allem **der Frage nachgehen**, wie sich der Erwerb des Kasus in der Präpositionalphrase vollzieht. (Turgay, 24) → **Ich** (der Autor) **wähle** hiermit aus mehreren potenziell möglichen Alternativen die Problematik X und stelle sie zur Diskussion.

Такие устойчивые выражения «установочных шагов» автора являются самыми частотными, потому что они подчеркивают основную задачу автора - найти ответ на поставленный научный вопрос. Подобное значение имеют глагольно-именные сочетания, при помощи которых автор формулирует проблему исследования:

[48] Mit dem vorliegenden Themenheft **soll ein Anstoß gegeben werden**, dieses Konzept der Textualität **in die Diskussion** der Verknüpfung linguistischer Fragestellungen (zurück) **zu bringen**. (Hausendorf, 321) → **Ich** (der Autor)

diskutiere im Folgenden das genannte Problem X und betrachte dies als Anregung zu einer weiteren Diskussion.

В основной части научного текста вербализуется большое число научно-мыслительных процедур, таких как определение понятий, характеристика объекта изучения, описание этапов исследования, аргументация, объяснение нового материала и т.д. В этой части автор выступает прежде всего в роли аргументирующего субъекта. При помощи глагольно-именных сочетаний автор может направить внимание реципиента, например, на формальное представление результатов при помощи схем, таблиц:

[49] Anstatt die Gleichartigkeit der KG mit Phänomenen theoretisch **zum Ausdruck zu bringen**, würde eine Analyse über eine komplexe syntaktische Konstruktion ja suggerieren, dass die KG ein Phänomen ganz anderer Art ist. (Jacobs, 494) → *ich (der Autor) könnte das ausdrücken.*

В научном тексте понятиям не только даются дефиниции, но и предлагается объяснение. Благодаря аргументации в научном тексте автор может убедить читателя в истинности суждений. Отглагольные существительные антропонимической семантики актуализируют как раз данное научно-познавательное действие автора.

[50] ... Marker, wobei auch formale Erwägungen **in Betracht gezogen wurden**, werden berücksichtigt. (Mortelmans, 207) → **Ich** (der Autor) **betrachte** auch formale Erwägungen.

Благодаря этому автор вносит ясность в свое исследование, раскрывает свою точку зрения.

Без коммуникативно-смыслового блока «заклучение» невозможно представить научной текст. Обобщение и выводы могут быть введены в текст при помощи устойчивых глагольно-именных сочетаний, отглагольное существительное при этом отсылает к самому автору-исследователю.

[51] Berücksichtigt man zusätzlich die Identität von Reflexivpronomen und Intensifikator nicht nur im Englischen, sondern auch in vielen weiteren Sprachen,

so **kommt** man zu **dem Schluss...** (Leiss, 243) → **Ich** (der Autor) **verallgemeinere**, dass...

[52] Auch dieser Beitrag **führt zu der Schlussfolgerung**, dass Ausnahmen kein besonderer Status innerhalb eines Grammatik-Modells eingeräumt werden sollte. (Vogel, 232) → **Ich** (der Autor) schlussfolgere, dass Ausnahmen kein besonderer Status eingeräumt werden sollte.

Данные глагольно-именные сочетания позволяют «резюмировать результаты исследования в объективной и безличной форме» [Steinhoff 2007: 268].

Таким образом, устойчивые глагольно-именные словосочетания с включением отглагольных существительных антропонимической семантики формируют идиоматику научной речи и одновременно являются сигналами макроструктурных / коммуникативно-смысловых частей научного текста.

В каждой коммуникативно-смысловой части научного текста вербализуются фрагменты деятельности ученого с типичными коммуникативными действиями. Глагольно-именные сочетания определенной семантики «привязаны» к определенной коммуникативно-смысловой части. Они называют определенные научно-познавательные операции и, тем самым, позволяют структурировать текст. Благодаря текстоструктурирующей функции глагольно-именные формы функционируют, таким образом, как сигналы смены производимых автором-исследователем научно-познавательных процедур: от определения используемых в работе терминов и понятий к аргументации выдвигаемых научных положений, а далее к выводам по результатам рассмотрения научного объекта. Последовательность коммуникативно-смысловых блоков соответствует вербализуемым научно-познавательным действиям автора. Они не только называют мыслительные операции, но и реферируют к участникам научной коммуникации. При этом имплицитное указание при помощи глагольно-именных форм чаще всего ориентировано на говорящего.

Каждый из текстовых фрагментов с глагольно-именными сочетаниями,

через которые вербализуются типичные для этой коммуникативно-смысловой части научно-познавательной деятельности, а через них скрытая отнесенность этих действий к автору-исследователю, выступающему в данной роли, позволяет выделить определенные роли автора: 1) введение - разрабатывающий субъект, 2) основная часть – аргументирующий субъект, 3) выводы – обобщающий субъект.

Актуализация автора в контексте научного текста может также происходить в опоре на эгоцентрическую категориальную семантику классов слов.

3.3.3 МОДАЛЬНО-ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ

Эгореферентная категориальная семантика проявляется в так называемых «недескриптивных» (модусных) языковых элементах. «Недескриптивные» слова представляют собой своего рода проекцию многообразных обстоятельств общения в речевую ткань высказывания. Являясь контекстно-обусловленными и зависимыми от коммуникативной ситуации, они отражают внешнюю по отношению к языку, изменчивую ситуацию общения в неразрывной связи с ведущим антропоцентром коммуникации – говорящим.

Как пишут Н. Д. Арутюнова и Е. В. Падучева, «изучение таких недескриптивных слов (логических связок, модальных частиц и оценочных предикатов, перформативов и глаголов пропозиционального отношения) переключило внимание логиков и философов с пропозиции на субъективную часть высказывания, связывающую его с личностью говорящего» [Арутюнова, Падучева 1985: 6-7].

Среди наиболее важных недескриптивных языковых элементов, имеющих эгореферентную категориальную семантику, следует выделить прежде всего следующие их классы, которые типичны для научных текстов: модально-эпистемические компоненты, рационально-оценочные лексемы и коннекторно-связующие слова. Доля модально-эпистемических

компонентов, в монографиях и научных статьях оказалась относительно равной и составила 8,7 % для монографий и 8,3 % для научных статей.

По мнению Дж. Лайонза, в большинстве языков эпистемическая субъективная модальность «диахронически предшествует объективной модальности и что она гораздо чаще грамматикализуется и лексикализуется в разных языках» [Лайонз 2003: 350-351].

Модально-эпистемические компоненты соотнесены с интеллектуальной сферой автора научного текста и выражают его эпистемическую оценку достоверности утверждений, содержащихся в текстовых высказываниях. Само понятие «эпистемический» происходит от греч. *episteme* – знание [Жеребило 2010: 468]. Эпистемически нагруженные единицы языка позволяют автору представить разную степень своей оценки достоверности утверждений и, тем самым, скрыто обозначить свое «присутствие». Как пишет С. Т. Нефёдов, модально-эпистемические компоненты являются «языковыми проекциями когнитивных установок знания / мнения говорящего в речевую ткань текста» и результатом самоанализа его собственных внутренних состояний в связи с событиями внешнего мира, актуализируемыми в его сознании по ходу текущего дискурса [Нефедов 2008: 74-76].

Рациональная модально-эпистемическая оценка ученого-исследователя осуществляется в желании осмыслить научный процесс, поэтому автор как носитель пропозициональных установок выражает результаты анализа при помощи модально-эпистемических компонентов.

В «эпистемической ситуации», о которой шла речь в первой главе диссертации, маркируется комплекс существенных признаков познавательной деятельности самого субъекта, как на это указывает Е. А. Баженова [Баженова 2009: 27]. Модально-эпистемические компоненты обозначают не объективные признаки, а субъективно-модальную оценку происходящего, становясь «эго-проекциями» автора в структуру научного текста [Нефедов 2013: 53]. В грамматике Г. Хельбига и Й. Буша указывается,

что такие компоненты являются отражением позиции автора (Einstellung, Stellungnahme) [Helbig/Buscha 2001: 432]. Т. Штайнхоф называет их «операторами позиции автора» «Einstellungsoperatoren», с помощью которых субъект научного текста маркирует степень владения передаваемой информацией [Steinhoff 2007: 251].

С грамматической точки зрения модально-эпистемические компоненты представляют собой свернутое обозначение авторизованной субъектно-предикатной линии, благодаря чему поддерживается формальная бессубъектность научного изложения, но сохраняется имплицитивная содержательная соотнесенность с субъектом речи / автором научного текста.

При помощи трансформации свернутое обозначение эпистемического модуса знания/мнения через модально-эпистемические слова может быть развернуто в эксплицитно авторизованную структуру. При этом автор выступает в роли субъекта, оценивающего достоверность сказанного:

[53] Dieses Phänomen lässt sich **vermutlich** durch gegenläufige Tendenzen erklären. (Bülow, 294). → **Wie ich** (=der Autor) **vermute**, lässt sich dieses Phänomen durch gegenläufige Tendenzen erklären.

В данном примере модально-эпистемический компонент «*vermutlich*» можно трансформировать в полную предикативную структуру (предикацию) «*wie ich vermute*».

[54] Diese Analyse muss **natürlich** unabhängig von der Untersuchung einzelner Paradigmen stattfinden. (Meinunger, 225). → **Ich** (=der Autor) **weiß bestimmt**, dass diese Analyse unabhängig von der Untersuchung einzelner Paradigmen stattfinden muss.

Свернутое обозначение эпистемического компонента «*natürlich*» может быть развернуто, как это видно из трансформации, в полноценную предикацию с грамматическим субъектом и предикатом «*ich weiß bestimmt, dass P*».

Выявленные в ходе анализа лингвистических текстов модально-эпистемические компоненты научного текста могут быть разделены, в опоре

на классификацию модальных слов Г. Хельбига и Й. Буша [Helbig/Buscha 2001: 435], на следующие типы.

1 . Индикаторы уверенности (Gewissheitsindikatoren): natürlich/ конечно, sicherlich/разумеется, fraglos/бесспорно, bestimmt/точно, offensichtlich/ явно, offenbar/ очевидно, ohne Zweifel/без сомнения, selbstverständlich/ конечно, zweifellos/несомненно;

В количественном отношении эта группа самая многочисленная.

[55] Graphematische Reduktionssilben zu Beginn eines graphematischen Wortes sind **natürlich** nicht auf Präfixe (also morphologische und reihenbildende Elemente) beschränkt, aber **offenbar** finden sie sich nur hier systematisch und in größerer Anzahl. (Ramers, 105). → *Ich (=der Autor) **bin sicher**, dass graphematische Reduktionssilben zu Beginn eines graphematischen Wortes nicht auf Präfixe (also morphologische und reihenbildende Elemente) beschränkt sind.*

[56] Die Tatsache dieser signifikanten Sichtbarkeit führt **sicherlich** dazu, dass das Wort zwar nicht explizit diskutiert wird. (Meiler, 52) → *Das weiß ich (=der Autor) **bestimmt**, dass diese Tatsache dieser signifikanten Sichtbarkeit dazu führt, dass das Wort zwar nicht explizit diskutiert wird.*

[57] *Blumenkohlauf* ist **ohne Zweifel** ein mögliches Kompositum im heutigen Deutsch. (Meinunger, 218). → *Ich (=der Autor) **zweifle nicht**, ich (=der Autor) **bin sicher**, dass ‘Blumenkohlauf’ ein mögliches Kompositum im heutigen Deutsch ist.*

[58] Dass WV2 stets fokussiert sind, ist aufgrund der prosodischen Desintegration **selbstverständlich** und bedarf keiner weiteren Erklärung. (Reis, S.227). → *Ich (=der Autor) **halte es für selbstverständlich**, dass WV2 aufgrund der prosodischen Desintegration fokussiert sind*

Благодаря высокой степени уверенности, выраженной в приведенных примерах, подчеркивается то, что автор полностью отвечает за свои слова, не сомневаясь в их истинности. Данные модально-эпистемические компоненты, как показало исследование, представлены при экспликации разных научно-мыслительных операций.

2. Индикаторы предположения (Hypothesenindikatoren):

vermutlich/предположительно, wahrscheinlich/возможно, möglicherweise/пожалуй, (dank)möglich/вероятно, gewissermaßen/ некоторым образом;

[59] **Generell kann festgehalten werden**, dass von allen fehlerhaften Kasusmarkierungen bei den deutschsprachigen Kindern 82,6 Prozent und bei den Kindern mit Migrationshintergrund 73 Prozent darauf zurückgehen, dass **vermutlich** der Akkusativ auf den Dativ übergeneralisiert wird (Jacobs, 497). → *Ich (= der Autor) vermute, dass der Akkusativ auf den Dativ übergeneralisiert wird...*

[60] **Möglicherweise mag** dieser Gebrauch auf Grund seiner Redundanz zurückgehen. (Dürscheid, 7). → *Ich (= der Autor) nehme an, dass dieser Gebrauch auf Grund seiner Redundanz zurückgehen mag.*

[61] In der linguistischen Theoriebildung hat es aber **wahrscheinlich** einen **kaum** zu überschätzenden Einfluss. (Agel, 405). → *Ich (= der Autor) bin nicht sicher, dass es einen zu überschätzenden Einfluss in der linguistischen Theoriebildung hat.*

Индикаторы предположения, как показывают примеры, в тексте редко встречаются одни и вступают во взаимодействие с другими средствами модальности. Они могут быть связаны со средней степенью уверенности автора в своей правоте, как в примере [59], при употреблении модального глагола «können» в главной части сложноподчиненного предложения.

Неуверенность также проявляется в лексико-семантическом плане. Автор использует слова, отображающие его сомнения или очень низкую степень уверенности, чтобы избежать ошибки при приведении каких-либо фактов. Часто это подчеркивается модальными глаголами, как в примере [60] «mögen» (для выражения сомнений в предположении), а также наречием «kaum» (для выражения крайне малой степени уверенности), пример [61].

3. Индикаторы дистанцированности для передачи информации со ссылкой на других авторов (Distanzindikatoren) angeblich/якобы, vorgeblich/так называемый;

[62] Divjak meint (2009: 266f.) zu dem Ergebnis zu kommen, dass imperfektiver Aspekt – **vorgeblich** gegen die These von Abraham – im Russischen Deontik impliziere, während Perfektivaspekt dynamische Kontexte bevorzugt. (Abraham S. 58). → *Ich (= der Autor) persönlich sage das nicht / ich gebe die Meinung des anderen Forschers wieder, und zwar die von Divijak, dass imperfektiver Aspekt im Russischen Deontik impliziert.*

С помощью модально-эпистемического компонента «vorgeblich» автор дистанцируется от слов Дивьяка, таким образом подстраховывая себя от критики научного сообщества.

Таким образом, модусные или модально-эпистемические компоненты, передающие субъективную авторскую модальность, участвуют в формировании модальной рамки научного сообщения. Семантически свернутая форма интенциональности позволяет выразить автору свое отношение имплицитно.

Подобные субъективно-модальные компоненты дают дополнительную информацию о характере знания, содержащегося в суждении, оценивая степень его достоверности / истинности с точки зрения автора, актуализируя его «присутствие». Таким образом, можно говорить, что рассмотренные языковые средства модальности по определению эгореферентны и «прикреплены» к субъекту речи.

3.3.4 МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ

Модальные глаголы в эпистемическом значении играют очень важную роль в научном тексте, поэтому встречаются в научном тексте достаточно часто. Как показало исследование, высказывания с включением модальных глаголов в эпистемическом значении составляют в монографиях 12,8 %, в научных статьях по лингвистике – 10,8 % от общего количества выявленных имплицитно-авторереферентных предикаций.

Модальные глаголы и конструкции с модальным значением

(können/мочь, dürfen/иметь право, sollen/быть вынужденным, müssen/быть должным) выражают модальность возможности/необходимости, а тем самым, и мнение автора научного текста по поводу достоверности сообщаемого.

[63] Dabei **können** nicht alle Probleme der Wortartentheorie **angesprochen**, geschweige denn **gelöst werden**. (Henning, 113) → *Ich (= der Autor) halte es für möglich, nicht aber für absolut sicher, dass alle Probleme der Wortartentheorie angesprochen werden.*

[64] Die daraus abzuleitenden Wortartenhypothesen **sollen** dann im Anschluss mit dem empirischen Material **abgeglichen werden**. (Thielmann, 57) → *Ich (= der Autor) halte es für notwendig, dass Wortartenhypothesen im Anschluss mit dem empirischen Material abgeglichen werden sollen.*

Частотное употребление модальных глаголов в научном тексте наблюдается в конструкциях с пассивом, как в примерах (61), (62). Пассивные конструкции представляют собой типичные средства бессубъектного изложения, однако в сочетании с модальными глаголами в них актуализируется скрытая авторизация.

В количественном отношении употребление пассивных конструкций с модальными глаголами выше, чем косвенно-эксплицитных форм авторизации, где модальный глагол используется с неопределенно-личным местоимением «man». Это можно объяснить с той точки зрения, что для научного текста характерно объектно-ориентированное изложение, при котором все внимание акцентируется на объекте исследования.

Таким образом, модализация представляет собой смену точки зрения, ракурса научного изложения. При этом происходит смена генерализированной, отвлеченно-обобщенной перспективы научного изложения на авторизованную, привязанную к познающему субъекту.

3.3.5 РАЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ЛЕКСЕМЫ

Имплицитно-авторизующими маркерами выступают в контекстах научного сообщения и рационально-оценочные лексемы. В процентном отношении высказывания с рационально-оценочными лексемами составляют в научных монографиях 7,6 %, в научных статьях – 6 % от общего количества имплицитно-авторереферентных высказываний.

Оценка представляет собой не только результат логической операции, но и обладает прагматическим значением в определенной речевой ситуации [Арутюнова 1988: 5]. Опираясь на работы Н. Д. Арутюновой, под оценочным высказыванием понимается такое высказывание, которое устанавливает абсолютную или сравнительную ценность какого-то объекта. Оценка отображает субъективное отношение индивида к явлениям окружающей действительности, при этом, не выделяя объективные характеристики [Арутюнова 1999: 3]. Интерпретация оценки зависит от норм, принятых в обществе.

В лингвистическом плане оценка всегда включает также субъективный фактор, который взаимодействует с объективным. Оценочное высказывание отражает ценностное отношение между субъектом и объектом, даже если субъект прямо не выражен [Вольф 1985: 24–33].

В научном тексте имплицитная референция к субъекту речемыслительной деятельности происходит здесь за счет актуализации рациональной оценки выдвигаемых или существующих теоретических положений, планируемых в исследовании действий, результатов анализа эмпирического материала и т.д., которые при восприятии научного текста естественным образом связываются с фигурой самого автора.

Е. М. Вольф, опираясь на Н. Д. Арутюнову, выделяет несколько видов рациональной оценки, связанной с практической деятельностью человека:

1) утилитарные оценки (речь идет о прагматических характеристиках свойств и значимости знания человека); 2) нормативные оценки (такая оценка устанавливает связь с нормой, с одобрением или осуждением явлений); 3) телеологические оценки (значимость достижения цели) (такого рода оценки актуализируют значимость достижения цели) [Вольф 2006: 27].

В лингвистическом плане анализ оценки опирается на понимание субъективного и объективного аспекта значений высказываний в их соотношении. Что касается научных статей и монографий по лингвистике, наиболее частотными модусами рациональной оценки выступают при этом оценка сообщаемого по следующим параметрам:

Важность/неважность	<i>(un)wichtig/(не)важный, bedeutend/значимый, (un)wesentlich/(не)существенный, essenziell/существенный, (ir)relevant/(не)релевантный, plausibel/убедительный, nützlich/пригодный, (un)angemessen/(не)соответствующий, entsprechend/соответствующий</i>
----------------------------	---

[65] Der Unterschied ist subtil, aber **wichtig**: die englische Verbalphrase beinhaltet die eigentliche Deutung der Situation. (Thielmann, 119). → *Ich (= der Autor) halte diesen Unterschied für wichtig, dass* die englische Verbalphrase die eigentliche Deutung der Situation beinhaltet.

[66] Auch um diesem Umstand abzuhelfen, **ist es wichtig zu erforschen**, was denn dieses Wort ausmacht. (Wiegand, 330) → *ich (= der Autor) verstehe ganz genau, wie es wichtig ist*, was denn dieses Wort ausmacht, zu forschen.

[67] Abstrakte Schemata, die höchststufige Ebene, die für die gegebene Diskussion **relevant ist**, z.B. die Transitive Konstruktion. (Diewald, 449) → *ich (= der Autor) halte abstrakte Schemata für relevant*.

Необходимость	<i>(denk)notwendig/необходимый, nötig/нужный, erforderlich/требуемый;</i>
----------------------	---

[68] Die entsprechenden Phänomene sind also im Rahmen der menschlichen Sprachfähigkeit als **denknotwendig zu betrachten**. (Fraas, 113). → *Ich (= der Autor) halte es für notwendig* die entsprechenden Phänomene zu betrachten.

Возможность	möglich/возможный, eventuell/ вероятный potenziell/потенциальный, zulässig/допустимый;
--------------------	--

[69] Eine solche Sichtweise macht erst erklärbar, wieso angesichts der konstatierten Interpretationsvarianz eine Verständigung in einer realistischen Zeit überhaupt **möglich** ist. (Döling, 166) → *Ich (der Autor) halte es für möglich eine Verständigung in einer realistischen Zeit*.

[70] Dies bedeutet nicht, dass eine andere Satzstellung Rezeptionsprobleme bereitet, eine Zuordnung der Konstituenten kann jedoch eventuell nicht so schnell vonstatten gehen. (Turgay, 105) → *Ich (der Autor) halte es nicht für offensichtlich, dass eine Zuordnung der Konstituenten so schnell vonstatten geht*.

Оба примера [69], [70] доказывают, что при трансформации становится понятным, что оценку дает сам автор научного текста.

Эмоциональности	leider / к сожалению, glücklicherweise / к счастью, interessanterweise / с интересом
------------------------	---

[71] Sie sind (**glücklicherweise**) nicht sehr häufig und erscheinen meist in der Form von Links auf externe Nachrufe. (Thomas Gloning/Gerd Fritz, 233) → *Wir (=beide Autoren) sind glücklich, dass sie nicht sehr häufig sind*.

[72] Eine vergleichbare Inhaltsübersicht fehlt **leider** für Lexicographica, das internationale Jahrbuch für Lexikographie. (Müller, 311) → *Es tut mir (= dem Autor) leid, dass eine vergleichbare Inhaltsübersicht für Lexicographica fehlt*.

Индикаторы эмоциональности, как в примерах [71] и [72], не свойственны научной речи, однако авторы используют данные модально-эмоциональные компоненты для выражения своего субъективно-личного отношения к описываемому объекту исследования, скрывая свое активное присутствие за

бессубъектным стилем.

Таким образом, автор научного текста – особый тип языковой личности, который предпочитает разумность, точность, целесообразность. Рациональной оценке чаще всего, естественно, подвергаются объект научного исследования (факты, процессы) и продукт научной деятельности (идеи, теории, гипотезы). Оценка дает возможность получить более рельефное представление о научном исследовании с позиции автора научного текста.

3.3.6 РЕЛЯЦИОННЫЕ КОННЕКТОРНО-СВЯЗУЮЩИЕ ЕДИНИЦЫ ТЕКСТА

Маркерами скрытой эгореферентности следует рассматривать реляционные единицы, или коннекторы, которые обладают метадискурсивной функцией организации и логического структурирования текстовой информации. При помощи коннекторов автор научного текста, выступая в роли «аранжировщика», устанавливает логические смысловые связи между отдельными пропозициями и отраженными в них предметными ситуациями.

В количественном отношении реляционные коннекторно-связующие единицы текста встречаются гораздо чаще, чем другие способы имплицитной эгореферентности. Доля высказываний с коннекторами в монографиях составила 21,7 %, в научных статьях – 19,4 % от общего количества выявленных имплицитно-автореперентных предикаций.

Коннекторы выступают как знаки субъективного отношения, которые способны показать, как пишет М. В. Ляпон, «вторжение «я» в структуру текста» [Ляпон 1986: 18]. Несмотря на разнородность коннекторов с точки зрения их морфологической формы и структуры, можно говорить об их функциональной общности. Наиболее общая риторико-дискурсивная стратегия релятивов состоит в том, что они помогают расставлять

семантические связки и фиксировать речемыслительный процесс обработки предметных связей, обнаруживаемых в научном объекте, самим субъектом.

Коннекторно-связующие слова выполняют в научном тексте разнообразные функции.

1. Они берут на себя текстоорганизующую функцию и маркируют развертывание фактологической ситуации в рамках текста; например, такие коннекторы, как *danach/zatem*, *weiter/далее*, *einerseits/c одной стороны*, *andererseits/c другой стороны*, *erstens/во-первых*, *zweitens/во-вторых*, *drittens/в-третьих*, *zuerst/вначале*, *zuvor/прежде*, *danach/после этого*, *dann/zatem*, *später/позднее*, *oben/выше*, *unter/ниже*, *letztlich/в конце*);

Благодаря данным коннекторам обеспечивается не только поступательное движение, но и логическое следование информационного потока. Логическая последовательность в изложении научной информации выступает как одно из главных конвенционализированных требований в научной коммуникации и как типичная черта доминирующего здесь аргументативного дискурса.

[73] Nonverbale Bestandteile von Grußformen lassen sich **weiter** nach Verhaltenskanälen differenzieren, etwa nach Gestik, Mimik, Blickkontakt und Taktilität. (Scharloth, 105)

Благодаря данному коннектору, как в примере [73] выраженному наречием, говорящий разделяет поток информации в тексте на отдельные фрагменты. Акцентуация порядка следования фактов осуществляется, естественно, самим ученым.

[74] **Letztlich** handelt es sich hier um die bekannte Dreiteilung fachlicher Sprachen in Wissenschaft, Technik und Institutionen unter Ergänzung von Sprachen im Handwerk. (Roelcke, 158)

«Letztlich» - последний из ряда текстовых разделителей, который подчеркивает завершенность мысли говорящего. Конкретная информация, поступающая от автора, сообщает о сигнале завершения ряда композиционных этапов, как это показано в примере [74]. К этой группе

релятивов можно добавить также частные случаи маркирования логической последовательности изложения.

Во-первых, приращение имплицитного авторизирующего смысла происходит при вводе реляционной формулы «einerseits» - «andererseits». Структурирование текстовой информации подается, как в примере [75] на фоне сопоставления.

[75] Die Aufgabe besteht also darin, Konstruktionen der gesprochenen Sprache von solchen der geschriebenen **einerseits** und von reinen Performanzphänomänen **andererseits** abzugrenzen. (Schneider, 167)

Во-вторых, организация текстовой информации осуществляется при помощи вводных слов, указывающих на последовательность излагаемых мыслей и связь между собой («erstens», «zweitens», «drittens»).

[76] Wie systematisch können Grammatiken natürlicher Sprachen überhaupt sein, wenn man einmal in Betracht zieht, dass Sprachen **erstens** sich beständig weiterentwickeln, und **zweitens** diese Entwicklung das Resultat der nicht abgestimmten Praxis einer Sprachgemeinschaft ist? (Vogel, 231) → ***Ich** (= der Autor) **erkläre und gebe Gründe, warum Grammatiken natürlicher Sprachen systematisch sein können.***

«Schließlich» занимает последнее место в этой цепочке, который несет функцию подведения итога.

[77] **Schließlich** versucht die Pragmalinguistik auch, zur Behebung von Kommunikationsstörungen beizutragen. (Lehmann, 496) → ***Ich** (= der Autor) **schließe damit, dass die Pragmalinguistik auch, zur Behebung von Kommunikationsstörungen beizutragen versucht.***

2. Коннекторы научного текста часто включены в контексты комментирования, аргументации, уточнения, обозначения причины (*auch/takже, noch einmal/еще раз, allerdings/тем не менее*):

[78] An dieser Stelle ist **noch einmal** wichtig zu betonen: Der Chat als Ganzes ist eine Kommunikationsform, keine kommunikative Gattung. (Dürscheid, 3) → ***Ich** (= der Autor) **präzisiere und wiederhole, dass der Chat als Ganzes eine***

Kommunikationsform, keine kommunikative Gattung ist.

[79] **Auch** bezüglich Genus weichen Eigennamen vom Normalfall ab. (Nübling, 307) → **ich** (= der Autor) **präzisiere, dass** Eigennamen vom Normalfall abweichen.

Данные релятивы организуют процесс связывания и соотнесения фактов между собой. Речь идет об индикаторах, которые в английской традиции получили название «topic indicators». Прагматическая специфика данной реляционной области объясняется интенцией автора сделать поправку, внести ясность и отметить некоторые особенности, аргументировать свою позицию и уточнить данные.

Кроме того, к этой группе можно отнести релятивы, выражающие альтернативную точку зрения или даже оппозицию в речемыслительной деятельности автора. Чаще всего оговорка носит характер частичного согласия или даже простого уточнения. Как пишет С. Т. Нефёдов, коммуникативно-речевая ситуация с включением высказываний с релятивом «aber» может заключаться в том, что говорящий уточняет и отчасти корректирует чужое или свое собственное утверждение [Нефёдов 1991: 143]. В таких случаях можно говорить о том, что субъект речи допускает недостаточную информированность читателя относительно предмета речи, поэтому стремится выразить мысль яснее, например:

[80] Hilfe können dabei **aber auch** verschiedene illokutive Indikatoren leisten. (Habscheid, 32) → **ich** (= der Autor) **will noch betonen, dass** Hilfe dabei *verschiedene illokutive Indikatoren leisten können.*

Однако такое частичное согласие может имплицировать и полное несогласие [Булыгина, Шмелев 1997: 310].

[81] In sozialen (Klein-)Systemen bestehen **aber** für diese Interpunktion immer mehrere Möglichkeiten (die alle objektiv gesehen falsch sind, weil sie notwendigerweise kausale Zuschreibungen vornehmen). (Gansel, 61) → **Ich** (= der Autor) **weiss doch, dass es** in sozialen (Klein-)Systemen *mehrere Möglichkeiten bestehen.*

Альтернатива, осложненная метафункцией, по М. В. Ляпон, предполагает намеренное «раздвоение» изучаемого объекта с целью сопоставления различных потенциальных точек зрения на него. На выражении альтернативности специализирован в немецком языке союз «oder»:

[82] Zur Qualitätsmessung von Zeitschriften wird häufig der sogenannte *Im- pact Factor* (IF) **oder** genauer *Journal Impact Factor* (JIF) des ISI herangezogen, der sich aus der Anzahl der Zitationen im Verhältnis zu den zitierbaren Artikeln einer Zeitschrift ergibt. (Ylönen, 12) → *Ich präzisiere, dass es genauer Journal Impact Factor genannt wird.*

Данные релятивы необходимы в научной коммуникации для введения в аргументацию порождающего и сопутствующего факторов, для довода, обоснования, подтверждения и доказательства на фоне альтернативного рассмотрения одного объекта с разных точек зрения.

3. Весьма частотны в научном тексте также и «авторские логические маркеры» с функцией выделения, уточнения (*vor allem/прежде всего, übrigens/кстати, insbesondere/особенно, zum Beispiel/например*) и т.д.

Неожиданно появляющиеся новые идеи в ходе мыслительной деятельности автора находят свое отражение в научной коммуникации в виде релятивных маркеров, выраженных вводными словами или наречиями, такими как «dazu», «außerdem», «dabei» и т.д.

[83] Es ist **übrigens** kein Fehler, daß manche Sprachhandlungsverben in mehreren Klassen und Unterklassen vorkommen können; dies ist die gleiche Polysemie des Gebrauchs von Prädikatsausdrücken wie bei mehreren Valenzen eines Verblexems. (Steiner, 73) → *ich (= der Autor) muss das auch betonen, dass es kein fehler ist.*

Релятив «übrigens» является самым частотным в этой группе коннекторных слов. Он используется в том случае, если есть необходимость включить добавление к основному потоку информации, либо отступить от основной линии коммуникативной программы того высказывания, в рамках

которого он употребляется. Как указывает М. В. Ляпон, «присоединяемая часть не мотивируется предтекстом» [Ляпон 1986: 54].

М. Эгберт также подчеркивает, что предложения с «*übrigens*» имеют цель неожиданного отступления от основной темы высказывания, в результате на время происходит смещение акцента на другую тему [Egbert 2002: 17].

Общее утверждение в научном тексте должно быть подкреплено конкретными примерами, что позволяет яснее уловить ход мысли автора и четко оценить его аргументации. Благодаря таким примерам научный текст становится более понятным и простым для понимания. В этом случае можно выделить следующие виды коннекторов, которые реализуют данную прагматическую функцию.

Такие метатекстовые присоединители, как «*d.h.*», «*das bedeutet*», «*z. B.*», «*nämlich*», «*und zwar*», «*also*», имеют также функцию выделения. В этом случае через определение или иллюстративный материал происходит конкретизация понятия, например:

[84] Die anscheinend selbstverständliche Verwendung legt nahe, dass diese beiden Bezeichnungen schon in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts gebräuchlich waren und deren Verwendung nicht kommentiert oder sonst wie (**z. B.** durch Anführungszeichen) als unüblich gekennzeichnet werden musste. (Elmiger, 68) → *Ich (= der Autor) konkretisiere, dass...*

Аналогичную функцию присоединения и уточнения могут иметь следующие релятивные единицы: «*also*», «*nämlich*», «*und zwar*», например:

[85] Man kann **nämlich** einerseits jedes durchlaufende Thema auch als Hyperthema verstehen bzw. andererseits Texte mit einem Hyperthema oft so umformen, dass ein durchlaufendes Thema entsteht. (Gross, 16)

[86] Das Fehlen des Korrelats stellt **also** in den meisten Fällen keine große Verschädniserschwernis dar. (Kaiser, 192)

Метаязыковая функция связана также с релятивной единицей «*d.h.*», которая имеет толковательную функцию, т.е. пояснение закодированной в

предтексте информации, которую автор пытается разъяснить своему целевому адресату.

[87] Ein wichtiger Teil dessen, was in dieser Interpretationsphase erschlossen wird, ist dabei der propositionale (oder wahrheitskonditionale) Gehalt der betreffenden Äußerung, **d.h.** jene konzeptuelle Struktur, auf die letztlich auch das Interesse der modelltheoretischen Semantiker gerichtet ist. (Dölling, 167)

Подводя итог, следует отметить, что в релятивах одновременно проявляется рационально-логическая оценка автором связей между предикациями текста и субъективно-модальное отношение к обозначаемому как особый ракурс их интерпретации.

Сам по себе выбор того или иного коннектора является результатом авторской оценки и квалификации отношений между событиями, влияющими не только на процесс их представления по ходу текстового развертывания, но и на восприятие адресатом. Релятивы обладают ярко выраженной дискурсивной функцией, обеспечивают логическую последовательность изложения, четкость структуры, а также отражают позицию говорящего по отношению к высказыванию.

3.3.7 АВТОРСКАЯ МЕТАФОРА

Скрытое указание на автора научного текста проявляется благодаря экспрессивно-окрашенным метафорическим лексическим единицам, которые нетипичны в рамках научного текста. В монографиях и научных статьях доля метафор составляет меньше 1 % от общего количества средств имплицитной авторизации. Их содержательная «аномальность» при восприятии автоматически запускает процесс поиска источника необычного словесного выражения. В монографиях и научных статьях доля метафор составляет меньше 1 %. Их содержательная «аномальность» при восприятии автоматически запускает процесс поиска источника необычного словесного выражения.

Как никакое другое средство языка в организации ассоциативного поля слова метафора является отражением неразрывной связи между имплицитным и эксплицитным знанием. Е. В. Падучева утверждает, что «в метафорическом выражении все его смысловые компоненты, т.е. активизированные инференции, связанные с главным предикатом, неассертивны, они и после выпадения главных компонентов остаются в составе метафорически употребленного предиката, в статусе инференций, т.е. неоднозначных, неопределенных и необязательных ассоциаций» [Падучева 2004 б: 171-172].

[88] Sie sind nur **Symptom** davon, ob Einheiten syntaktisch **interpretierbar** sind und als solche selbstständigen syntaktischen Wörter sind oder nicht. (Liendemann, 225)

[89] Bei vielen Verbformen führt dies **zu einer „Verletzung“** der Silbenstruktur, sie kann aber immer morphologisch begründet werden. (Giovanni, 396)

Благодаря использованию данных метафор «Symptom» (симптом), «Verletzung» (повреждение) в сознании читателя создаются яркие образы, которые лучше запоминаются, к тому же понимание научного текста происходит легче за счет использования лексики из бытового регистра речи.

А. А. Масленникова называет это «интенциональным скрытым смыслом». Речь идет о факторе намеренного подразумевания, который позволяет говорящему увеличить объем передаваемой в сообщении информации.

[90] Einige Unterschiede **liegen auf der Hand**. (Krogh, 396)

В данном примере [90] речь идет об идиоматическом выражении «auf der Hand» / быть очевидным, которое было использовано автором для подчеркивания очевидности различий.

[91] Der Genitiv kann bei komplexen Eigennamen sowohl **am Kern** als auch **am rechten Rand** markiert werden, vgl. *die Sprache Walthers von der Vogelweide* gegenüber *die Sprache Walther von der Vogelweides*. (Klaus, 205)

В примере [91] речь идет о метафорическом употреблении лексем Kern и Rand («центр» и «край») применительно к лингвистическим единицам.

Таким образом, несмотря на обезличенный отвлечённый характер научного изложения, авторские метафоры встречаются в тексте научного сообщения. Необычное метафорическое употребление языковых единиц в контексте научного сообщения автоматически актуализирует в сознании реципиента источник выразительности при текстовом формулировании, т.е. присутствие самого автора. Поэтому авторскую метафору можно отнести к средствам, имеющим имплицитную эгореферентность. Автор намеренно вводит их для эффективного воздействия на адресата.

3.4 КОНТЕКСТНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ АВТОРА В ОПОРЕ НА ПОТЕНЦИЛЬНУЮ ДИАЛОГИЧНОСТЬ И МОДАЛЬНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ И КОНСТРУКЦИЙ

Второй механизм формирования скрытой авторизации заключается в контекстной актуализации автора в опоре на диалогичность и модальность грамматических форм и конструкций, указывающих на говорящего и потенциального адресата. Особыми формами имплицитного маркирования авторского присутствия являются в научном тексте неассертивные формы текстовых высказываний (интеррогативные и императивные), которые на фоне доминирования утвердительных высказываний диалогизируют общение и, благодаря этому, сигнализируют о присутствии автора текста и его адресата.

Несмотря на то, что диалогичность открыто выражена непосредственно в диалоге как в форме речи, она часто проявляется и в монологическом тексте. Как пишет М. Н. Кожина, «языковое общение в принципе диалогично, более того, диалогичность – это форма существования языка в речи» [Кожина 1986: 11]. При этом отношение между говорящим/пишущим и реальным/потенциальным адресатом определяет диалогичность любой

коммуникативно-речевой деятельности, включая письменные научные тексты.

Научные тексты внутренне диалогичны, потому что лишь благодаря успешной коммуникации между автором и читателем в тех или иных условиях коммуникативно-речевой ситуации налаживается обмен новыми знаниями. В целом можно сказать, что аргументативный процесс в научном тексте разворачивается как персуазивная (убеждающая) аргументация [Breitkopf 2005; Steinhoff 2007]. Поэтому присутствие автора-исследователя и его потенциального адресата как представителя научного сообщества с прагматической точки зрения оказывается неустранимым.

Несмотря на внешнюю бессубъектность текстового формулирования и скрытую авторизацию научного текста, диалогический характер коммуникации проявляется при употреблении целого ряда грамматических форм высказываний, первичной сферой функционирования которых является диалогическое общение.

Для того, чтобы аргументировать свою точку зрения и убедить в правильности рассуждений, автор научного текста часто актуализирует контакт с подразумеваемым получателем научного сообщения при помощи императивных и интеррогативных высказываний, о которых дальше пойдет речь.

3.4.1 ИНТЕРРОГАТИВНЫЕ ФОРМЫ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Интеррогативность является нетипичной для контекстов научного сообщения. Высказывания в форме прямых вопросов используются в научном тексте крайне редко из-за социально укоренившихся стандартов общения в науке, где принято в первую очередь предлагать решения и ответы на интересующие научные вопросы, а не запрашивать информацию.

Достаточно низкая частотность данных структур (4,5 % в монографиях, 5,7 % в научных статьях от общего количества имплицитно-автореферентных предикаций), повышает их прагматический потенциал, который используется для поддержания научной дискуссии и контроля над постоянным вниманием адресата. При отсутствии личного контакта с партнером по общению автор всё равно ориентируется на модель адресата, сложившуюся в его представлениях.

С. Т. Нефёдов подчеркивает, что «в ассертивной «среде» научного текста вопросы как типичные элементы диалогического дискурса в форме синтаксически самостоятельных предложений продолжают индуцировать «диалогическую акциональность», хотя и претерпевают коммуникативную трансформацию» [Нефедов 2015: 11]. Такие структуры «тянут» за собой шлейф диалогического общения и присутствия коммуникантов.

Весьма часто появление прямых вопросов в тексте научного сообщения создает эффект неожиданности, который стимулирует коммуникативное напряжение в ожиданиях адресата ответа на поставленную проблему. Данные языковые сигналы коммуникативного напряжения поэтому помогают автору сфокусировать внимание адресата на определенной обсуждаемой проблеме.

[92] **Die Ausgangsfrage** dieses Beitrags lautet: **Finden wir Gemeinsamkeiten** zwischen Nominalphrasen und Sätzen im Deutschen, die im Rahmen eines *topologischen Feldermodells* beschreibbar sind? (Ramers, 95)

[93] Das Thema "Semantik und Lexikographie" ist umfangreich und vielschichtig. Dies wird eindringlich deutlich, wenn man versucht, **folgende Frage** zu beantworten: **Wie groß ist die Zahl der Wörterbuchtypen**, zu denen Wörterbücher gehören, in denen die lexikographische Bearbeitung der Bedeutung lexikalischer Ausdrücke eines der zentralen lexikographischen Anliegen darstellt? (Niehr, 146)

Приведенные примеры [92], [93], представляя собой не истинный вопрос, так как он не запрашивает информацию, а лишь экспрессивное утверждение. Вопросы открывают «горизонт» последующих рассуждений автора и одновременно имплицитно включают его в организацию аргументативного процесса, которому он придает при помощи вопроса новое направление. Благодаря такому приему автор организует внимание читателя с первых строк, погружая в новые линии своей аргументации.

Кроме того, с помощью вопросительных высказываний автор может структурировать текст, т.е. переходить от одного блока рассуждений к новому, делая отсылки к другим исследователям:

[94] **Wie kann** eine solche Erklärung im Rahmen einer Kopula-Analyse des Zustandspassivs aussehen? Einen interessanten Vorschlag bietet Kratzer (1994, 2000). (Müller, 24)

Помимо прямых вопросов в научной коммуникации важную роль играют косвенные вопросы:

[95] **Die Frage**, die hier im Wesentlichen gestellt wird, ist, **ob der Apostroph zum graphematischen Wort dazu gehört oder nicht**. (Fuhrhop, 215)

[96] Damit **stellt sich die Frage**, wo die Wortgrenzen liegen, wiederum: Die Interpretation Teubers ist eine syntaktisch-morphologische; das *s* der Nominalgruppe kann als syntaktisches Element interpretiert werden. (Pittner, 56)

Таким образом, интеррогативность – один из механизмов скрытой авторизации, основанный на потенциальной диалогичности, при которой актуализируется как автор, так и потенциальный адресат. Другим способом имплицитной авторизации являются императивные конструкции.

3.4.2 ИМПЕРАТИВНЫЕ ФОРМЫ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Эксплицитно-императивные высказывания в научных статьях и монографиях выполняют важные функции, которые отражают нормы ведения научной коммуникации

Достаточно высокая частотность среди имплицитных средств авторизации императивов в обследованном эмпирическом материале научных текстов (10,9 % в монографиях, 13, 4 % в научных статьях) объясняется включением в анализ как прямых, так и скрытых императивов. Императивные формы высказываний являются эффективным средством имплицитного маркирования авторского присутствия и диалогических отношений с адресатом.

Как известно из функциональной грамматики, формы императива – центр функционально-семантического поля побуждения. Показатели императивности в научном тексте актуализируют контакт автора научного текста с его потенциальным читателем из числа представителей научного сообщества, т.е. можно сказать, что актуализируется присутствие обоих участников коммуникации. Основными семантико-синтаксическими типами императивов в научном тексте являются следующие: Vgl.-императивы; S./Siehe-императивы; Man-императивы с конъюнктивом.

Императивы, включающие личное местоимение 1-ого лица мн. числа с инклюзивным «wir» как механизм косвенно-эксплицитной авторизации не учитываются в данной главе.

Указанные три типа императивных структур имеют разную частотность, которая мотивирована особенностью функционирования каждого из типов в тексте научного сообщения. Наиболее частотными среди побудительных в широком смысле, имплицитно-авторизующих средств оказались в обследованном текстовом материале vgl.-императивы и s./siehe-императивы.

С коммуникативно-прагматической точки зрения автор вводит vgl-

императивы при отсылочных и интертекстуальных указаниях:

[97] Wissenschaftliche Fachwortschätze werden im Zuge internationaler Forschung und Kommunikation vor allem durch den englischsprachigen Fachwortschatz erweitert (**vgl.** Roelcke 2010, S. 56). (Niehr, 145)

[98] Fragen gewissen Typs bilden, **vgl. (7)**, was diesen *prima facie* Konstituentenstatus und dem RV2 Einbettungsstatus zuweist. (Reis, 227). → ***Ich (=der Autor) schlage vor, mit Roelcke oder mit dem Beispiel (7) zu vergleichn.***

При этом структура императивного высказывания состоит из графически сокращенной формы глагола «vergleichen» во 2-ом лице ед. числа императива «Vergleiche!» и библиографической отсылки, как в примере [97] или номера примера из текста, как в примере [98].

Помимо основной функции **vgl.**-императивы могут выполнять функцию присоединения авторской аргументации к имеющимся уже исследованиям, как в примере [99], или указывать на новую информацию, предоставив дополнительные её источники:

[99] **Vgl.** hierzu die Formulierungen und Literaturangaben im Handbuchartikel von Els Oksaar. (Steiner, 180)

S./siehe- императивы выполняют те же функции с коммуникативно-прагматической точки зрения, однако по своей частотности сильно уступают первому типу и применяются всегда в адресато-ориентированной функции, преимущественно как внутритекстовые указания:

[100] Graphematisch unterscheiden sich die Fälle insofern, als *be* für sich kein graphematisches Wort sein sollte, **s. Abschnitt 3.3.** (Fraas, 115)

[101] Der Zusammenhang zum phonologischen Wort **scheint indirekt zu sein**; Verbindungen mit einer bestimmten morphologischen und syntaktischen (77) Struktur **werden auf eine bestimmte Weise betont (s. Beispiel (6)).** (Kath, 44)

[102] Es ist unstrittig, dass WV2-Satzgefüge folgende formale Eigenschaften haben: (i) Sie sind parataktisch gefügt, also syntaktisch desintegriert (**s. auch A&S, S. 12.**) (Nübling, 309)

Императивными по содержанию, но не по форме являются

конструкции с модальным инфинитивом необходимости/ возможности sein+zu+Inf, причастные конструкции zu+Partizip I, модальная конструкция scheinen+zu, высказывания с лексемами, имеющими в своей структуре модальные суффиксы/полусуффиксы -bar-, -lich-, -abel-, -fähig-.

Конструкции с модальным инфинитивом представляют различного рода мыслительные операции, которые благодаря антропонимическим глагольным лексемам в контексте научной коммуникации связываются с автором.

[103] Bei verschiedenen Schriftsystemen **sind** unterschiedliche Begriffe von graphematischen Wörtern **zu erwarten**. (Henning, 245)

[104] **Dies ist folgendermaßen zu begründen**: Kerne von Nominalgruppen werden großgeschrieben. (Rohrstein, 367)

Кроме того, в контексте научного сообщения значение инфинитивов указывает на когнитивные процессы и ментальные действия, совершаемые самим автором.

[105] Für die **scheinbaren** Widersprüche **ist es** nun entscheidend, die konkrete Kombinatorik im heutigen Deutsch **zu betrachten**. (Lobin, 72)

Что касается модальных словообразовательных средств, то суффикс «-bar» является в научных текстах самым частотным среди всех суффиксов с модальным значением. Показательно, что прилагательные со словообразовательным суффиксом «-bar-» образованы от когнитивов речи и мысли с семой антропонимичности.

[106] **Denkbar** wäre auch, eine der beiden Verwendungen, am besten die im Natürlichkeitstheoretischen Sinn semantisch unmarkierte, also das APP, mit Null zu markieren, dem in etwa nhd. Koch vs. Frau / Herr Koch nahekäme. (Nübling, 27) → **Ich** (=der Autor) kann mir auch denken, dass...

[107] Für die Wörter nicht flektierbarer Wortarten **ist** das Kriterium schlechtweg nicht **anwendbar**. (Fuhrhop, 191). → **Ich** (=der Autor) kann dieses Kriterium nicht anwenden.

Модальный глагол «lassen sich» со значением возможности /

допустимости встречается реже всего в контекстах научного сообщения.

[108] Mit dem morphologischen und dem syntaktischen Prinzip **lassen sich** die Möglichkeiten, die es in der Getrennt- und Zusammenschreibung gibt, recht gut **erfassen**. (Schneider, 175) → Es ist möglich für mich (=der Autor) das zu erfassen.

[109] Ergänzend **lässt sich darauf verweisen**, dass RV2-Konstruktionen elliptische Antworten auf Fragen gewissen Typs bilden. (Schleef, 23) → **Ich** (=der Autor) kann darauf **verweisen**, dass RV2-Konstruktionen elliptische Antworten auf Fragen gewissen Typs bilden.

Таким образом, модальные глаголы и синонимичные модальные конструкции отражают степень научного познания, на которой стоит автор. Они дополняют его характеристику как языковой личности, которая в соответствии со своими знаниями строит предположения, выдвигает гипотезы и утверждает.

Адресато-ориентированную функцию имеет и самый редкий тип императива – MAN-императив в форме конъюнктива. Для современного немецкого языка эта форма конъюнктива является устаревшей, и использование его сохраняется только в определенных типах текста, например, в научном тексте, о чем свидетельствуют приводимые ниже фрагменты из лингвистических работ. Побуждение выражается при этом не категоричной форме, а носит характер предложения или пожелания:

[110] **Man beachte** aber, dass (jedenfalls in Beispielen wie den bisher betrachteten) der Output der beiden Analyseverfahren der gleiche ist: Beide generieren z.B. Phrasen wie einen spannenden Kriminalroman kaufen in (Ia) oder das Handtuch werfen in (Ic). (Jacobs, 496)

[111] **Man vergleiche** (44), wo *mora da* Skopus über das Anteriorität bezeichnende Verb mit dem *l*-Suffix hat. (Abraham, 49)

Для императива, как показывает пример, свойственна обращенность адресанта к адресату. Благодаря этому свойству процесс научной аргументации диалогизируется и становится более успешным.

Таким образом, императивы по своей иллокутивной направленности выполняют в научном тексте функцию указания, совета. Благодаря содержательной специфике императивов в научном тексте, которую можно охарактеризовать как «некатегоричное побуждение», такие высказывания успешно поддерживают правила ведения вежливой научной коммуникации с коллегами по профессиональному сообществу. Р. Креста отмечает, что такие императивы следует называть «инструктивными», так как они не обязывают читателя по-настоящему исполнить действие, а лишь побуждают адресата к сотрудничеству.

3.4.3 КОНСТРУКЦИИ С КОНЪЮНКТИВОМ

Конъюнктивные формы высказываний являются менее частотными среди средств имплицитной эгореферентности (4,8 % в монографиях, 5 % в научных статьях) научного текста. Формы конъюнктива (чаще конъюнктива II), представляя сообщаемое в модусе возможности, допущения, предположения, отсылают к точке зрения автора научного текста на сообщаемое. Тем самым, данные конструкции являются имплицитным сигналом его присутствия.

[112] Nach einem solchen Verständnis **wäre je** also nichts weiter als ein Segment mit Quasi-Morphem-Status innerhalb eines größeren Wortes. (Meinunger, 234). → *Ich (=der Autor) **vermute / nehme an**, dass 'je' also nichts weiter als ein Segment mit Quasi-Morphem-Status ist.*

[113] Im ersten Fall **wäre es** ein flexionsmorphologisches Wort, im zweiten Fall **wären es** zwei flexionsmorphologische Wörter. (König, 35). → *Ich (=der Autor) **nehme an**, dass im ersten Fall ein flexionsmorphologisches Wort ist.*

[114] Ein Wort wie möglicherweise <denken.> **stünde** zum Beispiel am Ende eines Satzes. **Es wäre** damit eine Stellungsvariante (Boas, 80) → *Ich (=der Autor) **glaube**, dass ein Wort wie <denken> am Ende eines Satzes stehen könnte.*

В примерах [112], [113], [114] актуализация скрытого указания на

автора происходит за счет формы конъюнктива претерита от глагола «sein» и глагола «stehen» со значением предположения. Размышляя, автор выводит некоторые предположения и условия, оформленные претеритом конъюнктива.

Более частотное использование конъюнктива наблюдается с модальными глаголами, а также в модальных конструкциях, таких как «sein + zu+Infinitiv», пример [115]:

[115] Die Liste der hier zu diskutierenden Fälle **wäre** noch **zu vervollständigen**, eine Beschreibung **müsste** dann **folgen**. (Jein, 191). → *Ich (=der Autor) meine, dass diese Liste noch vervollständigt sein soll.*

В данном примере благодаря формам претеритального конъюнктива высказывание оформляется в модусе предположения. Причем во второй части смягчение категоричности своего утверждения автор достигает за счет двойной модализации: через конъюнктив и через модальный глагол.

3.5 КОНТЕКСТНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ АВТОРА НА ОСНОВЕ НАМЕРЕННОГО НАРУШЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО СОГЛАСОВАНИЯ МЕЖДУ ГРАММАТИЧЕСКИМ СУБЪЕКТОМ И АНТРОПОНИМИЧЕСКИМ ПРЕДИКАТОМ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Имплицитная авторизация имеет место в контекстах нарушения семантического согласования между субъектом и предикатом. Сема антропонимичности особым образом проявляется в этом стилистически выразительный приеме. Доля высказываний с нарушением семантического согласования между субъектом и предикатом в научных статьях составляет 8 %, в то время как в монографиях лишь 3,4 % от общего числа имплицитно-авторереферентных высказываний, что может объясняться использованием в монографиях абстрактных существительных в иных синтаксических конструкциях, или из-за индивидуального стиля автора, который выбирает на протяжении всего текста иные стратегии.

Как известно, прямое значение глагола накладывает определенные семантические ограничения на валентную сочетаемость с актантами. В контекстах научного сообщения некоторому неодушевленному (ментальному) продукту часто приписывается сугубо человеческая деятельность и активность. П. фон Поленц говорит об этом механизме «выдвижения» на первый план ментального продукта вместо мыслящего субъекта (который он обозначает термином «Subjektschub») как о «самом семантически ярком проявлении деагентивации наравне с пассивными конструкциями» [Polenz 1981: 100].

В свою очередь Р. Креста рассматривает такие построения как высказывания с «аблятивным субъектом» (Ablativ-Subjekt). Речь идет при этом о семантической роли грамматического субъекта, который обозначает не агенса/носителя состояния, что типично для субъекта немецкого предложения, а орудие/инструмент действия или часть пространства (например, пространства текста: глава, раздел и т.д.) [Kresta 1995: 87].

Вместо автора научного текста источником активности часто выступают продукты его интеллектуальной деятельности (статьи, научные сочинения, главы, разделы и т.д.), но за ними всегда незримо возвышается сам автор, который поднимает и решает поставленные научные задачи [116], [117], [118],

[116] **Vorliegender Beitrag möchte sich** mit Problemen, Möglichkeiten und -Grenzen der Wortartenklassifikation **auseinandersetzen**. (Henning, 239) → **Ich** (=der Autor) **möchte mich** mit Problemen, Möglichkeiten und Grenzen der Wortartenklassifikation **auseinandersetzen**.

[117] In diesem Sinne **stellt dieser Aufsatz** zunächst kurz die verschiedenen Wortbegriffe **dar**. (Steiner, 149) → **Ich** (=der Autor) **stelle** kurz die verschiedenen Wortbegriffe **dar**.

[118] Neben Kapiteln zur Entwicklungsgeschichte der Fachsprache **thematisiert ein Kapitel** auch beispielhaft die betriebswirtschaftliche Kommunikation. (Jacobs, 495) → **Ich** (=der Autor) **thematisiere** die

betriebswirtschaftliche Kommunikation.

В научных контекстах с нарушением семантического согласования нередко используются в качестве активных производителей антропонимических действий сами научно-познавательные действия, представленные субстантивными отглагольными номинациями:

[119] **Die Entscheidung**, ob Verb plus Modifikator gemeinsam eine sinnvolle informationelle Einheit bilden, **fällt** in den Aufgabenbereich der Pragmatik. (Maienborn, 101) → *Ich (=der Autor) **treffe diese Entscheidung**, ob Verb plus Modifikator gemeinsam eine sinnvolle informationelle Einheit bilden.*

По антропонимичному предикату адресат всегда может идентифицировать за такой формой настоящее действующее лицо (Handlungsträger), которое управляет всем научно-познавательным процессом [Steinhoff 2007: 269].

Частотность использования механизма семантического рассогласования между субъектом и предикатом мала по сравнению с первыми двумя механизмами имплицитной авторизации и составляет 3,4 % в монографиях и 8 % в статьях от всех имплицитно-авторизующих предикаций рассматриваемого типа.

Для семантического рассогласования характерна особая грамматическая форма предикатов – рефлексивные глаголы, например: *sich finden, sich zeichnen, sich zeigen, sich unterscheiden, sich gliedern, sich etablieren, sich ergeben*. Применяя трансформации, можно показать, что данные глаголы могут быть связаны лишь с субъектом научно-познавательной деятельности.

[120] Der weitere **Aufbau** dieses Beitrags **gliedert sich** wie folgt. (Maienborn, 87) → *Ich (=der Autor) **gliedere diesen Beitrag** wie folgt.*

[121] Damit **zeigt sich** folgendes **Grundprinzip**: Syntaktische Wörter sind immer Wörter im Kontext *zeigt* dieses Prinzip. (Turgay, 30) → *Ich (=der Autor) **zeige mit Hilfe dieses Prinzips**, dass syntaktische Wörter immer im Kontext sind.*

[122] **Ein** weiterer augenfälliger **Unterschied findet sich** beispielsweise bei

dem unbestimmten Artikel. (Fobbe, 210) → ***Ich** (=der Autor) **finde einen** weiteren **Unterschied** bei dem unbestimmten Artikel.*

[123] **Folgende Fragen ergeben sich** in diesem Zusammenhang. (Neef, 425) → ***Ich** (=der Autor) **zeige mit folgenden Fragen** das.*

Как показывает материал исследования, предикат, входящий в состав этого стилистического приема имплицитной авторизации может отражать не только деятельность самого автора научного текста, но и научного сообщества, представителем которого он является:

[124] Im linguistisch herrschenden Sprachgebrauch **unterscheiden sich Deixis und Anapher** voneinander wie «Zeigen im außersprachlichen Orientierungsraum» und «Zeigen in Satz und Text». (Hausendorf, 325) → ***Ich** (=der Autor) + **andere Sprachwissenschaftler unterscheiden** Deixis und Anapher.*

[125] In der linguistischen Beschreibung **hat sich der Begriff** des Wortes inzwischen **etabliert**, aber nicht an und für sich, sondern über die verschiedenen linguistischen Teilgebiete. (Fuhrhop, 199) → ***Ich** (=der Autor) + **andere Sprachwissenschaftler haben diesen Begriff des Wortes eingeführt.***

А также предикат может отражать и общечеловеческую мыслительную активность в целом:

[126] In jedem Alltagsgespräch **finden sich** unzählige **Äußerungen**, die das Wort *jetzt* enthalten. (Bader, 34) → ***Ich** (=der Autor) + **Gesellschaft finden solche Äußerungen, die das Wort jetzt enthalten.***

Таким образом, нарушенное семантическое согласование между субъектом и предикатом представляет собой нарушение валентной сочетаемости лексических единиц немецкого языка, на фоне которого актуализируется «присутствие» автора научного текста.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Языковое маркирование имплицитного «присутствия» автора в научном тексте опирается на антропонимическую и эгореферентную семантику определенных классов слов и потенциальную диалогичность и модальность некоторых типов грамматических форм высказываний. Указанные содержательные особенности лексических и грамматических единиц научного текста позволяют выделить три основных механизма формирования имплицитной эгореферентности, при реализации которых автор обнаруживает себя как оценивающий и взаимодействующий с профессиональным коллективом субъект.

Первый механизм реализуется при употреблении в высказываниях научного текста слов антропонимической семантики. Референция к субъекту происходит здесь на основе актуализации в контекстах научного сообщения семы антропонимичности, входящей прежде всего в лексико-семантическую структуру предикатов мыслительной деятельности и образованных от них абстрактных существительных, которые встречаются в научном тексте как в самостоятельном употреблении, так и входят в состав устойчивых глагольно-именных словосочетаний. Количественные подсчеты показывают, что данный механизм имплицитного самообозначения используется значительно чаще, чем два другие, авторами как научных статей, так и монографий (76,39 % в монографиях, 68,15 % в научных статьях от общего числа всех типов маркирования имплицитного «присутствия» автора в научном тексте).

Анализ семантики когнитивов и абстрактных существительных позволяет выделить разные виды ментальных операций, осуществляемых автором-исследователем по ходу вербализации процесса получения новых сведений об объекте и их доказательства. Речемыслительное действие представляется как целенаправленное и контролируемое со стороны субъекта. В контексте научного сообщения сема «человек» у предикатов речемыслительной деятельности и образованных от них абстрактных

существительных специфицируется, а сугубо антропонимическое ментальное действие, обозначаемое ими, связывается с автором-исследователем.

Устойчивые глагольно-именные словосочетания с включением отглагольных существительных антропонимической семантики формируют идиоматику научной речи и одновременно являются сигналами макроструктурных / коммуникативно-смысловых частей научного текста, таких как введение, основная часть и заключение. Поскольку они называют определенные научно-познавательные операции, то их можно рассматривать в качестве маркеров коммуникативно-смысловой организации научного текста.

В более широком плане реферируют к говорящему-автору текста многие языковые элементы научного текста, актуализирующие оценочную и рационально-логическую деятельность субъекта, именуемые в лингвистической прагматике «эгоцетриками». Эгоцентрическая категориальная семантика проявляется особенно ярко в модально-эпистемических, рационально-оценочных компонентах, в реляционных единицах и метафорических единицах, у которых скрытая валентность на говорящего проявляется в разнообразных контекстах научного сообщения.

Модально-эпистемические компоненты являются проявлением рефлексивно-оценочной деятельности сознания автора научного текста и выражают его эпистемическую оценку достоверности утверждений, содержащихся в текстовых высказываниях. С грамматической точки зрения модально-эпистемические компоненты представляют собой свернутое обозначение авторизованной субъектно-предикатной линии, благодаря чему поддерживается формальная бессубъектность научного изложения, но сохраняется имплицитивная содержательная соотнесенность с субъектом речи / автором научного текста. При помощи трансформации свернутое обозначение эпистемического модуса знания/мнения через модально-эпистемические слова может быть развернуто в эксплицитно авторизованную структуру.

Вторую область имплицитной авторизации формируют грамматические конструкции, которые примарно употребляются в диалогах, как, например, вопросительные и императивные высказывания, а также формы высказываний с конъюнктивом, позволяющие автору модализировать высказывание и варьировать степень достоверности его содержания. В ассертивной «среде» научного текста первые из них выступают в функции диалогизации научного сообщения и направлены на адресата. Доля таких конструкций составляет 20,2 % для монографий, 23,8 % для научных статей. В высказываниях, грамматически оформляемых с участием конъюктива, утверждаемое представляется не в ассертивном модусе, а как возможное или допустимое, тем самым актуализируется авторская позиция и его присутствие в научном тексте.

Диалогизация как механизм формирования скрытых смыслов актуализирует контакт автора с читателем, принадлежащим к тому же профессиональному и лингвокультурному сообществу, что и автор, а, тем самым, и собственное «присутствие» автора. Несмотря на внешнюю бессубъектность текстового формулирования, скрытая авторизация научного текста придает ему диалогический характер и имплицитно интерсубъектное взаимодействие с профессиональным сообществом и его представителями.

Через интертекстуальные отсылки к актуальной дополнительной информации, некатегоричное побуждение к сотрудничеству, предложения выполнить вместе с автором те или иные научно-познавательные «шаги» и т.д. поддерживается постоянный контакт с потенциальным адресатом. Интеррогативные конструкции также актуализируют диалог между автором и читателем и служат для привлечения его внимания и продвижения вперед научной аргументации.

И, наконец, третий источник имплицитного указания на самого автора научного текста основан на намеренном нарушении семантического согласования антропонимического предиката с неодушевленным субъектом (3,4 % в монографиях, 8 % в статьях). В результате метонимического

переноса в качестве активно действующего субъекта представляется не сам субъект, а ментальный продукт его научно-познавательной деятельности. Данная форма имплицитной авторизации встречается в статьях в 2,4 раза чаще, чем в монографиях, что можно объяснить в целом большей бессубъектностью изложения в статьях по сравнению с монографиями.

Таким образом, маркеры скрытого присутствия автора представляют собой различные типы языковых средств из сферы лексики и грамматики, которые включены в вербализацию его речемыслительных, рационально-оценочных и контакто-устанавливающих действий в процессе научной аргументации. Они с необходимостью предполагают, что за ними стоит активно действующее лицо, которое в контекстах научного сообщения интерпретируется как автор-исследователь.

Заключение

Развитие лингвистики научной речи как одной из дисциплин общей теории профессиональных языков невозможно рассматривать отдельно от развития лингвистики в целом. Переход от системно-структурной и функционально-инвентарной модели описания языка науки с их приоритетным вниманием к поверхностной безличной («деагентивированной») структуре текстов к коммуникативно-функциональной модели позволило теоретически обосновать субъектноориентированный (эгореферентный) характер научных текстов.

Предпринятый в диссертации анализ косвенно-эксплицитных и имплицитных средств эгореферентности на материале немецкоязычных лингвистических статей и монографий позволяет сделать вывод о том, что эгореферентность – это антропоцентрическая дискурсивно-коммуникативная категория, которая отражает интерсубъектно ориентированную деятельность когнитивного и речевого субъекта в системе научных профессиональных отношений на основании закрепившихся на данном этапе норм общения, а также общих задач в научной коммуникации.

В коммуникативно-дискурсивном плане данная категория отражает речетворческую деятельность автора-исследователя, который применяет разнообразные способы и формы самообозначений, моделируя и воспроизводя профессиональные отношения с целевым адресатом в контексте социальных отношений в сфере науки.

По степени эксплицитности в работе были выделены три основных типа эгореферентности: эксплицитная, косвенно-эксплицитная и имплицитная. При эксплицитном и косвенно-эксплицитном типе эгореферентности автор-исследователь обозначает себя при помощи отдельного знакового выражения, в то время как при имплицитном самообозначении отдельное знаковое выражение лица отсутствует.

Косвенно-эксплицитная эгореферентность позволяет автору обозначать себя не прямо, а через опосредованную эксплицитную ступень референции к профессиональному / лингвокультурному сообществу или через дистанцированное обозначение от 3-его лица. Различия в лексико-номинативном потенциале косвенно-эксплицитных средств дают основания разграничить три механизма косвенно-эксплицитной эгореферентности.

Непрямые самообозначения через *wir* и *man* предполагают дополнительную опосредующую ступень референциальной соотнесенности с контекстуально ограниченным (*wir*) / открытым (*man*) множеством представителей профессионального / лингвокультурного сообщества, на фоне которого исследователь авторизуется выделенно (эксклюзивное *wir* и *man*) или интегрированно (инклюзивное *wir* и *man*). При использовании нарицательных существительных *der Autor*, *der Verfasser*, *der Wissenschaftler* реализуется дистанцированное самообозначение от 3-его лица.

Имплицитная эгореферентность опирается на антропонимическую и эгоцентрическую семантику определенных классов слов (предикаты мыслительной деятельности, абстрактные существительные, модально-эпистемические компоненты, релятивы и т.д.), на потенциальную диалогичность определенных типов грамматических форм высказываний (императивы, интеррогативы и высказывания с конъюнктивом), а также на намеренное нарушение семантического согласования.

Сопоставление механизмов формирования косвенно-эксплицитной и имплицитной эгореферентности и частотности средств их языкового маркирования приводят к выводу о том, что самым распространенным косвенно-эксплицитным средством в научных лингвистических текстах является коллективно-ориентированное обозначение автора через промежуточную эксплицитную ступень «*man*» на основе включения себя в контекстно открытое и количественно неопределенное профессиональное сообщество (всего 50,6 % от общего числа косвенных самообозначений через промежуточную эксплицитную ступень «*man*»).

Что касается полностью имплицитных авторизованных смыслов, то они возникают на базе взаимодействия некоторых несубстанциональных классов слов и типов грамматических структур со значимым контекстом и ситуацией речи.

Контекстуально-семантический анализ научных лингвистических статей и монографий позволил выделить три основных когнитивно-семантических механизма имплицитной авторизации. Первый из них реализуется при употреблении в составе текстовых высказываний единиц с антропонимической и эгоцентрической семантикой. При этом запускается механизм контекстной актуализации семы лица или общей соотнесенности со сферой лица. В контексте научного сообщения актуализируемое лицо интерпретируется как автор-исследователь.

Второй механизм опирается на потенциальную диалогичность вопросительных и императивных высказываний и эпистемическую модальность высказываний с конъюнктивом в «ассертивной среде» научного текста. В первом случае актуализируется коммуникативное взаимодействие автора и адресата и, тем самым, имплицитно присутствует их присутствие, во втором – авторская позиция относительно степени достоверности содержания высказывания и присутствие автора.

Третий механизм основывается на намеренном нарушении семантического согласования между антропонимическим предикатом и неодушевленным грамматическим субъектом и представляет собой стилистически выразительный прием имплицитной авторизации. В результате метонимического переноса в качестве активно действующей инстанции представляется не сам субъект глагольного действия, а ментальный продукт его научно-исследовательской деятельности.

Контекстная актуализация автора на основе семы антропонимичности и эгоцентрический характер некоторых классов слов и выражений как источники имплицитной авторизации в целом преобладают в обследованных лингвистических текстах. При этом реляционно-коннекторные связующие

единицы являются наиболее употребительным средством имплицитной авторизации как в научных статьях (19,4 %), так и в монографиях (21,7 %).

Как показало исследование, языковые средства, участвующие в актуализации косвенно-эксплицитной и имплицитной эгореферентности, различны, однако функционально они направлены на реализацию одних и тех же задач. Они фокусируют внимание реципиента не на конкретном авторе, а позволяют создать коллективный фон и отразить сущностную характеристику процесса совместного поиска истины в науке. Позиционируя себя как представителя научного сообщества в целом или его части – лингвистического профессионального сообщества, конкретный автор-исследователь формулирует новые сведения об изучаемом объекте с учетом сложившихся знаний и возможных критических реакций на новые предложения, т.е. всегда на фоне коллективного мнения.

Несмотря на внешнюю бессубъектность текстового формулирования, скрытая авторизация научного текста придает ему диалогический характер и имплицитно интерсубъектное взаимодействие с профессиональным сообществом и его представителями.

Таким образом, многоуровневый анализ механизмов эгореферентности и средств их языкового маркирования в современных научных статьях и монографиях по лингвистике позволил детализированно описать авторизованную перспективу текстового формулирования, которая зависит от того, как автор концептуализирует и воспринимает сам себя в научном тексте, а также от того, как он семантически себя обозначает соответственно этому восприятию в зависимости от того или иного этапа текущего научно-исследовательского процесса.

В связи с ведущей ролью скрытой эгореферентности и разнообразием выявленных разновидностей и вариантов, а также широким диапазоном задействованных в её реализации языковых средств в лингвистических научных статьях и монографиях видится перспективным обращение к другим научным сферам, например, техническим или естественно-научным, и

установление на их материале особенностей эгореферентности в текстах естественных наук по сравнению с гуманитарными. Кроме того, в качестве перспектив дальнейших исследований можно рассматривать подключение других научных типов текста, таких как рецензия, аннотация, доклад и т.д., что сделает изучение механизмов скрытой эгореферентности более комплексным и полным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони, В.Г. Основы теории грамматики / В.Г. Адмони. – М. ; Л. : Наука, 1964. – 105 с.
2. Адмони, В.Г. Синтаксис современного немецкого языка : система отношений и система построения / В.Г. Адмони. – Л. : Наука, 1976. – 366 с.
3. Адмони, В.Г. Система форм речевого высказывания / В.Г. Адмони. – СПб. : Наука, 1994. – 151 с.
4. Аликаев, Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики / Р.С. Аликаев. – Нальчик : Эль-Фа, 1999. – 317 с.
5. Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. – 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.
6. Апресян, Ю.Д. Избранные труды : в 2 т. / Ю.Д. Апресян. – М. : Вост. лит., 1995. – Т. 1 : Лексическая семантика : синоним. средства яз. – 2-е изд., испр. и доп. – 472 с.
7. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – Изд. 2-е. – М. : URSS ЛИБРОКОМ, 2010. – 443 с.
8. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования / И.В. Арнольд. – Л. : Просвещение, 1990. – 301 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Языкознание : большой энцикл. слов. / глав. ред. В.Н. Ярцева. – М., 2000. – 709 с.
10. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл : логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова ; Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
11. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.

12. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. / Н.Д. Арутюнова; – Изд. 2-е. – М. : Языки русской культуры, 1999. – I –XV. – 896 с.
13. Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 3–42.
14. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
15. Баженова, Е.А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Рос. и зарубеж. филология. – 2009. – Вып.5 – С. 24–32.
16. Баженова, Е.А. Стилистико-речевая организация научного текста // Стил. Београд, 2003. – № 2. – С. 129–141.
17. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
18. Баракина, И.В. Семантико-прагматические характеристики эгоцентрических высказываний : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Баракина Инна Валерьевна ; [С.-Петерб. гос. ун-т]. – СПб., 1997. – 16 с.
19. Барляева, Е.А. Средства актуализации автора научного текста : (на материале англ. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Барляева Елена Александровна ; [С.-Петерб. гос. ун-т]. – СПб., 1993. – 16 с.
20. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер. с фр. Ю.Н. Караулова [и др.] ; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 446 с.
21. Береснев, С.Д. Немецкий научно-технический текст с позиции русского реципиента : пособие для студентов и аспирантов неяз. спец. / С.Д. Береснев ; Ульянов гос. пед. ин-т. – Ульяновск, 1979. – 91 с.
22. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл. / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1978. – 176 с.
23. Бондарко, А.В. Теория функциональной грамматики : Введение.

35. Гончарова, Е.А. Текст – дискурс – стиль в современной этнокультуре Германии : монография / Е.А. Гончарова, А.Л. Вольский, В.А. Андреева и др.; – СПб. : Изд-во РГПУ. – 2012. – 298 с.
36. Грайс, Г. Значение говорящего, значение предложения и значение слова // Философия языка. М. : УРСС, 2004. – С. 75–98.
37. Гричин, С.В. Авторизация в научном стиле современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Гричин Сергей Владимирович ; [Томск. гос. ун-т]. – Томск, 2003. – 19 с.
38. Демьянков, В.З. Парадигма в лингвистике и теории языка // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 27–37.
39. Ермакова, Е.В. Имплицитность в художественном тексте : (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма) / Е.В. Ермакова. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, – 2010. – 199 с.
40. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
41. Золотова, Г.А. Полипредикативность и информативный объем предложения / Г.А. Золотова // Коммуникативная грамматика русского языка. – М. : МГУ. Филол. фак., 1998. – 544 с.
42. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация / О.Л. Каменская. – М. : Высшая школа, 1990. – 152 с.
43. Карасик, В.И. Языковой круг : Личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 477 с.
44. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.
45. Кибрик, А.А. Местоимения как дейктическое средство // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 201–236.

- 46.Кожина, М.Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М. : Флинта; Наука, 2006. – С. 242–248.
- 47.Кожина, М.Н. О диалогичности письменной научной речи : учеб. пособие по спецкурсу / М.Н. Кожина. – Пермь : ПГУ, 1986. – 91 с.
- 48.Кожина, М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / М.Н. Кожина. – Пермь : Перм. ун-т, 1966. – 213 с.
- 49.Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 149 с.
- 50.Котюрова, М.П. Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле (сравнительно с художественным) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Котюрова Мария Павловна ; [Сарат. гос. ун-т]. – Саратов, 1974. – 16 с.
- 51.Котюрова, М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста / М.П. Котюрова. – Красноярск, 1988. – 172 с.
- 52.Котюрова, М.П. Культура научной речи : текст и его редактирование : учеб. пособие / М.П. Котюрова, Е.А. Баженова. – М. : Флинта; Наука, 2008. – 281 с.
- 53.Котюрова, М.П. Идиостилика научной речи (наши представления о речевой индивидуальности ученого) / М.П. Котюрова, Л.С. Тихомирова, Н.В. Соловьева. – Пермь, 2011. – 393 с.
- 54.Крижановская, Е.М. Коммуникативно-прагматическая структура научного текста : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Крижановская Елена Мечиславовна ; [Перм. гос. ун-т]. – Пермь, 2000.– 18 с.
- 55.Крижановская, Е.М. Коммуникативный блок (К-блок) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М. : Флинта; Наука, 2006. – С. 163–167.

56. Кубрякова, Е.С. Человеческий фактор в языке : язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный ; отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 1991. – 238 с.
57. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. акад. Ю.С. Степанова. М. : ИЯ РАН, 1995. – С. 144–238.
58. Лапп, Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи» : (на материале анализа рус. науч. лит.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лапп Леонида Михайловна ; [Воронеж. гос. ун-т]. – Воронеж, 1988 – 16 с.
59. Лаптева, О.А. Способы выражения авторского «я» в русской научной речи // Язык и стиль научной литературы. Теоретические и прикладные проблемы. – М. : Наука, 1977. – С. 123–138.
60. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика: введение / Дж. Лайонз. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
61. Ляпон, М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений / М.В. Ляпон. – М. : Наука, 1986. – 199 с.
62. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 276 с.
63. Масленникова, А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А.А. Масленникова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та., 1999. – 260 с.
64. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание : учеб. для филол. спец. вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. / Ю.С. Маслов. – М. : Высш. шк., 1987. – 272 с.
65. Милованова, Н.Я. Экспрессивность в стиле научной прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Милованова Нина Яковлевна ; [Азерб. пед. ин-т рус. яз. и лит. им. М.Ф. Ахундова]. – Баку, 1982. – 24 с.

66. Митрофанова, О.Д. Научный стиль речи : проблемы обучения / О.Д. Митрофанова. – М. : «Русский мир», 1976. – 200 с.
67. Митрофанова, О.Д. Язык научно-технической литературы / О.Д. Митрофанова. – М. : Издательство МГУ, 1973. – 149 с.
68. Нефёдов, С.Т. Акцентированность позиции говорящего и способы включения в высказывание модальных компонентов // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете : сб. науч. ст. / под ред. д-ра филол. наук, проф. С.Т. Нефёдова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2013. – С. 138–144.
69. Нефёдов, С.Т. Императивы как инструмент диалогизации научного текста // Научное мнение. № 9-1. – СПб. : Санкт-Петербургский университетский консорциум, 2015. – С. 9–18.
70. Нефёдов, С.Т. Имплицитная авторизованность научного текста // Научное мнение. № 10. – СПб. : Санкт-Петербургский университетский консорциум, 2013 – С. 51–57.
71. Нефёдов, С.Т. Коммуникативная модальность и эпистемические модальные компоненты в немецком языке : (синхрония и диахрония) / С.Т. Нефёдов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 199 с.
72. Нефёдов, С.Т. Коммуникативно-речевые ситуации с включением высказываний с релятивом «aber» // Языковые единицы в речевой коммуникации. – Л., 1991. – С. 138–145.
73. Нефёдов, С.Т. Прототипическая модель текста как основа текстотипологического знания (на примере авторского предисловия к научной монографии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2013. – № 3. – С. 198–204.
74. Нефёдов, С.Т. Темпоральная периферия научного текста (ненарративные функции перфекта и претерита // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2015. – № 1. – С. 114–123.

75. Нефёдов, С.Т. Автореференция в научном лингвистическом дискурсе // XLIII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11-16 марта 2014 г. Избранные труды. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. – С. 313–320.
76. Нефёдов, С.Т. Грамматика модальных компонентов : диахронический аспект (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... докт-ра филол. наук : 10.02.04 / Нефёдов Сергей Трофимович ; [С.-Петерб. гос. ун-т]. – СПб., 2008. – 41 с.
77. Нефёдов, С.Т. Язык лингвистической науки : вопросительность в ассертивной «среде» научного текста // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. 5 : Язык профессиональной коммуникации – немецкий : сб. ст. / под ред. д-ра филол. наук С.Т. Нефёдова, канд. филол. наук Е.А. Ковтуновой. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. – С. 9–26.
78. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики : уч. пособие. 2-е изд., доп. и испр. / М.В. Никитин. – СПб. : Изд-во РГПУ им А.И. Герцена, 2007. – 819 с.
79. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью : референциальные аспекты семантики местоимений / Е.В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 270 с.
80. Падучева, Е.В. Семантические исследования : (семантика времени и вида в русском языке ; Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
81. Падучева, Е.В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. – 2011. – № 3. – С. 3–18.
82. Падучева, Е.В. Общие вопросы дейксиса / Е.В. Падучева, С.А. Крылов // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. – М. : Наука, 1992. – С. 154–194.
83. Перл, Н.Е. Активная сочетаемость субстантивных местоименных слов в современном немецком языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук :

- 10.02.04 / Перл Наталия Евгеньевна ; [Ленин. гос. ун-т]. – Л., 1979. – 22 с.
84. Перл, Н.Е. К функционально-семантической классификации немецких местоимений // Системное описание лексики германских языков : межвуз. сб. – Л., 1985. – Вып 5 – С. 18–25.
85. Погудина, Э.Б. Выражение авторского «я» в немецкой научной речи (диахронический аспект) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Погудина Эмма Бруновна ; [Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова]. – Одесса, 1983. – 16 с.
86. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-Бук, Киев : Ваклер, 2001. – 656 с.
87. Прокопчук, А.А. Авторское прогнозирование ожиданий воспринимающего и построение речевых произведений // Содержательные аспекты предложения и текста. – 1983. – С. 114–122.
88. Пумпянский, А.Л. Функциональный стиль научной и технической литературы // Вопросы языкознания. – 1977. – № 2. – С. 87–97.
89. Ракитина, С.В. Научный текст как многоаспектное явление : учеб. пособие / С.В. Ракитина. – Волгоград : Перемена, 2004. – 152 с.
90. Рябцева, Н.К. Язык и естественный интеллект / Н.К. Рябцева. – М. : Academia РАН, Институт языкознания, 2005. – 639 с.
91. Самойлова, И.В. Периферийные речевые жанры научного текста в аспекте авторской индивидуальности : автореф. дисс. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Самойлова Ирина Валерьевна ; [Перм. гос. ун-т]. – Пермь, 2009. – 19 с.
92. Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов // Материалы Международной науч. конф. 15-17 сент. 2005 г., / под ред. С.С. Ваулиной. – Калининград : Изд-во Российского гос. ун-та, 2006. – 334 с.
93. Сенкевич, М.П. Научные стили : учеб. пособие / М.П. Сенкевич. – М. : Моск. полигр. ин-т., 1967. – 54 с.

94. Скрытые смыслы в языке и коммуникации : сборник статей / [Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т лингвистики; ред.-сост. : И.А. Шаронов]. – М. : Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2008. – 246 с.
95. Погудина, Э.Б. Выражение авторского «я» в немецкой научной речи (диахронический аспект) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Погудина Эмма Бруновна ; [Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова]. – Одесса, 1983. – 16 с.
96. Солганик, Г.Я. К проблеме модальности текста // Русский язык : Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст : Виноградовские чтения XII–XIII. – М., 1984. – С. 173–186.
97. Степанов, Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XXв. / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XXв. – М., 1995. – С. 7–34.
98. Степанов, Ю.С. Константы : словарь русской культуры: изд. 2-е, испр. и доп / Ю.С. Степанов. – М. : Академический проект, 2001 – 590 с.
99. Сусов, И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин : Изд-во Калин. гос. ун-та, 1984. – С. 3–12.
100. Сусов, И.П. Личность как субъект языкового познания // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин : Изд-во Калин. гос. ун-та, 1989. – С. 9–16.
101. Сусов, И.П. О двух путях исследования содержания текста // Значение и смысл речевых образований. – Калинин : Изд-во Калин. гос. ун-та, 1979. – С. 90–103.
102. Сусов, И.П. Языковое общение и лингвистика // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин : Изд-во Калин. гос. ун-та, 1985. – С. 3–12.
103. Трофимова, Н.А. Актуализация компонентов смысла высказывания в экспрессивных речевых актах (на материале

- современного немецкого языка) : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Трофимова Нэлла Аркадьевна. – СПб., 2009, – 46 с.
104. Троянская, Е.С. Лингво-стилистическое исследование немецкой научной литературы / Е.С. Троянская. – М. : Наука, 1982. – 296 с.
105. Филиппов, К.А. Лингвистика текста и современный анализ устной речи: учеб. пособие / К.А. Филиппов. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2016. – 228 с.
106. Филиппов, К.А. Немецкие местоимения (размышления о статусе, функциях, перспективах изучения) / К.А. Филиппов. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 24 с.
107. Фуко, М. Что такое автор. Работы разных лет / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
108. Химик, В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В.В. Химик. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990, – 181 с.
109. Хомякова, Е.Г. Эгоцентризма речемыслительной деятельности (на материале английского языка) : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.04, 09.00.13 / Хомякова Елизавета Георгиевна. – СПб., 2002, – 250 с.
110. Храковский, В.С. О специфике значений, которые могут параллельно выражаться как лексическими, так и грамматическими средствами // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН, Т. IX.Ч. 3. СПб. : Наука, 2013. – С. 11–22.
111. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста : поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
112. Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста: учеб. пособие. 3-е изд. / В.Е. Чернявская. – М. : КомКнига, 2006. – 248 с.
113. Чернявская, В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стиль . Коммуникация в экономике. – СПб. : СПбГУЭФ, 2003. – С. 23–42

114. Чернявская, В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ / В.Е. Чернявская. – М. : Либроком URSS, 2011. – 238 с.
115. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учебное пособие / В.Е. Чернявская. – 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА Наука, 2014. – 201 с.
116. Чернявская, В.Е. Научное познание – «власть дискурса» (Лингвистическое осмысление преждевременных научных открытий) // *Studia Linguistica*. Вып. 12. – СПб. : Изд-во РГПУ им. Герцена, 2004. – С. 336–345.
117. Чернявская, В.Е. Некоторые текстообразующие факторы научно-критического текста: интертекстуальность. Аналитический обзор / В.Е. Чернявская. – Акмола : Акмол. обл. межотрасл. УНТИ 1995. – 16 с.
118. Шендельс, Е.И. Имплицитность в грамматике // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Лингвистика текста. Вып.112. – М., 1977. – С. 109–210.
119. Шмелева, Т.В. Семантический синтаксис // Современный русский язык. Синтаксис: проблемы и методы исследования. – М. : Институт русского языка АН СССР, 1987. – С. 28–82.
120. Эйхбаум, Г.Н. Пронимативы и назывные слова: сходства и различия (на материале немецкого языка) // Системное описание лексики германских языков. Межвуз. сб., Л., 1985. – Вып. 5. - С. 7–18.
121. Эйхбаум, Г.Н. Теоретическая грамматика немецкого языка/ под ред. проф. Л.Р. Зиндера. / Г.Н. Эйхбаум. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. – 276 с.
122. Язык и моделирование социального взаимодействия : сб. ст. сост. В.М. Сергеева, П.Б. Паршина ; общ. ред. В.В. Петрова. – М. : Прогресс, 1987. – 462 с.

123. Ясницкий, Ю.Г. Лексико-грамматические средства авторизации в научной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ясницкий Юрий Григорьевич ; [Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина]. – М., 1984. – 21 с.
124. Auer, P. Kontextualisierung // Studium Linguistik. – Frankfurt/Main : Hain, 1986. – Vol. 19. – S. 22–47.
125. Auer, P. Reden und Schreiben in der Wissenschaft / P. Auer, H. Baßler. – Frankfurt/Main : Campus-Verl., 2007 – 248 S.
126. Beneš, E. Die formale Struktur der wissenschaftlichen Fachsprachen in syntaktischer Hinsicht // Wissenschaftssprache. Beiträge zur Methodologie, theoretischen Fundierung und Deskription. – München : Fink, 1981 – S. 185–212.
127. Bretkopf, A. Wissenschaftsstile im Vergleich: Subjektivität in deutschen und russischen Zeitschriftenartikeln der Soziologie : [Diss.] / Bretkopf A. ; [Freiburg i. Br. Univ.]. – Freiburg i. Br., 2005. – 197 S.
128. Brinker, K. Linguistische Textanalyse : eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / K. Brinker.– Berlin : Schmidt, 1997. – 165 S.
129. Brinkmann, H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung / H. Brinkmann. – Düsseldorf : Schwann, 1971. – 939 S.
130. Bungarten, Th. Sprachliche 'Entfremdung' // Wissenschaftssprache und Gesellschaft. – Hamburg : Akademion, 1986. – S. 22–43.
131. Busch-Lauer, I.-A. Fachtexte im Kontrast : eine linguistische Analyse zu den Kommunikationsbereichen Medizin und Linguistik / I.-A. Busch-Lauer. – Leipzig : Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2001. – 528 S.
132. Bußmann, H. Fachsprache / H. Bußmann // Lexikon der Sprachwissenschaft. – Stuttgart : Kröner, 2008 – S. 186–187.
133. Clyne, M. Cultural Differences in the Organization of Academic Texts // Journal of Pragmatics. – Amsterdam : North-Holland Publ. Co., 1987. – S. 211–247.

134. Dietrich, R. Modalität im Deutschen. Zur Theorie der Relativen Modalität / R. Dietrich. – Opladen : Westder Verlag, 1992. – S. 224
135. Dijk, T.A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse / T.A. van Dijk. – Berlin : De Gruyter, 1981. – 331 S.
136. Drescher, M. Sprache der Wissenschaft, Sprache der Vernunft? Zum affektleeren Stil in der Wissenschaft // Gruppenstile : zur sprachlichen Inszenierung sozialer Zugehörigkeit. – Frankfurt/Main : Peter Lang, 2003. – S. 53–79.
137. Dressler, W.U. Funktion und Textzusammenhang in der Wissenschaftssprache // Fachsprache und Kommunikation. – Wien : ÖBV, 1970. – S. 79–91.
138. Duden Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. – Mannheim, Zürich : Dudenverlag, 2009. – 1343 S.
139. Eckard, R. Inferentielle Pragmatik. Zur Theorie der Sprecher-Bedeutung / R. Eckard. – Berlin : Schmidt, 2013. – 208 S.
140. Egbert, M. Syntaktische Merkmale von ‚übrigens‘ in seiner Hauptposition: im Mittelfeld des Verb-Zweit-Satzes // Zeitschrift für germanistische Linguistik. Berlin/Boston : Walter de Gruyter, 2002. – Vol. 30. – S. 1–22.
141. Ehlich, K. Die Wissenschaft und ihre Sprachen / K. Ehlich, D. Heller. – Bern et.al. : Lang, 2006. – 323 S.
142. Ehlich, K. Deutsch als fremde Wissenschaftssprache // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. – München : Iudicium, 1993. – S. 13–42.
143. Ehlich, K. Funktion und Struktur schriftlicher Kommunikation // Schrift und Schriftlichkeit. Writing and its use, 1. Halbband. – Berlin, New York : de Gruyter (HSK 10.1), – 1994b – S. 18–41.
144. Eisenberg, P. Der Satz: Grundriss der deutschen Grammatik / P. Eisenberg. – Stuttgart; Weimar : Metzler, 2013. – 535 S.
145. Ernst, P. Pragmalinguistik. Grundlagen. Anwendungen. Probleme / P. Ernst. – Berlin; New York: de Gruyter, 2002. – 210 S.

146. Feilke, H., Steinhoff, T. Zur Modellierung der Entwicklung wissenschaftlicher Schreibfähigkeiten // Wissenschaftlich schreiben – lehren und lernen. – Frankfurt/Main et al : Walter de Gruyter, 2003. – S. 112–128.
147. Göpferich, S., Engberg, J. Qualität fachsprachlicher Kommunikation // Forum für Fachsprachforschung. – Tübingen : Narr. – 2004. – Vol 66. – 270 S.
148. Graefen, G. Der wissenschaftliche Artikel: Textart und Textorganisation / Gabriele Graefen. – Frankfurt/Main ; Berlin ; Bern ; New York ; Paris ; Wien : Lang. – 1997. – 358 S.
149. Graefen, G., Moll, M. Wissenschaftssprache Deutsch: lesen – verstehen – schreiben // Ein Lehr- und Arbeitsbuch. – Frankfurt/Main ; Berlin ; Wien ; Bern : Lang, 2011. – 182 S.
150. Grice, H.P. Logic and conversation // Syntax and Semantics 3 : Speech Acts, New York : Academic Press, 1975. – p. 41–58.
151. Halliday, M.A. An introduction to functional grammar / M.A. Halliday. – 2nd ed., London : Edward Arnold, 1994. – 789 p.
152. Handbuch zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft / Handbooks of Linguistics and Communication Science (HSK)/ Fachsprache. – Berlin, New York : Walter de Gruyter, 1998. – S. 408–413.
153. Heinemann, M. Textsorten des Bereichs Hochschule und Wissenschaft // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung, 1. Halbband, Berlin : de Gruyter, 2000. – S. 702–709.
154. Helbig, H., Buscha, J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / H. Helbig, J. Buscha. – Berlin ; München ; Wien ; Zürich ; New York : Langenscheidt, 2001– 655 S.
155. Hoffmann, L. Kommunikationsmittel Fachsprache : eine Einführung / L. Hoffmann. – Tübingen : Narr, 1985. – 307 S.
156. Hoffmann, L. Wissenschaftssprache als gesellschaftliches Phänomen // Wissenschaftssprache und Gesellschaft. Aspekte der wissenschaftlichen

- Kommunikation und des Wissenstransfers in der heutigen Zeit. 2. Aufl.
Tostedt : Attikon, 1989. – S. 76–93.
157. Hyland, K. Academic discourse. English in a global context / K. Hyland. – London : Continuum, 2009. – 215 p.
158. Hyland, K. Authority and invisibility: authorial identity in academic writing // Journal of Pragmatics. – Amsterdam : Elsevier, 2002. – p. 1091–1112.
159. Hyland, K. Humble servants of the discipline? Self-mention in research articles // English for Specific Purposes. – New York : Elsevier, 2001. – p. 207–226.
160. Kresta, R. Realisierungsformen der Interpersonalität in vier linguistischen Fachtextsorten des Englischen und Deutschen / R. Kresta. – Frankfurt/Main : Lang, 1995. – 405 S.
161. Kretzenbacher, H.L. Wie durchsichtig ist die Sprache der Wissenschaften? // Linguistik der Wissenschaftssprache. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1995. – S. 1–39.
162. Kuhn, T.S. The structure of scientific revolutions / T.S. Kuhn. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1962. – 213 p.
163. Kuo, C.-H. The use of personal pronouns: the role of relationships in scientific journal articles // English for Specific Purposes. – New York : Elsevier, 1999. – Vol. 18 (3). – p. 121–138.
164. Langacker, R. Subjectification // Cognitive Linguistics. – Berlin ; Boston, Mass. : de Gruyter Mouton. – 1990. – Vol. 1, N 1. – p. 5–38.
165. Lyons, J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – 897 p.
166. Meyer, H.-J. Modality in Science Texts // Special Language / Fachsprache 3 / 4, – Wien : Facultas Verlags- u. Buchhandels AG, 1989. – p. 127–135.
167. Nefedov, S. Fachsprache 'Linguistik' in der universitären Kommunikation: explizite und implizite Autorisierung

- sprachwissenschaftlicher Texte // Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur. – Istanbul, 2014/II. – S. 17–33.
168. Oksaar, E. Das Postulat der Anonymität für Fachsprachengebrauch // Fachsprachen: Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft. (=HSK 14.1). Berlin ; Boston : de Gruyter, 1998. – S. 397–401.
169. Oldenburg, H. Angewandte Fachtextlinguistik: «conclusions» und Zusammenfassungen / H. Oldenburg. – Tübingen : Narr, 1992. – 257 S.
170. Paek, S. Die sprachliche Form hypothetischen Denkens in der Wissenschaftssprache/ S. Paek. – München : Iudicium, 1993. – 193 S.
171. Panther, Kl.-U. Einige typische indirekte sprachliche Handlungen im wissenschaftlichen Diskurs // Wissenschaftssprache: Beiträge zur Methodologie, theoretischen Fundierung und Deskription. – München : Fink, 1981. – S. 231–260.
172. Polenz, P. von Über die Jargonisierung von Wissenschaftssprache und wider die Deagentivierung // Wissenschaftssprache. – München : Fink, 1981. – S. 85–110.
173. Polenz, P. von Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. III. 19. und 20. Jahrhundert / P. von Polenz. – Berlin, New York : Walter de Gruyter, 1999. – 757 S.
174. Riesel, E., Schendels, E. Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendels. – Moskau : Verl. Hochschule, 1975. – 316 S.
175. Roelcke, T. Fachsprachen / T. Roelcke. – Berlin : Erich Schmidt Verlag GmbH, 2010. – 250 S.
176. Schröder, H. Aspekte sozialwissenschaftlicher Fachtexte / H. Schröder. – Hamburg : Buske, 1987. – 343 S.
177. Schröder, H. Der Stil wissenschaftlichen Schreibens zwischen Disziplin, Kultur und Paradigma – Methodologische Anmerkungen zur interkulturellen Stilforschung // Stilfragen. – Berlin, New York : de Gruyter, 1999. – S. 150 – 180.

178. Steinhoff, T. Wissenschaftliche Textkompetenz: Sprachgebrauch und Schreibentwicklung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten/ T. Steinhoff. – Tübingen : Walter de Gruyter, 2007. – 456 S.
179. Steinhoff, T. Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – Berlin, New York : de Gruyter, 2007. – Vol.35. – S. 1–26.
180. Swales, J.M. Genre analysis: English in Academic and Research Settings / J.M. Swales. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 260 p.
181. Tang, R., John, S. The 'I' in identity: exploring writer identity in student academic writing through the first person pronoun // English for Specific Purposes. – New York : Elsevier, 1999. – Vol. 18 (3). – p. 23–39.
182. Thielmann, Winfried Deutsche und englische Wissenschaftssprache im Vergleich : Hinführen, Verknüpfen, Benennen / W. Thielmann. – Heidelberg : Synchron Verlag, 2009. – 352 S.
183. Verdonk, P. Stylistics / P. Verdonk. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 119 p.
184. Weingarten, R. Zur Stilistik der Wissenschaftssprache : Objektivitäts- und Handlungsstil // Texte und Diskurse. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. – S. 115–135.
185. Weinreich, C. Das Textsortenspektrum im fachinternen Wissenstransfer: Untersuchung anhand von Fachzeitschriften der Medizin / C. Weinreich. – Berlin : Walter de Gruyter, 2010. – 260 S.
186. Weinrich, H. Formen der Wissenschaftssprache // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Berlin. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1989. – S. 119–158.
187. Weinrich, H. Formen der Wissenschaftssprache // Sprache, das heißt Sprachen. Mit einem vollständigen Schriftenverzeichnis des Autors. – Tübingen : Narr, 2006. – S. 221–252.

188. Zifonun, G. Grammatik der deutschen Sprache /
G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Stecker. – Berlin; New York : de Gruyter,
1997. – 2800 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Номер	<u>Название</u>	Кол-во стр. без анно- тации	Кол- во преди- каций
Zeitschrift für germanistische Linguistik Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH			
1.	Ágel, V. Analyse und Synthese – ein Diskussionsbeitrag. – 2011, 39. – S. 405–421.	16	347
2.	Bubenhofer, N., Scharloth, J. Maschinelle Textanalyse im Zeichen von Big Data und Data-driven Turn – Überblick und Desiderate. – 2015, 43(1). – S. 1–26.	25	488
3.	Bücker, J. Jein: Formen und Funktioneneiner Dialogpartikel in Mündlichkeit und Schriftlichkeit. – 2013, 41(2). – S. 189–211.	22	352
4.	Bücking, S. Zur Syntax hypotetischer Vergleichssätze im Deutschen. – 2015, 43(2). – S. 261–305.	43	740
5.	Büllow, L., Schamberger, Ch. Die Logik indikativischer wenn-Sätze. – 2013, 41(2). – S. 277–298.	21	574
6.	Czech, H. Variablenbindung und semantische Genuskongruenz bei Eigennahmen im Deutschen. – 2015, 43(2). – S. 233–260.	26	564
7.	Diewald, G. Kategorien der Redewiedergabe im Deutschen: Konjunktiv I versus sollen. – 2013, 41(3). – S. 443–471.	26	573
8.	Domke, Ch. Ortsgebundenheit als distinktives Merkmal in der Textanalyse. – 2013, 41(1). – S. 102–126.	23	466

9.	Felfe, M. Transitive Resultativkonstruktionen in der Konstruktionsgrammatik. – 2012, 40(3). – S. 352–395.	42	937
10.	Fix, U. Nichtsprachliches als Textfaktor: Medialität, Materialität, Lokalität. – 2008, 36 (3). – S. 343–354.	10	216
11.	Fraas, Cl., Pentzold, Ch. Big Data vs. Slow Understanding? Voraussetzungen und Vorgehen computergestützter Analyse transmedialer multimodaler Diskurse. – 2015, 43(1). – S. 112–133.	18	264
12.	Fritz, G. Texttheorie und textlinguistische Annotation von Korpora: Bemerkungen zur Rethorical Structure Theory. – 2014, 42(2). – S. 163–195.	32	568
13.	Hagemann, J. Typographie und Textualität. – 2013, 41 (1). – S. 40–64.	24	473
14.	Hausendorf, H. Zwischen Linguistik und Literaturwissenschaft: Textualität revisited. Mit Illustrationen aus der Welt der Urlaubsansichtskarte. – 2008, 36 (3). – S. 319–342.	23	390
15.	Hennig, M. Ellipse und Textverstehen. – 2011, 39. – S. 239–271	30	556
16.	Hennig, M. So, und so, und so weiter Zeitschrift für Germanistische Linguistik. – 2006, 34 (3). – S. 409–432.	23	360
17.	Holly, W. Textualität – Visualität. – 2013, 41 (2). – S. 1–7.	7	175
18.	Jacobs, J. Valenzbindung oder Konstruktionsbindung? Eine Grundfrage der Grammatiktheorie. – 2009, 37 (7). – S. 490–513.	23	416
19.	Kasper, S. Herleitung einer Instruktionsgrammatik. – 2014, 42 (2). – S. 253–306.	53	940
20.	Kath, R., Schaal, G., Dumm, S. New Visual	24	435

	Hermeneutics. – 2015, 43(1). – S. 27–51.		
21.	Klaus, P. Zur Semantik pränominaler onymischer Genitivattribute. – 2015, 43 (2). – S. 199–232.	33	510
22.	Knobloch, Cl. Noch einmal: Partikelkonstruktionen. – 2009, 37 (3). – S. 544–564.	20	374
23.	Kotin, M. L. Die wenn-dann-Hypotaxe aus synchroner, diachroner und typologischer Sicht. – 2013, 41 (3). – S. 413–442.	29	522
24.	Leiss, E. Submorphematische Motiviertheit als Grammatikalisierungsergebnis zur Grammatikalisierung von Reflexivpronomen. – 2005, 32 (2). – S. 233–244.	11	190
25.	Lemke, M., Stulpe, A. Text und soziale Wirklichkeit. Theoretische Grundlagen und empirische Anwendung von Text-Mining-Verfahren in sozialwissenschaftlicher Perspektive. – 2015, 43(1). – S. 52–83.	31	562
26.	Lindemann, K., Ruoss, E., Weininger, C. Dialogizität und sequenzielle Verdichtung in der Forenkommunikation: Editieren als kommunikatives Verfahren. – 2014, 42(2). – S. 223–252.	29	605
27.	Lobin, H. Visualität und Multimodalität in wissenschaftlichen Präsentationen. – 2013, 41(1). – S. 65–80.	14	253
28.	Maienborn, Cl. Das Zustandspassiv. Grammatische Einordnung – Bildungsbeschränkung – Interpretationsspielraum. – 2007, 35(1). – S. 83–114.	31	446
29.	Meinunger, A. Der Wortartenstatus des Elements je in der komparativen Korrelativkonstruktion. – 2011, 39. – S. 217–238.	25	517

30.	Mortelmans, T. Grammatikalisierung und Subjektivierung: Traugott und Langacker. – 2005, 32 (2). – S. 188–209.	21	370
31.	Mroczynski, R. Zur Herausbildung des Diskursmarkers ja. Grammatikalisierung oder Pragmatikalisierung? – 2013, 41(1). – S. 127–152.	25	343
32.	Müller, G. H. Zur textpragmatischen Funktion der Groß- und Kleinschreibung des Deutschen. – 2014, 42(1). – S. 1–25.	24	614
33.	Neef, M. Satzgliedfunktionen im Deutschen: eine realistische Weiterentwicklung. – 2014, 42 (3). – S. 420–455.	35	678
34.	Nübling, D. Die Bismark – der Arena – das Adler. Vom Drei-Genus zum Sechs-Klassen-System bei eigennahmen im Deutschen: Degrammatikalisierung und Exaptation. – 2015, 43 (2). – S. 306–344.	38	714
35.	Pentzold, Ch., Fraas, Cl., Meier, St. Online-mediale Texte: Kommunikationsformen, Affordanzen, Interfaces. – 2013, 41 (1). – S. 81–101.	20	372
36.	Pittner, K. Kommentare zum Kommentarglied. – 2014, 42(1). – S. 50–57.	8	196
37.	Reis, M. Kaum-Gefüge im Deutschen – Grammatik und Pragmatik. – 2011, 39. – S. 317–355.	38	941
38.	Richter, M. Schließen auf Verbklassen. – 2015, 43(2). – S. 183–198.	15	232
39.	Rothstein, B. Zur temporalen Interpretation von Fügungen des Typs sie kamen gelaufen. – 2011, 39. – S. 356–376.	20	437
40.	Rovere, G. Der semantische Kommentar in	17	306

	gegenwartsbezogenen Sprachkontaktwörterbüchern. – 2010, 38 (3). – S. 388–405.		
41.	Scherer, C. Das Deutsche und die dräuenden Apostrophen. –2010, 38. – S. 1–24.	22	387
42.	Schleef, E. Sprache und Geschlecht im universitären Diskurs. – 2012, 40 (1). – S. 1–34.	29	849
43.	Schneider, J. Hat die gesprochene Sprache eine eigene Grammatik? Grundsätzliche Überlegung zum Status gesprochen sprachlicher Konstruktionen und zur Kategorie «gesprochenes Standarddeutsch». – 2011, 39. – S. 165–187.	20	612
44.	Staffeldt, S. Die phraseologische Konstruktionsfamilie [X Präp Hand Verb]. – 2011, 39. – S. 188–216.	28	741
45.	Steinhoff, T. Zum <i>ich</i> -Gebrauch in Wissenschaftstexten“. – 2007. – S. 1–26.	25	443
46.	Stefanowitsch, A. Bedeutung und Gebrauch in der Konstruktionsgrammatik: Wie kompositionell sind modale Infinitive im Deutschen? – 2009, 37(3). – S. 565–592.	27	594
47.	Topalović, E., Uhl, B., Linguistik des literarischen Erzählens. – 2014, 42(1). – S. 26–49.	23	391
48.	Turgay, K. Der Zweitspracherwerb des deutschen Kasus in der Präpositionalphras. – 2011. – S. 24–54.	30	521
49.	Vinckel-Roisin, H. Presstexten als kohärenzstiftendes Mittel. – 2011, 39. – S. 377–404.	27	538
50.	Vogel, R. Auf alles gefasst sein: Ausnahmen in der Grammatik. – 2006, 34 (1). – S. 229–243.	13	197
51.	Wiegand, H. E. Semantik und Lexikographie: vier Einblicke. – 2010, 38 (3). – S. 341–346.	5	96

52.	Willems, Kl. Indeterminiertheit, Valenzvariation und Verbbedeutung vom Gesichtspunkt der funktionellen Syntax. – 2006, 34(1). – S. 178–206.	26	516
53.	Zinsmeister, H. Chancen und Grenzen von automatischer Annotation. – 2015, 43(1). – S. 84–111.	27	348
Zeitschrift für angewandte Linguistik			
Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH			
54.	Attaviriyanupap, K. Die Modalverben im Deutschen und ihre thailändischen Entsprechungen. Eine kontrastive Analyse. – 2011. – S. 91–119.	28	431
55.	Boas H. Wie viel Wissen steckt in Wörterbüchern? Eine frame-semantische Perspektive. – 2013. – S. 75–97.	22	560
56.	Dynkowska, M. Erfolgreich Präsentieren in der Wissenschaft? Empirische Untersuchungen zur kommunikativen und kognitiven Wirkung von Präsentationen. – 2012. – S. 33–65.	32	656
57.	Göpferich, S., Nelezen B. Die Sprach(un)abhängigkeit von Textproduktionskompetenz: Translation als Werkzeug der Schreibprozessorforschung und Schreibdidaktik. – 2013. – S. 167–200.	33	407
58.	Graf, E.-M. Analyse diskursiver Praktiken im Führungskräfte-Coaching: Ein sprachwissenschaftlicher Beitrag zur Professionalisierungsdebatte. – 2011. – S. 59–90.	31	513
59.	Hennig, M., Hochscheid, Th., Löber St. Sind Varianzausdrücke ein geeignetes Mittel zur Bewältigung des Normativitätsdilemmas? 2012. – S. 95–120.	25	424
60.	Janich, N., Zakharova, E. Fiktion ‘gemeinsame Sprache’? Interdisziplinäre Aushandlungsprozesse auf	22	390

	der Inhalts-, der Verfahrens-, und der Beziehungsebene. – 2014, 61(1). – S. 3–25.		
61.	Juschka-Bacher, B., Jakob S. Wortschatzumfang und Wortschatzqualität und ihre Bedeutung im fortgesetzten Spracherwerb. – 2014,61(1). – S. 49–75.	26	468
62.	König, K. Sprachliche Kategorisierungsverfahren und subjektive Theorien über Sprache in narrativen interviews. – 2010. – S. 31–57.	26	560
63.	Leuninger, H. Dümig, S., Kops, F., Koch C., Rabea Scharze Phonologische Komplexität: Demisilben in Versprechern, Paraphrasen und Neologismen. – 2013, 59(1). – S. 1–19.	18	298
64.	Metten, T. Zur Analyse von Atmosphären in Diskursen. Eine diskurslinguistische Untersuchung kollektiver Befindlichkeiten am Beispiel des Vulkanausbruchs in Island. – 2012. – S. 33–65.	32	659
65.	Meyer, M. Wohlgeformtheit als empirisches Konzept. – 2011. – S. 23–58.	35	678
66.	Morek, M., Heller V., Bildungssprache Kommunikative, epistemische, soziale und interaktive Aspekte ihres Gebrauchs. – 2012. – S. 67–101.	34	830
67.	Niehr, T. Na dann pass mal auf den Dienstwagen auf, FrankWalter! InternetbasierteWahlkampfkommentierung von unten. – 2010. – S. 29–48.	19	443
68.	Schierholz, St. Wörter Wissen Wörterbücher. – 2013. – S. 1–12.	11	202
69.	Ylönen, S. Denkstil und Sprache/n in den Wissenschaften. Mit Beispielen aus der Medizin. – 2011. – S. 1–22.	21	520

Zeitschrift für Sprachwissenschaft			
Berlin: Walter de Gruyter GmbH			
70.	Buscher, F. Im Spannungsfeld von Semantik und Pragmatik: Zur Bedeutungskonstitution von Einstellungsadverbialen. – 2013, 32(2). – S. 135–179.	44	940
71.	Dölling, J. Semantische Form und pragmatische Anreicherung: Situationsausdrücke in der Äußerungsinterpretation. – 2005, 241. – S. 59–225.	66	1268
72.	Elsen, H., Michel, S. Beispiel Wortbildung. Die Erhebung und Interpretation von Daten. – 2009, 28. – S. 163–168.	4	96
73.	Fuhrhop, N. Das graphematische Wort (im Deutschen). 2008, 27. – S. 189–228.	39	964
74.	Jein, B. Formen und Funktionen einer Dialogpartikel in Mündlichkeit und Schriftlichkeit. – 2014, 41(2). – S. 189–211.	22	378
75.	Kiss, T. Produktivität und Idiomatizität von Präposition-Substantiv-Sequenzen Zeitschrift für Sprachwissenschaft. – 2007, 26. – S. 317–345.	28	563
76.	Lübbe, A. & Rapp, I. Aspekt, Temporalität und Argumentstruktur bei attributiven Partizipien des Deutschen. – 2011, 30. – S. 259–299.	40	1090
77.	Meyer, M. Sprachliche Wohlgeformtheit eine kritische Bestandsaufnahme. – 2009, 28. – S. 141–150.	9	298
78.	Ramers, K.-H. Topologische Felder: Nominalphrase und Satz im Deutschen. – 2006, 25. – S. 95–127.	31	693

79.	Schlesewsky, M. Linguistische Daten aus experimentellen Umgebungen: Eine multiexperimentelle und multimodale Perspektive 2009, 25. – S. 169–178.	9	255
80.	Wunderlich, D. Spekulationen zum Anfang von. – 2008, 27. – S. 229–265.	36	662
Zeitschrift für deutsche Philologie			
Berlin : Erich Schmidt Verlag GmbH & Co. KG			
81.	Krogh, St. Zu Form und Gebrauch des Partizips Präsens in der Geschichte der Ostjiddischen Schriftsprache. Mit einem Ausblick auf das moderne ultraorthodoxe Schriftjiddisch Satmarer Prägung. –2010. – S. 385–413.	28	529
82.	Lehmann, J. Es war ihm, als ob... . Zu Theorie und Geschichte des ‚erlebten Vergleichs‘. – 2013. – S. 481–498.	17	463
83.	Reuvekamp-Felber, T. Zur gegenwärtigen Situation mediävistischer Fiktionalitätsforschung. Eine kritische Bestandsaufnahme. – 2014. – S. 417–444.	27	386
84.	Reuvekamp, S. Ô KÊRE DOCH HERZ UND VERNUNST / ÛF EDELE DENE UND EDELIU WORT Überlegungen zum Verhältnis von Liebes-, Kunst- und Sprachreflexion im mittelhochdeutschen Liebes- und Abenteuerroman. – 2014. – S. 49–65.	16	420
85.	Wiedemann, B. Zwei, drei Worte verstecken. Heinrich Bölls Roman „Billard um halb zehn“ und Paul Celan. – 2014. – S. 241–274.	33	565

Предисловия к монографиям			
86.	Besch, W., Wolf, N. R. Geschichte der deutschen Sprache. Längsschnitte – Zeitschnitte – Linguistische Studien. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2009.	2	47
87.	Heinemann, M., Heinemann, W. Grundlagen der Textlinguistik: Interaktion – Text – Diskurs. Tübingen: Niemeyer, 2002.	2	38
Linguistik-Online [Электронный ресурс] – Режим доступа: <u>https://bop.unibe.ch/linguistik-online/</u>			
88.	Dürscheid, Ch. „Medien, Kommunikationsformen, kommunikative Gattungen. – 2005,22(1). – S. 3–16.	12	247
89.	Elmiger, D. Sprachliche Gleichbehandlung von Frau und Mann: Eine korpusgestützte Untersuchung über den Sprachwandel in der Schweiz. – 2009, 29(3). – S. 61–73.	12	310
90.	Niehr, Th. Politolinguistik und/oder Sprachkritik? Das Unbehagen in und an der Deskriptivität. – 2015, 73(4). – S.139–152.	11	197
		2167 стр.	43286 пред.

Монографии			
1.	Hermann-Giovanelli, I. Wissenschaftskommunikation aus der Sicht von Forschenden. Eine qualitative Befragung in den Natur- und Sozialwissenschaften, Konstanz, München: UVK-Verlagsgesellschaft, 2013. – 272 S.	237	5165
2.	Gansel, Ch. „Textsortenlinguistik“ Göttingen : Vandenhoeck. & Ruprecht, 2011. – 128 S.	114	3582
3.	Roelcke, T. Fachsprachen. Berlin : Erich Schmidt Verlag GmbH, 2010. – 250 S.	204	4620
4.	Thielmann, W. Deutsche und englische Wissenschaftssprache im Vergleich: Hinführen, Verknüpfen, Benennen. Heidelberg : Synchron, 2009. – 350 S.	302	5493
5.	Steiner, F. Dargestellte Autorschaft Autorkonzept und Autorsubjekt in wissenschaftlichen Texten. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2009. – 287 S.	266	4810
		1123 стр.	23670 пред.